

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2022

№ 19

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голык Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерисhev Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Зникий В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и уголовного процесса Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолякова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативной-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Ю.П. Готфрид; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 06.06.2022 г. Формат 60x80^{1/8}. Печ. л. 16. Усл.-печ. л. 14,8. Тираж 500 экз. Заказ № 5046. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.06.2022 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия.
Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Голик Ю.В. Уголовное право и философия	5
Лозинский И.В. К вопросу о направлениях совершенствования уголовного законодательства России, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности	12
Татимов А.М. Квалификация преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, по объективным признакам	20
Чуканова Е.С. Уголовная ответственность несовершеннолетних: основные этапы исторического развития отечественного законодательства	25
Шапошников А.А., Гульбинский Ю.В. Уголовно-правовой анализ публичного распространения ложной информации о новой коронавирусной инфекции (COVID-19)	29
Шеслер А.В. Особенности причинной связи при соучастии в преступлении	33

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Качалов Е.В. Международно-правовые и конституционные основы ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства	39
Надоненко О.Н. О разрешении адвокатских запросов и жалоб граждан государственными экспертными учреждениями	46

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Исаков В.С. Проблема замены обязательных и исправительных работ в связи со злостным уклонением от их отбывания на уголовное наказание в виде принудительных работ	50
Киселев М.В., Шкуренко И.А. К вопросу о правовом содержании термина «оперативная обстановка в учреждениях уголовно-исполнительной системы»	55
Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Становление и развитие отрядной системы содержания осужденных в практике советских и российских исправительных учреждений	63
Некрасов И.С. Роль международно-правовых актов в формировании системы источников уголовно-исполнительного права России	70
Ольховик Н.В., Малетина Е.А., Питкевич Л.П. Правовое обеспечение первоначальных мероприятий по розыску осужденных к уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	74
Ткач А.С. Некоторые особенности исчисления срока исправительных работ в новой социально-экономической реальности	78
Уваров О.Н., Любарский А.Ф. Допениденциарная пробация в системе пробации Российской Федерации	83
Усеев Р.З. К вопросу о правосубъектности и уголовно-исполнительных правоприменительных действиях исправительных учреждений	87
Филиппев Р.А. Использование беспилотных летательных аппаратов при доставке запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений и возможные способы борьбы с ними	96

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. О содержании правозащитной деятельности прокуратуры	102
---	-----

КРИМИНОЛОГИЯ

Филиппова О.В. Классификация и типология преступников-рецидивистов	105
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Григорьев П.А. Фальсификация реестра компаний по уголовному закону России, Великобритании и США: сравнительное исследование	110
Трефилов А.А. Меры принуждения в уголовном процессе Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна: историческое развитие	117

РЕЦЕНЗИИ

Уткин В.А. Рецензия на монографию доцента, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета Воронина Олега Викторовича «Пениденциарный надзор» (М.: Юрлитинформ, 2022. 200 с.)	126
--	-----

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Golik Yu.V. Criminal law and philosophy	5
Lozinskiy I.V. On the ways to improve the Russian criminal legislation protecting public relations in economic activities	12
Tatimov A.M. Objective qualification of crimes related to the involvement of minors in antisocial actions	20
Chukanova E.S. Criminal liability of minors: main stages in the historical development of Russian legislation	25
Shaposhnikov A.A., Gulbinskiy Yu.V. Legal analysis of the public dissemination of false information about the new coronavirus infection (COVID-19)	29
Shesler A.V. Specificity of causal connection in criminal complicity	33

CRIMINAL PROCEDURE

Kachalov E.V. International legal and constitutional framework for restricting the rights and freedoms of participants in criminal proceedings	39
Nadonenko O.N. On resolution of defense attorneys' requests and complaints of citizens by state expert institutions	46

PENAL LAW

Isakov V.S. On the substitution of compulsory and corrective labour with penal labour due to malicious evasion	50
Kiselev M.V., Shkurenko I.A. On the legal content of the term "operational environment in the institutions of the penal enforcement system"	55
Kuzmin S.I., Chukanova E.S. The formation and development of detachment (otryad) system in Soviet and Russian correctional institutions	63
Nekrasov I.S. The role of international legal acts in the formation of the system of sources of Russia's penal law	70
Olkhovik N.V., Maletina E.A., Pitkevich L.P. Legal support of initial measures of search for persons sentenced to criminal punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities	74
Tkach A.S. Some features of the calculation of the period of correctional labour in the new socioeconomic reality	78
Uvarov O.N., Lyubarsky A.F. Pre-penitentiary probation in the probation system of the Russian Federation	83
Useev R.Z. On legal capacity and penal law enforcement actions of correctional institutions	87
Filipiev R.A. Use of unmanned aerial vehicles for delivering prohibited items to correctional institutions and possible ways to combat them	96

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. On the content of the human rights protection activities of the prosecutor's office	102
---	-----

CRIMINOLOGY

Filippova O.V. Recidivist criminals: Classification and typology	105
---	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Grigoriev P.A. Falsifying the register of companies under the criminal law of Russia, UK, and USA: A comparative study	110
Trefilov A.A. Measures of coercion in the criminal procedure in Germany, Austria, Switzerland, and Lichtenstein: Historical development	117

REVIEWS

Utkin V.A. Book review: Voronin, O.V. (2022) <i>Penitentsiarnyy nadzor</i> [Penitentiary supervision]. Moscow: Yurlitinform	126
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/1

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ФИЛОСОФИЯ

Юрий Владимирович Голик

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, ygolik@list.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы связи уголовного права и философии, философские основы и основания уголовного права. Отмечается, что в современных условиях развитие уголовного права без опоры на философию практически невозможно. Показывается, как философия влияет на понимание необходимости преобразования уголовного права.

Ключевые слова: философия, философия права, философия уголовного права, нравственность, наказание, преступление, уголовный закон

Для цитирования: Голик Ю.В. Уголовное право и философия // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 5–11. doi: 10.17223/23088451/19/1

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/1

CRIMINAL LAW AND PHILOSOPHY

Yuriy V. Golik

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ygolik@list.ru

Abstract. The article focuses on the links between criminal law and philosophy as well as the foundations of philosophy and criminal law. The author notes that in modern conditions criminal law can develop only relying on philosophy and shows how philosophy affects the understanding of the need to transform criminal law. Modern criminal law needs to be reflected. Life is changing, so the role of law in it is changing, too. Criminal law can no longer perform its functions in the way it used to. If we fail to understand this, we will not be able to move forward in our development. We will have to move a lot and quickly in the near future. Life is getting harder and faster, which cannot but please, since any movement makes our life longer.

Keywords: philosophy, philosophy of law, philosophy of criminal law, morality, punishment, crime, criminal law

For citation: Golik, Yu.V. (2022) Criminal law and philosophy. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 5–11. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/1

Какая связь между правом и философией? Кажется бы, вопрос понятен, а понятен ли ответ на него. Кому-то может показаться, что философия юристу нужна постольку-поскольку, а кто-то будет утверждать обратное.

Между тем сегодня именно философская подготовка нужна при изучении права в целом и уголовного права в том числе. Достаточно открыть одиннадцатый номер журнала «Государство и право» за 2021 г., чтобы убедиться в этом. Он почти наполовину посвящен обозначенным проблемам.

Для уголовного права это имеет особое значение в силу ряда причин.

Первая. За годы после принятия ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) произошла его почти полная десистематизация. Об

этом написано и сказано уже очень много, поэтому нет нужды повторяться.

Вторая. Произошло и происходит тотальное обезнаучивание уголовного права. Привлекать ученых к созданию законопроектов не запрещено, но в определенных кругах это считается как бы чем-то неприличным. Об этом также сказано и написано очень много.

Третья. Меняются структура и характер преступности. Наряду с традиционными видами преступлений совершаются некие новые деяния, иногда очень опасные, но не имеющие сегодня даже названия. В ближайшее время масса преступлений начнет совершаться в виртуальном пространстве. Можем ли мы традиционными приемами уголовного права противодействовать этому? – Ответ напрашивается из старого анекдота, когда человека спрашивают: «Вы умеете играть на скрипке?» – Ответ: «Не

знаю, не пробовал». Вот и мы не знаем, ибо никакого опыта у нас нет, не было и не могло быть. Но это не значит, что мы должны молча взирать на происходящее.

В этой связи без философского осмысления стремительно меняющейся реальности нам просто не обойтись.

Итак, философия.

Как мы знаем, философское осмысление мира началось много тысячелетий назад, сразу при появлении науки. Если мы попробуем вчитаться под этим углом зрения в текст Библии, то найдем там массу примеров, подтверждающих правоту этих слов. Так уж устроен человек: он все хочет понять и познать, потрогать и попробовать.

В.И. Вернадский (1863–1945) – великий русский ученый и мыслитель, когда-то писал: «Положение философии в структуре человеческой культуры очень своеобразно. Оно связано с религиозной, социально-политической, личной и научной жизнью неразрывно и многообразно» [1. С. 105]. Для того чтобы ни у кого не возникло отторжения от занятия философией или ее использования, он указывает: «Можно быть философом, и хорошим философом, без всякой ученой подготовки, надо только глубоко и самостоятельно размышлять обо всем окружающем, сознательно жить в своих собственных рамках. В истории философии мы видим постоянно людей, образно говоря, “от сохи”, которые без всякой другой подготовки оказываются философиями» [1. С. 105–106]. Таким образом, философские размышления доступны каждому думающему человеку. Остается добавить, что написано это было еще в 1938 г. в его незаконченной, к сожалению, работе «Научная мысль как планетное явление». Уже в этом названии автор подчеркивает, что наука охватывает всю планету и всех людей, вне зависимости от их местонахождения, рода занятий, цвета кожи и т.д. Наука – это прежде всего мысль, а мысль бесконечна.

Конечно же, В.И. Вернадский был не одинок в своих устремлениях возвысить роль философии в нашей жизни. Считаю необходимым указать на то, что известный русский религиозный философ XIX в. В.С. Соловьёв (1853–1900) свое первое крупное философское произведение, оставшееся незаконченным, озаглавил очень символично: «Философские начала цельного знания» (1877) [2. С. 139–188]. Если отвлечься от его религиозных изысканий, то в сухом остатке останется то, что он признавал философию основой цельного знания. Не фрагментарного, отрывочного, специального и даже не системного, а именно *цельного*. Именно цельность знания позволяет видеть всю картину окружающего мира полностью, объемно, со всеми выпуклостями и шероховатостями, со всеми достоинствами и недостатками. И криминальная тематика сюда полностью вписывается, ибо позволяет отражать важный сегмент нашего бытия – болезненный, ненужный, но на данном этапе развития человечества, к сожалению, неизбежный.

Что такое цельность? Сам автор начинает свой труд фразой, много объясняющей: «Первый вопрос, на который должна ответить всякая философия, имеющая притя-

зание на общий интерес, есть вопрос о цели существования» [2. С. 139]. Иными словами, мы должны понимать цельность как нацеленность, исходить из цели. Именно цель должна являться исходной точкой отсчета.

Однако русский язык богат и многогранен. Цельность можно понимать и как целостность. В.С. Соловьёв прекрасно это знал и использовал и то и другое значения, не всегда акцентируя на этом внимание. Особенно заметно это проявляется в ч. III «Начала органической логики: характеристика цельного знания. – Исходная точка и метод органической логики». Как правило, такое использование цельности в смысле целостности он применяет при описании истины и человека. Это позволяет нам использовать эти два понятия как синонимы. Они нам пригодятся в обоих значениях. Более того, их использовать надо вместе. Цельная целостность. Это позволит более глубоко проникнуть в суть проблемы. Недаром многие философы очень высоко ценили способность правильно судить о целом. После развала Советского Союза многие бывшие республики Союза утратили свою полноценность и не могут ее восстановить до сих пор. Они полагали, что, объявив себя независимыми, будут получать деньги из Москвы и жить, как прежде.

В праве целостность имеет особое значение. Например, ст. 158.1 УК РФ и ст. 7.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, предусматривающие ответственность за мелкое хищение, не составляют единого целого, что порождает излишние теоретические споры и сложности при правоприменении. Технологи (нормрайтеры) могли бы достаточно легко устранить существующую проблему. Исписаны сотни страниц на эту тему, но законодатель глух к этим призывам, ибо он просто не понимает сути проблемы.

Философия – это прежде всего мысль. Существует бесчисленное количество высказываний самых известных мыслителей по этому поводу. Но и право следует рассматривать как мысль. Гегель в своей фундаментальной «Философии права» писал, что надо «стремиться понять и право как мысль» [3. С. 58]. Иными словами, философия и право здесь сливаются в одном мысленном потоке. Они при этом отражают реальную жизнь, но отражают совсем по-разному.

Мысль присуща только человеку. Точнее, человеческому сознанию. И именно человеческая мысль на каком-то этапе своего развития породила правовую среду. И эта среда, право в целом, стала неотъемлемой частью существования всего общества. Попробуйте изъять правовую составляющую из нашего бытия. Не получится. Мы срослись с этим явлением намертво. Иногда доводя многие вещи до абсурда. И борьба с преступностью полностью вписывается сюда. Недаром С.А. Бочкарёв специально отметил: «Из истории философии известно, что философская мысль никогда не упускала из виду уголовный вопрос и всегда предусматривала для него место в конструируемых картинах мира. Без него они оставались и считались незавершенными» [4. С. 54]. То есть так было издревле. Это важно.

Мысль должна быть инструментальной и нацелена на повышение статуса человека (в самом широком смысле этого слова). В этой связи важен еще один тезис Гегеля: «Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и поэтому наше познание должно быть научным» [3. С. 58]. Жаль, что это простая мысль не коснулась голов наших депутатов.

Философское осмысление жизни продолжается постоянно. Каждый новый период развития выдвигает новые проблемы, которые требуют своего всестороннего изучения и описания.

Так, сейчас у всех на слуху проблема цифры. Происходит тотальная цифровизация нашей жизни. Что это такое и к чему это приведет? Философии цифровизации пока не появилось, ученые только присматриваются к проблеме, хотя работы по этой проблеме уже появляются.

Однако уже сегодня очевидно, что появились и еще появятся во множестве новые явления, имеющие отношение к праву и правому регулированию. Сегодня многие из них, если не большинство, даже не имеют адекватного наименования, простого названия. Уже сегодня суды сталкиваются с проблемой легализации переписки через электронные сети. Это доказательство или не доказательство? Как эту переписку отфиксировать и задокументировать, чтобы затем приобщить к делу? Практика наощупь ищет правильный путь.

Таких случаев много. Что-то из происходящего коснется и уже касается уголовного права (та же самая переписка через Интернет в случае ее фальсификации). Мы не можем предвидеть, что конкретно будет, но мы хотя бы должны понимать, что что-то будет. Необычное и непривычное. Надо быть хотя бы морально и интеллектуально к этому готовыми, чтобы не позволить застать себя врасплох.

Следует заметить, что цифровизация по сути дела затмила массу других проблем, порожденных жизнью. Такими проблемами являются конвергентные технологии (нанотехнологии, биотехнологии, информационные и коммуникационные технологии и когнитивные технологии). Т.Я. Хабриева посвятила этому специальную статью и пришла к выводу о неготовности права к открытой встрече с грядущими изменениями [5. С. 138–152]. Это не значит, что надо опускать руки. Надо элементарно готовиться. Предупрежден – значит вооружен.

Казалось бы, причем здесь философия? На этот вопрос великолепно ответил академик В.И. Вернадский: ученый, работающий в новых областях знания, «вынужден ждать и должен оставлять в стороне в большинстве случаев суждения философов, не охвативших анализом необозримое количество по существу новых фактов, явлений и эмпирических обобщений, научных теорий и научных гипотез, непрерывно создаваемых научным творчеством. Для ученого совершенно ясно, что, не проделав указанную работу над новым материалом, философ должен приходиться к искаженным выводам». При этом «ученый не может не считаться с работой философа, должен использовать его достижения,

но не может придавать ей того же значения, какое он придает основной части своего знания» [1. С. 108]. Сегодняшняя наша жизнь блестяще подтверждает этот простой, казалось бы, вывод.

Одной из острейших и болезненных проблем современности является проблема философии постмодернизма. Это напрямую касается и права. К сожалению, коллеги-юристы слишком мало уделяют внимания этой проблематике. Пожалуй, только Я.И. Гилинский последовательно старается изучать постмодернизм и его влияние на право в своих статьях. Он опубликовал несколько сборников «Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодернизма». В одном из них он в качестве эпиграфа использовал слова известного французского философа и социолога Пьера Бурдьё (1930–2002): «Постмодернизм производит опустошительное действие» [6. С. 10]. Коротко, четко и убийственно точно.

Позже он опубликовал монографию «Криминология постмодернизма (неокриминология)» [7]. Далеко не со всем в этой работе можно согласиться. Дело в том, что философия постмодернизма давно исчерпала себя и мало где в мире кроме России привлекает к себе внимание. А все потому, что она проповедует полный разрыв идей и реальности. Кому же она в таком случае нужна?

Одна из идей постмодернизма: нет никакой истины, есть просто различные взгляды на то или иное событие. В уголовно-правовой сфере это означает, что нельзя установить истину в судебном процессе. Суд волен принимать ту сторону, которая будет для суда более убедительной или привлекательной (а, может, больше заплатит?). При таком подходе скоро и суд станут называть лишней инстанцией.

Почему появился постмодернизм и «зацвел» в разных умах, даже постправо породил? Очень хорошо на это ответил С.А. Бочкарёв: «Возникновение постправа и необходимость его социальной адаптации объясняется совокупностью причин. Во-первых, общекультурным фоном, претерпевающим кардинальные и принципиальные изменения. Во-вторых, тотальной и социальной психологической разочарованностью прежними государственно-правовыми институтами и укладами. В-третьих, глубоким кризисом правовых систем, ценностей и порядков, не отвечающих наступившим трансформациям. В-четвертых, готовностью постмодерна радикально поступить с “прежними аксиомами”, предложить оригинальный путь выхода общества из кризиса и обеспечить его переход в сферу “новейшего”» [8. С. 27]. Если все это упростить, то перед нами предстанут неудачники, которые оказались не в состоянии генерировать что-то новое и найти выход из сложившейся ситуации и начали говорить о смерти всего и вся. Запугать и привлечь таким образом к себе внимание, не более того.

Вот такое «учение» нам пытаются навязать. Кому это нужно?

Таким же нелепым «течением» является релятивизм. Он появился достаточно давно, но только в эпоху постмодернизма стал расти, как репейник у забора.

Академик В.А. Лекторский счел необходимым даже издать книгу «Релятивизм как болезнь современной философии» [9].

Принято считать, что первым релятивистом был известный софист Протагор (486 г. до н.э. – 411 г. до н.э.). Именно ему принадлежит известное изречение: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют». Именно с этих слов начиналось его произведение «Истина» («Об истине»). К сожалению, до нас не дошедшее. До сих пор эти слова будоражат сознание многих людей. Но если задуматься, то очень скоро окажется, что это просто слова, за которыми ничего не стоит. В самом деле: какой человек? о каких вещах идет речь? что такое мера? как выглядит человек как мера? и т.д. Уже во времена Протагора никто из серьезных философов не придерживался его взглядов. Аристотель, живший чуть позже Протагора, подробно разобрал его воззрения. Особенно в своей «Метафизике». И пришел к выводу, что «это изречение ничего не содержит, хотя кажется, что содержит нечто особенное» [10. С. 255]. Четко, ясно, правильно. Позже в «Риторике» он отметил, что Протагору нет места ни в одном искусстве, кроме как в риторике и эристике [10. С. 465]. Кстати, под эристикой Аристотель понимал ведение спора нечестными средствами. Тем более удивительно, что сегодня пытаются поднять на щит релятивизм и его основателя.

В отличие от академика Лекторского, я не знаю болезнь релятивизм или не болезнь, но убежден, что для всей правоохранительной системы релятивизм представляет реальную угрозу в случае его внедрения в нормативно-правовые акты (а такие попытки есть). Дело в том, что он отрицает наличие чего бы то ни было постоянного: все относительно. В таком случае мы практически лишены возможности сформировать какую бы то не было доказательную базу по совершенному преступлению – все доказательства являются относительными. Да что там доказательная база – мы квалификацию содеянного даже не сможем произвести в такой ситуации. Если все это еще и соединить с моральным релятивизмом, который настаивает на относительности моральных норм, то сразу же оказываемся в состоянии всеобщего хаоса.

Поразительно, но и этот бред находит своих сторонников. На мой взгляд, причина этого в элементарной необразованности. Мое поколение прекрасно помнит, кто такой Карл Маркс и его знаменитые «Тезисы о Фейербахе». Как известно, одиннадцатый тезис гласит: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [11. С. 4]. При относительности же всего и вся ничего изменить нельзя, ибо просто не ясно, а что же надо менять? А раз так, то и объяснить ничего не получится. Выходит, все сводится к банальной болтовне.

Как к необходимости использовать философию в своих научных поисках относятся сами специалисты по уголовному праву и криминологии? Чтобы не перегружать небольшую работу ссылками и цитатами, сделаю небольшое экспертное заключение, основанное на своих многочисленных беседах с коллегами.

Если упростить ситуацию, то выделяются две группы. Первая – это те, кто считает необходимым использовать философскую основу для исследования и конструирования своих теорий. Ко второй относятся те, кто считает это совершенно излишним. Достаточно изучать закон и судебную практику и на этой основе комментировать закон и правоприменительную практику. Этого вполне будет хватать. Таковых меньшинство, но они есть и отмахиваться от их мнения мы не имеем права.

Как бы то ни было, но последнее время появляется все больше и больше работ, посвященных анализу философии и ее роли в исследовании уголовного права [8, 12–17]. Судя по всему, их количество будет неуклонно расти. И это вполне объяснимо. Дело в том, что каждое время выдвигает свои проблемы и заставляет их по-новому осмысливать. Значит, необходимо будет искать и новые правовые решения старых проблем. Тем более необходимо будет искать такие решения для появившихся новых проблем.

Что касается уголовного права, то огромную роль в этой связи имеет изучение методологии уголовного права. К сожалению, этот аспект как-то не привлекает особого внимания исследователей. На это специально обратил внимание В.Д. Филимонов [18]. И здесь без философии уже никак не обойтись, ибо в основе методологии в данном случае лежит осмысление действительности и описание путей ее преобразования.

Есть еще одно направление, лежащее на стыке философии, права, социологии, политологии и ряда других смежных дисциплин. Наиболее выпукло его показал и описал Пино Арлакки [19]. Будучи в 1997–2002 гг. заместителем Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН), он добился создания и пять лет возглавлял Управление ООН по наркотикам и преступности. Это Управление сделало много реального в деле борьбы с наркоугрозой в мире. В книге автор рассматривает также военные преступления, убийства, терроризм и многое другое. Чем больше мы будем проникать в эту материю, тем более ясно сможем описать цели и задачи современного уголовного права, включая установление уголовной ответственности за те или иные преступления. В определенном смысле к этой работе примыкают и работы Джульетто Кьеза – известного итальянского журналиста, писателя и общественного деятеля (1940–2020) [20, 21], в которых названные проблемы описываются с другой стороны, но выводы мы получим те же самые.

Несколько лет назад Ю.М. Антонян выпустил книгу «Бегство от цивилизации» [22], в которой собрал воедино наиболее болезненные проявления поведения человека: от терроризма до педофилии и убийства детей. При этом он проводит читателя через историю проявления этого явления в общественной жизни. Очевидно, что относиться к этим актам человеческого поведения сегодня нельзя так, как относились двести или триста лет назад. А как? Что мы можем и должны сделать именно сегодня, например, с убийствами школьников, о которых нас периодически информируют средства массовой информации? Одним усилением ответственности проблему решить невозможно.

В детских садах охрана, в школе уже усиленная охрана, но это не спасает от гибели детей. К каждому ребенку охранника не поставишь, а потом возникнет естественный в такой ситуации вопрос: «А кто будет сторожить самих сторожей?». Надо искать причины такого неадекватного поведения выродков и искоренять именно эти причины. Без философского осмысления ситуации здесь явно не обойтись.

Требуется своего осмысления и действие пятой колонны. Этот термин появился меньше ста лет назад, но достаточно прочно вошел в нашу жизнь, хотя не все, его употребляющие, даже понимают о чем идет речь. К сожалению, монографических исследований по этой проблеме практически нет. Исключение составляет работа Л.В. Голоскокова [23]. Не стоит успокаивать себя тем, что у нас этого нет, и нас это не коснется. Во-первых, есть. Вспомните хотя бы многочисленные публикации об агентах влияния и об иностранных агентах (этот термин уже появился в нормативных документах). Во-вторых, уже коснулось и коснулось заметно (достаточно вспомнить некоторые митинги, шествия, демонстрации последних лет). Более того, есть основания полагать, что процесс развития и размножения этого явления будет продолжаться. Он будет развиваться внутри страны и за ее пределами. Ненависть к России со стороны отдельных групп, как ни странно, последние годы усиливается. Это родилось не вчера. Этой тенденции не одна сотня лет. Похоже, она родилась вместе с русскими и Россией. Можно привести сотни и тысячи высказываний на этот счет. Позволю себе ограничиться лишь одним.

Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) – известный политический деятель Великобритании. Был 41, 43, 45 и 47 премьер-министром этой страны. В свое последнее пребывание в этой должности (1892–1894) он заявил, что «ни одна страна мира не причинила столько зла человечеству, сколько Россия» (цит. по: [24. С. 8]). Были и другие его неллицеприятные высказывания о России и не только о России. Даже королева назвала его «полоумным».

Он был не одинок, и эта линия по очернению России продолжается вплоть до наших дней, чему мы все являемся свидетелями. Глубинная задача всех этих наветов и очернений проста – подорвать ситуацию изнутри: ослабить веру народа в свою власть, в действенность законов, в собственные силы в конце концов. Народ должен либо взбунтоваться, либо опустить руки и ничего не делать. Именно поэтому резким нападкам подвергаются едва ли не любые наши попытки защитить с помощью уголовного закона общество и государство. И не только уголовного. Достаточно вспомнить реакцию Запада на наши изменения в нашу же

Конституцию, одобренные общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. Европарламент умудрился даже специальную резолюцию по этому вопросу принять, суть которой была предельно ясна: немедленно отменить, ибо эти изменения противоречат нашим взглядам. А причем здесь ваши взгляды? Разве это вы живете в России?

Конечно, мы тоже допускаем ошибки, но мы их и признаем. Признаем и исправляем. Последнего наши недоброжелатели не замечают принципиально.

Нельзя такие действия оставлять без ответа. В противном случае многие поколения самых разных людей будут уверены в том, что так оно и есть. Мы должны уметь защищаться!

Нельзя обойти вниманием еще одну проблему, требующую философского осмысления. Это прецедент и его использование в уголовном праве. Очень многие мои коллеги категорически против такого использования. А, собственно говоря, почему? Да, у нас не прецедентное право, и не надо его переформатировать в прецедентное.

Но это не значит, что прецедент как правовое явление должен быть под запретом. В конце концов прецедент, в отличие от закона, более гибок, более мобилен. Он эффективнее и быстрее реагирует на нужды практики, подталкивает теорию к развитию. На это никак нельзя закрывать глаза.

При оценке возможности использования прецедента мы должны исходить не из нормативных предписаний, а из объективной реальности, окружающей нас. В Древнем Риме считалось, что юристы не создают и не формируют право, а открывают его. Это принципиальный момент, и именно он поможет нам разобраться в тех изменениях, которые вот-вот посыпятся на нас. Речь идет об изменениях в мире, а не об изменениях в законодательстве, которые должны быть производными от глобальных изменений.

Конечно, мы знаем и откровенно глупые, даже противозаконные прецеденты. Однако вышестоящие судебные инстанции вмешиваются и исправляют глупости нижестоящих судов. Ничего страшного в этом нет.

В данной работе очерчен совсем небольшой круг проблем уголовного права, требующий философского осмысления. На самом деле их значительно больше. Да, все современное уголовное право требует своего осмысления. Меняется жизнь, меняется роль права в нашей жизни, и уголовное право сегодня уже не может исполнять свои функции так, как это происходило раньше. Если мы этого не поймем, мы не сможем сдвинуться с места в своем развитии. А двигаться нам в ближайшее время придется много и быстро. Жизнь усложняется и становится все более стремительной. И это радует. Любое движение вперед продлевает жизнь.

Список источников

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.
2. Соловьёв В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 822 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
4. Бочкарёв С.А. Гносеология уголовного права. М. : Блок-Принт, 2021. 664 с.
5. Хабриева Т.Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов РАН. М. : ИГП РАН, 2019. С. 138–152.

6. Бурдьё П. За исторический рационализм // Социо-Логос постмодернизма'97. М. : ИЭС, 1997. С. 10–20.
7. Гилинский Я.И. Криминология постмодернизма (неокриминология). СПб. : Алетейя, 2021. 160 с.
8. Бочкарев С.А. Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // Государство и право. 2021. № 11. С. 25–29.
9. Лекторский В.А. Релятивизм как болезнь современной философии. М. : Канон+, 2015. 392 с.
10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975. 550 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1975. 650 с.
12. Александров А.И. Философия зла и философия преступности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. 598 с.
13. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков : Фолио, 1999. 607 с.
14. Философия уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004, 234 с.
15. Бочкарев С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М. : Норма, 2019. 424 с.
16. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб. : Юридический центр Пресс, 2013. 286 с.
17. Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб. : Юридический центр, 2016. 224 с.
18. Филимонов В.Д. Исходные начала методологии уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2021. 144 с.
19. Арлакки П. Обман и страх: Миф глобального хаоса. М. : Кучково поле, 2018. 432 с.
20. Къеза Д. Мир на пороге войны. Размышления европейца. М. : Книжный мир, 2015. 288 с.
21. Къеза Д. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М. : Эксмо, 2016. 287 с.
22. Антонян Ю.М. Бегство от цивилизации. М. : Юрлитинформ, 2017. 364 с.
23. Голоскоков Л.В. Пятая колонна как социальный, правовой и криминальный феномен. М. : Русайнс, 2021. 282 с.
24. Небренчин С.М. Медиасмыслы гибридных войн. М. : АНО ЦСОиП, 2021. 334 с.

References

1. Vernadskiy, V.I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow: Nauka.
2. Soloviev, V.S. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
3. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
4. Bochkarev, S.A. (2021) *Gnoseologiya ugovnogo prava* [Gnoseology of Criminal Law]. Moscow: Blok-Print.
5. Khabrieva, T.Ya. (2019) Proektsii razvitiya konvergentnykh tekhnologiy v prave [Projections of the development of convergent technologies in law]. In: Savenkov, A.N. (ed.) *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razviti chelovechestva* [Transformation of the Paradigm of Law in the Civilizational Development of Humankind]. Moscow: Institute of State and Law RAS. pp. 138–152.
6. Bourdieu, P. (1997) Za istoricheskiy ratsionalizm [For historical rationalism]. In: *Sotsio-Logos postmodernizma '97* [Socio-Logos of Postmodernism'97]. Moscow: IES. pp. 10–20.
7. Gilinskiy, Ya.I. (2021) *Kriminologiya postmodernizma (neokriminologiya)* [Criminology of Postmodernism (Neocriminology)]. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Bochkarev, S.A. (2021) The origins of postmodernism about the true meaning and purpose of post-law. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 25–29. (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520016773-1
9. Lektorskiy, V.A. (2015) *Relyativizm kak bolezni' sovremennoy filosofii* [Relativism as a Disease of Modern Philosophy]. Moscow: Kanon+.
10. Aristotle. (1975) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
11. Marx, K. & Engels, F. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
12. Aleksandrov, A.I. (2013) *Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti* [Philosophy of Evil and Philosophy of Crime]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Bachinin, V.A. (1999) *Filosofiya prava i prestupleniya* [Philosophy of Law and Crime]. Kharkov: Folio.
14. Eliseev, I.V. & Kozlikhin, I.Yu. (eds) (2004) *Filosofiya ugovnogo prava* [Philosophy of Criminal Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
15. Bochkarev, S.A. (2019) *Filosofiya ugovnogo prava: postanovka voprosa* [Philosophy of Criminal Law: Statement of the Question]. Moscow: Norma.
16. Ragimov, I.M. (2013) *Filosofiya prestupleniya i nakazaniya* [Philosophy of Crime and Punishment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
17. Ragimov, I.M. (2016) *O npravstvennosti nakazaniya* [On the morality of punishment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr.
18. Filimonov, V.D. (2021) *Iskhodnye nachala metodologii ugovnogo prava* [Initial principles of the methodology of criminal law]. Moscow: Yurilitinform.
19. Arlacchi, P. (2018) *Obman i strakh: Mif global'nogo khaosa* [Deception and Fear: The Myth of Global Chaos]. Translated from Italian. Moscow: Kuchkovo pole.
20. Chiesa, G. (2015) *Mir na poroge voyny. Razmyshleniya evropeytsa* [World on the Threshold of War. European Thoughts]. Translated from Italian. Moscow: Knizhnyy mir.
21. Chiesa, G. (2016) *Rusofobiya 2.0: bolezni' ili oruzhie Zapada?* [Russophobia 2.0: A Disease or a Weapon of the West?]. Moscow: Eksmo.
22. Antonyan, Yu.M. (2017) *Begstvo ot tsivilizatsii* [Escape from Civilization]. Moscow: Yurilitinform.
23. Goloskokov, L.V. (2021) *Pyataya kolonna kak sotsial'nyy, pravovoy i kriminal'nyy fenomen* [The Fifth Column as a Social, Legal and Criminal Phenomenon]. Moscow: RUSAYNS.
24. Nebrenchin, S.M. (2021) *Mediasmysly gibridnykh voyn* [Media meanings of hybrid wars]. Moscow: ANO TsSOiP.

Информация об авторе:

Голик Ю.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: ygolik@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Golik, Dr. Sci. (Law), professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: ygolik@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.533

doi: 10.17223/23088451/19/2

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игорь Владиславович Лозинский

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Kafedra.ups@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены изменения, внесенные в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) на основании федеральных законов Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ, от 01 апреля 2020 г. № 73-ФЗ и от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ. Анализируется, насколько этих изменений достаточно для совершенствования настоящей Главы. Рассматриваются, насколько указанные изменения были необходимы для совершенствования отдельных норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Дается предложение о необходимости совершенствования как других норм, составляющих данную Главу, так и содержания ее в целом.

Ключевые слова: уголовное законодательство России, общественные отношения в сфере экономической деятельности, Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Лозинский И.В. К вопросу о направлениях совершенствования уголовного законодательства России, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 12–19. doi: 10.17223/23088451/19/2

Original article

doi: 10.17223/23088451/19/2

ON THE WAYS TO IMPROVE THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION PROTECTING PUBLIC RELATIONS IN ECONOMIC ACTIVITIES

Igor V. Lozinskiy

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Kafedra.ups@mail.ru

Abstract. The article aims at analysing the changes to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of the Federal Laws of the Russian Federation No. 500-FZ of December 27, 2019; No. 73-FZ of April 1, 2020; No. 352-FZ of October 27, 2020. The analysis has shown that the introduced changes are not sufficient to improve the Chapter, since they affected only an insignificant part of its norms. The introduced changes have expanded the scope of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation, since its new version provides for the liability for not only the illegal circulation of precious metals, natural precious stones, or pearls, but also for the illegal circulation of amber, jade, or other semi-precious stones. In addition, its Part 1 now contains an administrative prejudice. Part 1 of Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation has also included an administrative prejudice after the above changes. Its new version has expanded such evaluative dimensions as “large scale” and “extra large size”, which has narrowed its scope. In its turn, these changes can be interpreted as the liberalisation of criminal law that protects public relations in economic activities. The legislator has precisely specified the amounts of “large” and “extra large” in Articles 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation has included Article 200.7 to provide for liability for bribing an arbitrator, which indicates the “expanded” interference of criminal law into economic activities. This “expansion” is to eliminate the legislative gap in the chapter under study. However, the analysis of Articles 169, 178, 183, 189, 190, 194 of the Criminal Code of the Russian Federation has revealed certain shortcomings of the legislative structures, which means that the considered changes failed to improve the Chapter. Yet, the comparative analysis of other norms that make up Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation has demonstrated that most of these norms provide for criminal liability for acts that, by their legal nature, do not constitute an encroachment on social relations in economic activities. Thus, the improvement of the criminal legislation protecting social relations requires the norms prohibiting the acts that are not encroachments on these relations to be transferred from Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation to its other Chapters. The analysis has made it possible to correctly establish the range of crimes against public relations in economic activities. They are crimes under Articles 171, 171.2, 171.3, 171.4, 172, 172.1, 172.2, 172.3, 178, 183, 195, 196, and 197 of the Criminal Code of the Russian Federation. By their legal nature, these acts are various manifestations of unfair competition. Therefore, the improvement should also include the criminalisation of new forms of its manifestation, such as discrediting the business reputation of legal entities, misleading consumers, and lending illegal loans of all types. However, decriminalisation of certain acts prohibited by Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation can be also considered as a way to improve the criminal code that protects public relations in economic activities.

Keywords: Criminal Code of Russia, public relations in economic activities, Chapter 22 of RF Criminal Code

For citation: Lozinskiy, I.V. (2022) On the ways to improve the Russian Criminal Code protecting public relations in economic activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 12–19. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/2

В декабре 2019 г. – октябре 2020 г. в охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) законодателем вновь были внесены значительные изменения. В частности, на основании Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ, изменениям подверглась ст. 191 УК РФ. В ее новой редакции она озаглавлена «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга». Таким образом, имеет место «расширение» сферы действия указанной уголовно-правовой нормы, поскольку в предыдущей редакции ею предусматривалась ответственность за незаконный оборот только «драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга». Представляется, что в результате обозначенного «расширения» окажется устраненным значительный пробел в уголовном законодательстве. Одновременно новая редакция ч. 1 ст. 191 УК РФ содержит и административную преюдицию, что, на наш взгляд, представляет собой одно из направлений совершенствования действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Также административную преюдицию содержит и ч. 1 ст. 193 УК РФ на основании Федерального закона от 01 апреля 2020 г. № 73-ФЗ. Кроме введения административной преюдиции в указанную уголовно-правовую норму, этим Законом в нее внесены и иные изменения. В частности, ч. 1.1 ее признана утратившей законную силу. При этом ответственность за деяние, предусмотренное данной частью, в новой редакции ст. 193 предусматривается п. «б» ее ч. 2. Следует отметить, что ч. 1.1 в ранее действующую редакцию ст. 193 была введена в 2016 г. на основании Федерального закона № 325-ФЗ от 03 июля обозначенного года. Этой частью предусматривалась уголовная ответственность за совершение запрещаемого рассматриваемой нормой деяния «группой лиц по предварительному сговору». Одновременно п. «б» ч. 2 ст. 193 УК РФ в предыдущей редакции предусматривалась ответственность за совершение указанного деяния «организованной группой». Таким образом, предыдущее «реформирование» данной уголовно-правовой нормы состояло в дифференциации ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в разных формах соучастия. Необходимо отметить, что в диспозиции ст. 193 в редакции Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ такая дифференциация отсутствовала, и уголовная ответственность за совершение этого деяния в соучастии предусматривалась п. «б» ее ч. 2. То же имеет место и в результате поправок, внесенных в данную диспозицию Федеральным законом от 01 апреля 2020 г. № 73-ФЗ. Таким образом, этим Законом фактически «восстановлена» редакция ч. 2 ст. 193 2013 г. Одновременно на

основании обозначенного Закона значительно увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, о которых отмечено в диспозиции рассматриваемой нормы. В отличие от предыдущей, в ее новой редакции «крупный размер» увеличен законодателем от 100 млн руб., «особо крупный» – от 150 млн руб. Таким образом, в рассматриваемой ситуации, в отличие от ст. 191 УК РФ, имеет место «сужение» сферы действия ст. 193 УК РФ, что, по нашему мнению, свидетельствует о частичной либерализации уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Об указанной либерализации, на наш взгляд, свидетельствует и введение в ч. 1 данной уголовно-правовой нормы административной преюдиции.

Одновременно с изменениями, внесенными в ст. 193 УК РФ, настоящим Законом внесены изменения и в иные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ. В частности, изменениям подверглась и ст. 198. В результате этих изменений, в примечании 2 к ней законодателем точно определены суммы как «крупного размера», так и «особо крупного размера», чего не наблюдалось в ее предыдущей редакции. Таким образом, оказались устраненными сложности его законодательной конструкции.

Также рассматриваемым Законом внесены изменения и в примечание 1 к ст. 199 УК РФ. В результате указанных изменений законодатель, как и в предыдущей ситуации, точно установил суммы «крупного размера» и «особо крупного размера» применительно к ст. 199. Аналогичные изменения для точного установления указанных сумм внесены законодателем и в примечания 1 к ст. 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ. Таким образом, благодаря рассмотренным изменениям оказались устранены значительные законодательные пробелы.

Наряду с внесением изменений в обозначенные уголовно-правовые нормы, за указанный период законодатель дополнил Главу 22 УК РФ и новеллой. На основании Федерального закона от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ в данную Главу введена ст. 200.7, предусматривающая уголовную ответственность за «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Согласно действующему законодательству Российской Федерации, решения арбитров (третейских судей) имеют большое значение для правильного разрешения рассматриваемых ими споров, возникающих между хозяйствующими субъектами. Представляется, что в связи с этим обстоятельством появляется возможность «продажи» «выгодных» судебных решений арбитрами (третейскими судьями), что свидетельствует о наличии коррупционной составляющей. Таким образом, криминализация указанного деяния обусловлена усилением российского уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией сре-

ди арбитров, третейских судей. Следует отметить, что в УК РФ уже существуют нормы, предусматривающие ответственность за коррупцию – ст. 204, 290. Однако субъект преступлений, запрещаемых данными нормами, в первом случае является сотрудником коммерческой организации, во втором – должностным лицом. Третейский судья в процессе рассмотрения спора не может относиться ни к одному из этих лиц. Таким образом, дополнение отечественного уголовного законодательства данной новеллой и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности являются обоснованными, поскольку исключается значительный законодательный пробел.

Представляется, что внесения этих изменений явно недостаточно для дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ. В юридической литературе высказываются точки зрения о необходимости совершенствования и иных норм, составляющих указанную Главу. Пример – ст. 200.4, введенная в нее законодателем в 2018 г. Несмотря на ее «новизну», законодательная конструкция данной уголовно-правовой нормы имеет некоторые дефекты, один из которых состоит в определении субъекта запрещаемого ею деяния. Следуя логике законодателя, в качестве указанных субъектов рассматриваются: работники контрактной службы; контрактный управляющий; члены комиссии по осуществлению закупок; лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; либо иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации [1. С. 55]. В результате проведенного в юридической литературе анализа этих субъектов отмечено, что отнесенный к ним «контрактный управляющий» является должностным лицом. Данное обстоятельство напрямую противоречит диспозиции рассматриваемого уголовно-правового запрета [2. С. 28].

Таким образом, имеет место ошибка законодателя в определении субъекта обозначенного деяния, поскольку, следуя логике последнего, это деяние совершается лицами, которые не являются должностными. В результате указанное определение является, с одной стороны, достаточно «размытым», что позволяет лицам, виновным в совершении деяния, запрещаемого ст. 200.4 УК РФ, избегать привлечения к уголовной ответственности, с другой – наблюдаются противоречия между положениями уголовного и гражданско-правового, а также и административного законодательства, что также не способствует правильному применению данной нормы на практике [2. С. 29]. Одновременно достаточно «размытой» выглядит и объективная сторона рассматриваемого деяния. Свидетельство тому – равнозначное толкование законодателем таких ее элементов, как «злоупотребления» и «нарушение». По своей сущности указанные элементы не являются однородными, поскольку «злоупотребление» представ-

ляет собой только умышленное деяние, а «нарушение» может представлять собой и деяние, совершенное по неосторожности [1. С. 56]. Следуя логике законодателя, рассматриваемое деяние должно совершаться только умышленно. По нашему мнению, это способно привести к затруднениям, связанным с практическим применением ст. 200.4, поскольку доказать именно умышленный характер запрещаемого ею деяния окажется достаточно сложным.

Таким образом, рассматриваемая уголовно-правовая норма в настоящей ее редакции является практически неприменимой. Следует отметить, что она вводилась в УК РФ с целью усиления ответственности именно за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Этим и обосновывается криминализация запрещаемого ею деяния и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности. Таким образом, несмотря на необходимость криминализации обозначенного деяния, проблема совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в указанной сфере, оказалась фактически нерешенной. Представляется, что для правильного решения данной проблемы необходимо проведение мониторинга применения ст. 200.4 УК РФ на практике.

Одновременно существует необходимость совершенствования и иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ. В юридической литературе обоснованно высказана точка зрения о несовершенстве ст. 169 УК РФ, устанавливающей ответственность за «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» [3. С. 58]. По мнению ученых, указанное несовершенство состоит в том, что часть элементов деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена рассматриваемой нормой, представляет собой административные правонарушения, наказуемые по ст. 7.29–7.30 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Таким образом, в данной ситуации имеет место конкуренция уголовной и административной ответственности. Проанализировав судебную практику применения ст. 169, следует отметить, что в большинстве случаев уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ею, прекращаются по реабилитирующим основаниям. Одновременно лица, виновные в совершении исследуемого деяния, привлекаются в большинстве случаев лишь к административной ответственности [3. С. 59]. На наш взгляд, правомерно возникает вопрос о необходимости существования рассматриваемого уголовно-правового запрета. В юридической литературе вполне обоснованно высказано мнение, что только некоторые действия против предпринимательской или иной деятельности могут быть квалифицированы как преступления [3. С. 60]. Как и в предыдущей ситуации, для правильного решения проблемы совершенствования ст. 169 УК РФ необходимо проведение мониторинга ее практического применения.

Одновременно, по нашему мнению, решение рассматриваемой проблемы возможно и иным путем.

Нами ранее отмечалось, что по своей правовой природе запрещаемое ст. 169 деяние является разновидностью должностных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Главы 30 УК РФ [4. С. 44]. Таким образом, в обозначенной ситуации не исключается и «перевод» данного уголовно-правового запрета в указанную Главу УК РФ, что позволит частично «разгрузить» Главу 22 УК РФ от норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие собой посягательства на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Также в юридической литературе отмечены недостатки законодательной конструкции и иных норм, составляющих Главу 22. Пример – ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за «Ограничение конкуренции». Несмотря на множество поправок, внесенных законодателем в диспозицию указанной нормы, она по-прежнему является несовершенной. Причина обозначенного несовершенства состоит в том, что рассматриваемой нормой установлена уголовная ответственность только за ограничение конкуренции посредством картеля, а иные антиконкурентные соглашения законодателем не криминализованы [5. С. 47]. Необходимо отметить, что в предыдущей ее редакции, действовавшей до марта 2015 г., предусматривалась уголовная ответственность и за «ограничение доступа на рынок», которое, на наш взгляд, также следует рассматривать как антиконкурентное соглашение. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ данный элемент был исключен, что, по нашему мнению, привело к возникновению значительного законодательного пробела. Одновременно П.С. Яни обоснованно высказано мнение, что и само понятие картеля в настоящей редакции раскрыто достаточно произвольно, в результате отсутствует единая точка зрения о возможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности по ст. 178. Так, с одной стороны, эта ответственность наступает, если имеет место ограничивающее конкуренцию соглашение, с другой – ограничение конкуренции связано с картелем [5. С. 47].

Таким образом, наряду с обозначенным пробелом, имеет место и неточное толкование элемента диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы. П.С. Яни для правильного решения проблемы совершенствования ст. 178 УК РФ предложено установить, что «участники картельного соглашения – хозяйствующие субъекты-конкуренты». Им же высказано мнение, что «нельзя рассматривать как картель соглашение, заключенное хозяйствующим субъектом с лицом, не отвечающим признакам его конкурента, даже если данное соглашение заключено с целью устранения второго лица от участия в торгах» [5. С. 49]. Представляется, что в случае принятия высказанного П.С. Яни мнения законодателем борьба с ограничением конкуренции окажется более эффективной. Также в данной ситуации не исключается и частичная криминализация деяний, рассматриваемых как антиконкурентные соглашения. В частности, «восстановление» в диспозиции ст. 178 УК РФ ответственности за «ограничения доступа на рынок».

Следующей «проблемной» нормой является ст. 183 УК РФ, устанавливающая ответственность за «Незаконные получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Несмотря на то что преступные посягательства на коммерческую и банковскую тайну имеют достаточно широкое распространение, судебная практика по указанным уголовным делам до настоящего времени не может быть признана вполне сложившейся. А.Н. Ляско выделит некоторые проблемы квалификации по ст. 183, которые связаны с неоднозначным толкованием границ коммерческой и банковской тайны [6. С. 40]. В частности, по рассматриваемой норме часто квалифицировались посягательства на различные конфиденциальные сведения, коммерческая ценность которых не была подтверждена. В указанной ситуации наблюдалось противоречие с положениями норм регулятивных отраслей права, в частности, с положениями Федерального закона РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», согласно которым для отнесения каких-либо сведений к коммерческой тайне необходимо, чтобы они имели действительную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам. То же А.Н. Ляско отмечено и о проблемах, возникающих при квалификации уголовных дел о разглашении банковской тайны [6. С. 42]. Следует отметить, что в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» не указано, что следует понимать под «банковской тайной». В результате имеет место достаточно широкое толкование обозначенного элемента диспозиции ст. 183 УК РФ. Во избежание проблем, возникающих с ее практическим применением, необходимо точно определить как границы, так и момент возникновения коммерческой и банковской тайны [6. С. 45]. Одновременно нами ранее отмечено, что для совершенствования ст. 183 необходимо в ее диспозиции дать толкование и «тяжких последствий» [4. С. 157].

К «проблемным» следует отнести и ст. 194 УК РФ – «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». В процессе применения указанной уголовно-правовой нормы у правоприменителя возникают сложности при определении места совершения запрещаемого ею преступления. Данное место может отличаться как от места перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, так и от местонахождения декларанта [7. С. 52]. В результате этот вопрос остается дискуссионным, что не способствует эффективной борьбе с обозначенным деянием. По мнению некоторых ученых, место его совершения должно устанавливаться правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств соответствующего дела, возбужденного по ст. 194 УК РФ [7. С. 54]. Представляется, что приведенное решение рассматриваемого вопроса является наиболее оптимальным, поскольку диспозиция ст. 194 является бланкетной, и для уяснения ее содержания следует принять во внимание специфику таможенного законодательства.

Одновременно, проведя анализ и иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ, следует выделить и дру-

гие нормы, нуждающиеся в совершенствовании. По нашему мнению, к ним следует отнести и ст. 189 УК РФ, устанавливающую ответственность за «Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Предыдущие поправки в указанную уголовно-правовую норму законодателем были внесены еще в 2013 г., при этом они были незначительными. Нами ранее отмечалось, что диспозиция ст. 189 законодателем сформулирована неточно. Об этом свидетельствует тот факт, что не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к уголовной ответственности: либо если оно совершило только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов; либо только незаконный экспорт оборудования; либо только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-технической информации; либо же оно привлекается к уголовной ответственности только тогда, когда оно совершило незаконный экспорт всего, о чем отмечено в диспозиции данной нормы. В результате нами было предложено как в ее заглавие, так и в ее диспозицию ввести разделительные союзы «или» между элементами, перечисляемыми в них, поскольку без их использования однозначное толкование запрещаемого ею деяния правоприменителем окажется невозможным. Благодаря их введению законодательная конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы окажется понятной для любого адресата закона [4. С. 155].

Также в совершенствовании нуждается и ст. 190 УК РФ – «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей». Как и в ситуации со ст. 189 УК РФ, предыдущие законодательные поправки в ст. 190 были внесены в 2013 г. После них ст. 190 УК РФ ни разу им не подвергалась. Проанализировав ее диспозицию, возможно выделить в ней такой «проблемный» элемент, как «культурные ценности». В действующей редакции указанной уголовно-правовой нормы данный элемент фактически не раскрыт законодателем. В связи с этим, аналогично ситуации со ст. 189 УК РФ, не ясно, что относится к данным ценностям. По нашему мнению, с целью совершенствования ст. 190 УК РФ необходимо определение «культурных ценностей» выделить как отдельное Примечание к ней.

Одновременно, на наш взгляд, наряду с криминализацией подкупа арбитра, третейского судьи, для устранения отдельных законодательных пробелов, имеющих место в Главе 22 УК РФ, с целью ее дальнейшего совершенствования необходима криминализация и иных деяний. Следует отметить, что отношения конкуренции, которые являются «нервом» рыночной экономики, до сих пор уголовным законом охраняются не в полном объеме. Представляется, что актуальной является проблема уголовно-правовой охраны этих отношений от дискредитации деловой репутации юридических лиц. В обозначенной ситуации данная дискредитация пред-

ставляет собой распространение ложных, неточных либо искаженных сведений, которые способны причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту, являющемуся юридическим лицом, либо нанести ущерб его деловой репутации. Имеющая место в УК РФ ст. 128.1 – «Клевета» – не способна в полной мере защитить возникающие в сфере предпринимательской деятельности общественные отношения, поскольку она введена в Главу 17 – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», в связи с этим она применяется лишь к физическим лицам. Составляющие большинство участников делового оборота юридические лица фактически оказались вне уголовно-правовой охраны. Таким образом, криминализация указанного вида недобросовестной конкуренции вполне обоснована.

По нашему мнению, не менее актуальной является проблема уголовно-правовой охраны отношений конкуренции от введения в заблуждение потребителей, представляющего собой действия как хозяйствующего субъекта, так и группы лиц, направленных на формирование у участников рынка товаров, работ и услуг представлений, не соответствующих действительности. Несмотря на то что данные действия не оказывают прямого влияния на потребительский спрос, они порождают у участников рынка ожидания, которые в определенных ситуациях смогут отвлечь клиентов в отдельных его сегментах для направления их в сегмент, нужный недобросовестному участнику рынка. Указанное деяние по своей правовой природе не является мошенничеством, поскольку потерпевший в рассматриваемой ситуации – не покупатель, а добросовестный предприниматель, который, во-первых, в результате использования им честной информации, не содержащей ложные, но привлекательные сведения, лишается определенного количества потребителей; во-вторых, в результате обманных действий недобросовестных коммерсантов он лишается доверия потребителей. В результате данного проявления недобросовестной конкуренции добросовестному предпринимателю может быть причинен серьезный материальный ущерб, который может привести его к банкротству с последующим уходом с рынка. Таким образом, как и в предыдущей ситуации, необходима криминализация обозначенного проявления недобросовестной конкуренции.

Представляется, что дальнейшее развитие экономики не исключает и иных проявлений недобросовестной конкуренции. Обозначенные проявления возможны с использованием и различных технических средств. Таким образом, криминализация указанных проявлений недобросовестной конкуренции также является необходимой.

Одновременно для решения проблемы совершенствования Главы 22 УК РФ необходима криминализация и нелегальной выдачи всех видов кредитов, в том числе и микрозаймов – нелегальных, «черных» кредиторов. Указанная необходимость объясняется достаточно широкой распространенностью обозначенного деяния – в 2018 г. по самым примерным расчетам было выявлено приблизительно 2 300 таких нелегальных

кредиторов, что на 70% больше, чем в 2017 г. [8]. По нашему мнению, данное увеличение количества случаев деятельности «черных» кредиторов не является окончательным. Таким образом, криминализация этого противоправного деяния правомерна.

Как направление совершенствования Главы 22 УК РФ следует рассматривать и декриминализацию отдельных деяний, наказуемых составляющими указанную главу нормами. Это объясняется тем, что дальнейшее развитие отечественной экономики предусматривает и постепенное «отмирание» отдельных деяний, запрещаемых нормами данной главы. За все время действия УК РФ было декриминализовано лишь четыре деяния: ст. 173 – «Лжепредпринимательство», ст. 182 – «Заведомо ложная реклама», ст. 188 – «Контрабанда», ст. 200 – «Обман потребителей». По нашему мнению, декриминализация лжепредпринимательства вполне обоснована, поскольку уголовно-правовая норма, запрещающая его совершение, предусматривала ответственность за создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. На это указывали и отмеченные в диспозиции ст. 173 конструктивные признаки обозначенного преступления. Таким образом, в рассматриваемой ситуации имело место решение «искусственно созданной задачи». На основании Федерального закона от 07 апреля 2010 г. № 60-ФЗ ст. 173 УК РФ утратила силу.

Представляется обоснованной и имевшая место на основании Федерального закона от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ декриминализация деяний, запрещаемых ст. 182, 200 УК РФ, поскольку они являлись преступлениями небольшой тяжести. Об этом же отмечалось и практическими работниками в процессе проведенного нами их анкетирования [4. С. 116]. По мнению последних, для борьбы с указанными деяниями достаточно эффективны менее репрессивные виды юридической ответственности, в частности административная ответственность.

Последний из рассматриваемых нами фактов декриминализации деяний имел место в 2011 г., в результате которой утратила силу ст. 188 УК РФ, устанавливавшая ответственность за совершение контрабанды. При этом уже через три года, в 2014 г., уголовная ответственность за совершение контрабанды фактически была «восстановлена» законодателем – ст. 200.1–200.2, 226.1, 229.1 УК РФ. Таким образом, декриминализация ст. 188 фактически оказалась «аннулированной».

Проанализировав нормы, составляющие главу 22 УК РФ, можно отметить, что большей частью из них запрещено совершение деяний, по своей правовой природе не являющихся посягательствами на общественные отношения именно в сфере экономической деятельности. Наряду со ст. 169 УК РФ, к указанным нормам возможно отнести и ст. 170 – «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом». Запрещаемое этой нормой деяние, как и деяние, запрещаемое ст. 169, по своей правовой природе представляет собой разновидность должностных преступлений, наказуемых нормами главы 30 УК РФ. То же следует отметить и о ст. 170.1, устанавливающей уголовную ответствен-

ность за «фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», поскольку обозначенное деяние также относится к должностным преступлениям [4. С. 44].

Также не является посягательством на рассматриваемые общественные отношения и запрещаемое ст. 180 УК РФ «незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». По своей правовой природе данное деяние представляет собой разновидность посягательств на порядок управления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими главу 32 УК РФ. К указанным посягательствам относится и «нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм», уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 181. Одновременно как посягательства на порядок управления следует рассматривать и различные злоупотребления на рынке ценных бумаг, запрещаемые ст. 185–185.4 УК РФ. По нашему мнению, в рассматриваемой ситуации, как и в предыдущей, возможен «перевод» указанных уголовно-правовых запретов в главу 30, 32 УК РФ, также представляющий собой одно из направлений совершенствования главы 22 УК РФ. Как направление совершенствования этой главы, следует рассматривать и «перевод» в главу 32 норм, устанавливающих уголовную ответственность за «фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» (ст. 185.5 УК РФ), «неправомерное использование инсайдерской информации» (ст. 185.6 УК РФ), «изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (ст. 186 УК РФ), «неправомерный оборот средств платежей» (ст. 187 УК РФ). Представляется, что далее в другие главы УК РФ будут «переведены» и иные составляющие главу 22 его нормы, устанавливающие ответственность за деяния, не являющиеся по своей правовой природе посягательствами на общественные отношения в сфере экономической деятельности. Нами ранее отмечено об этих нормах [4. С. 45–48].

Таким образом, несмотря на внесение законодателем в главу 22 УК РФ рассмотренных поправок, указанная глава по-прежнему является несовершенной. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие в ней значительных законодательных пробелов, что существенно снижает эффективность действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере; во-вторых, наличие недостатков законодательной конструкции диспозиций ряда норм, составляющих эту главу, что также не способствует эффективной охране указанных общественных отношений. Поэтому в качестве одного из направлений совершенствования главы 22 УК РФ следует рассматривать криминализацию новых форм проявления недобросовестной конкуренции. Одновременно развитие отечественной экономики предполагает и утрату общественной опасности отдельных деяний, запрещаемых нормами данной главы, с их последую-

щей декриминализацией. Обозначенную декриминализацию также следует рассматривать как направление совершенствования Главы 22 УК РФ. Также в качестве направлений совершенствования этой Главы возможно рассматривать как частичную криминализацию, так и частичную декриминализацию отдельных деяний, запрещаемых составляющими ее нормами, с целью устранения недостатков законодательных конструкций данных норм. Одновременно частичная криминализация, как и частичная декриминализация, возможны и в случаях внесения законодательных поправок в нормы регулятивных отраслей права, поскольку большая часть охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности уголовно-правовых норм имеет бланкетные диспозиции.

Наряду с обозначенными к направлениям совершенствования исследуемой Главы УК РФ следует, по нашему мнению, отнести и «перевод» некоторых из составных ее норм в иные Главы УК РФ, поскольку, как показывает анализ указанных норм, большинством из них установлена ответственность за совершение деяний, которые по своей правовой природе не представляют собой посягательства на рассматриваемые общественные отношения. В результате обозначенного «перевода» окажется возможным правильно определить круг преступлений, объект которых – общественные отношения, возникающие именно в сфере экономической деятельности.

Следует отметить, что в Главе 22 УК РФ имеется незначительное количество норм, задача которых – охрана данных общественных отношений. В действующей ее редакции этой задаче подчинены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за «незаконное предпринимательство» (ст. 171 УК РФ), «незаконные организация и проведение азартных игр» (ст. 171.2 УК РФ), «незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (ст. 171.3 УК РФ), «незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» (ст. 171.4 УК РФ), «незаконная банковская деятельность» (ст. 172 УК РФ), «фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации» (ст. 172.1 УК РФ), «организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» (ст. 172.2 УК РФ), «невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах» (ст. 172.3 УК РФ), «ограничение конкуренции» (ст. 178 УК РФ), «незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (ст. 183 УК РФ), «неправомерные действия при банкротстве» (ст. 195 УК РФ), «преднамеренное банкротство» (ст. 196 УК РФ), «фиктивное банкротство» (ст. 197 УК РФ). По

своей правовой природе указанные деяния представляют собой различные проявления недобросовестной конкуренции между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Следуя данной логике, правильным решением законодателя будет дать Главе 22 УК РФ название «Преступления в сфере предпринимательской деятельности». В результате станет возможным наиболее оптимально установить круг деяний, относящихся к преступлениям данной группы.

По нашему мнению, правомерным является вопрос, насколько необходима именно в рассматриваемой Главе введенная законодателем новелла, предусматривающая уголовную ответственность за подкуп арбитра, третейского судьи (ст. 200.7 УК РФ). По своей правовой природе данное деяние является разновидностью подкупов, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Глав 23, 30 УК РФ. Исходя из названия указанной новеллы, субъект запрещаемого ею деяния не является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Таким образом, с целью совершенствования Главы 22 УК РФ необходим «перевод» ст. 200.7 в иную его Главу. На наш взгляд, то же касается и места ст. 184 УК РФ именно в Главе 22. Нами уже отмечено об ошибке законодателя, заключающейся в отнесении запрещаемого этой нормой деяния к преступлениям рассматриваемой группы [4. С. 45]. Представляется, что для совершенствования обозначенной Главы также необходимо «перевести» из нее в другую Главу УК РФ и ст. 184.

Следует отметить, что рассмотренные ранее направления совершенствования Главы 22 УК РФ, представляющие собой «переводы» норм, устанавливающих ответственность за совершение деяний, по своей правовой природе не являющихся преступлениями, посягающими на общественные отношения в исследуемой сфере, в другие его Главы, далеко не исчерпывающие. На наш взгляд, указанному «переводу» должны подвергнуться не только обозначенные ранее, но и иные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ.

Таким образом, основным направлением совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует рассматривать «перевод» из Главы 22 УК РФ в иные его Главы норм, запрещающих деяния, которые по своей правовой природе не представляют собой посягательства на общественные отношения в данной сфере. Одновременно с целью исключения законодательных пробелов не исключается и криминализация новых форм проявления недобросовестной конкуренции. С целью «сокращения» уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу возможна и декриминализация отдельных деяний, запрещаемых нормами, составляющими Главу 22 УК РФ.

Список источников

1. Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 54–56.
2. Любый И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 27–29.

3. Аристархов А.Л., Зяблина М.В. Актуальные проблемы выявления и расследования фактов воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 58–60.
4. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
5. Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 45–49.
6. Лясколо А.Н. Экономическая тайна: уголовно-правовая характеристика // Законодательство. 2020. № 1. С. 40–46.
7. Корчагин Е.В. Определение места совершения преступления, предусмотренного ст. 194 УК // Законность. 2020. № 5. С. 52–54.
8. Маркелов Р. Заем на долгий срок // Российская газета. 2019. 29 ноября. С. 2–8.

References

1. Lyuby, I.A. (2019) On the issue of responsibility for abuses in the field of state and municipal procurement. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 54–56. (In Russian).
2. Lyuby, I.A. (2020) Problematic issues of the subjective content of article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 27–29. (In Russian).
3. Aristarkhov, A.L. & Zyablina, M.V. (2020) Actual problems of detection and investigation of the facts of obstruction of lawful business or other activity. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 58–60. (In Russian).
4. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalisation and legislative technique in combating economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yani, P.S. (2020) Problemy ugovolno-pravovoy kvalifikatsii kartelya [Problems of criminal and legal qualification of the cartel]. *Zakonnost'*. 5. pp. 45–49.
6. Lyaskalo, A.N. (2020) Ekonomicheskaya tayna: ugovolno-pravovaya kharakteristika [Economic secret: criminal law characteristic]. *Zakonodatel'stvo*. 1. pp. 40–46.
7. Korchagin, E.V. (2020) Opredelenie mesta soversheniya prestupleniya, predusmotrennogo st. 194 UK [Determination of the locus delicti under Art. 194 of the Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 52–54.
8. Markelov, R. (2019) Zaem na dolgij srok [Long-term loan]. *Rossiyskaya gazeta*. 29th November. pp. 2–8.

Информация об авторе:

Лозинский И.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Lozinskiy, Cand. Sci. (Law), associate professor, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 29.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/3

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПО ОБЪЕКТИВНЫМ ПРИЗНАКАМ

Азамат Мугарибович Татимов

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, azamat.tatimov@bk.ru

Аннотация. Дана характеристика объективных признаков состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Проанализированы признаки объекта и объективной стороны преступления. Сделан вывод о необходимости уточнения и ограничения действий, подпадающих под понятие антиобщественных действий и составляющих деяние, как обязательного признака состава данного преступления.

Ключевые слова: вовлечение, распитие, несовершеннолетний, антиобщественные действия, алкогольная и спиртосодержащая продукция, одурманивающие вещества, попрошайничество, бродяжничество

Для цитирования: Татимов А.М. Квалификация преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, по объективным признакам // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 20–24. doi: 10.17223/23088451/19/3

Original article

doi: 10.17223/23088451/19/3

OBJECTIVE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE INVOLVEMENT OF MINORS IN ANTISOCIAL ACTIONS

Azamat M. Tatimov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation, azamat.tatimov@bk.ru

Abstract. The article focuses on the objective side of crimes related to the involvement of minors in antisocial activities. The social danger of such crimes is associated with the possible formation of antisocial habits and inclinations in juvenile victims, which creates conditions for both denying generally accepted social rules and using destructive and harmful substances, which may lead to committing crimes in the future. Involvement includes only active actions through manipulating the mind of minors and arousing their desire to consume alcoholic beverages, alcohol-containing products, and intoxicating substances, or lead an antisocial lifestyle, including vagrancy and begging. Methods of involvement are determined in an open list in Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, which necessities its clarifying and limiting.

Keywords: involvement, drinking, minor, antisocial actions, alcoholic and alcohol-containing products, intoxicating substances, begging, vagrancy

For citation: Tatimov, A.M. (2022) Objective qualification of crimes related to the involvement of minors in antisocial actions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 20–24. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/3

Традиционно в российской уголовно-правовой науке признаки преступления анализируются по объективным и субъективным элементам состава. Их изучение дает ответ на вопрос, является совершенное деяние преступлением или нет. Как правило, квалификация преступления начинается с анализа признаков объекта и объективной стороны преступления [1. С. 52].

Применительно к составу преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, можно отметить, что, безусловно, только ряд компонентов общего объекта может быть рассмотрен в перспективе причинения им

вреда. Однако включение в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в качестве задачи уголовно-правового регулирования предупреждения преступлений имеет здесь несколько иное направление для рассуждений. Так, вовлечение несовершеннолетнего в бродяжничество, попрошайничество, употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции не означает его последующего более опасного отклоняющегося поведения. Однако это создает условия для более высокой вероятности совершения им в будущем как правонарушений, так и преступлений. При этом в основе преступного поведения будет лежать правовой

нигилизм, привитый склонностью к антиобщественным действиям. Соответственно, любой из компонентов общего объекта может быть поставлен под угрозу причинения вреда в будущем.

Для сравнения, некоторые авторы отмечают, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений часто принимает особо опасные формы, когда они участвуют в преступной деятельности банд либо в совершении особо опасных преступлений против личности [2. С. 76]. При этом, исходя из санкции ст. 150–151 УК РФ, можно сделать вывод, что законодатель, хотя и дифференцирует ее, но не выводит предусмотренные в этих статьях деяния за рамки категорий средней тяжести и тяжких преступлений. Значит, невзирая на некоторую разницу в сроках лишения свободы, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий в целом обладает адекватной и почти идентичной общественной опасностью.

Родовой объект характеризует круг тождественных общественных отношений, являющихся однородными по социальной сущности и близкими по содержанию [3. С. 84]. Частью родового объекта является видовой объект, который включает в себя обособленные группы общественных отношений, отражающие общий интерес для участников, взаимообусловленные интересы конкретных ценностей, охраняемых нормами уголовного закона [4. С. 203]. В структуре Особенной части УК РФ видовой объект получил выражение в отдельных главах, объединяющих родственные посягательства.

Глава 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» характеризует видовой объект через спектр наиболее важных семейно-правовых отношений. Они получили законодательное закрепление в положениях Семейного кодекса Российской Федерации, а кроме того, в некоторых стратегических документах, посвященных укреплению статуса семьи и реального обеспечения ее воспитательной функции. Так, Указом Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [5], в которой названы восемь основных проблем в сфере детства, в том числе низкая эффективность существующих механизмов обеспечения и защиты прав и интересов детей. Также в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства, учитывая результаты, достигнутые в ходе реализации данной Национальной стратегии, 2018–2027 гг. объявлены в России Десятилетием детства [6].

Именно семейное неблагополучие лежит в основе вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, особенно если субъектом преступления выступают родители или родственники.

Другой программный документ – Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351, предусматривает укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений, развитие системы поддержки семьи в це-

лях создания благоприятного внутрисемейного климата, профилактики семейного неблагополучия, социальной реабилитации семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, подготовки и комплексного сопровождения семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. Формирование асоциальной направленности личности несовершеннолетнего может быть сопряжено с ненадлежащим исполнением обязанностей по его воспитанию, а также с уклонением от выполнения обязанностей родителей [7].

Таким образом, интересы семьи и несовершеннолетних как видовой объект рассматриваемого преступления могут быть охарактеризованы как совокупность общественных отношений по реализации воспитательной функции семьи в направлении формирования личности ребенка на основе его первичной социализации и неприятия к антиобщественному образу жизни.

Непосредственный объект преступления представляет собой конкретный обособленный интерес, на который непосредственно посягает общественно опасное деяние [8. С. 65]. В структуре Особенной части УК РФ он выражен в отдельных статьях, закрепляющих положения об ответственности за совершение конкретных общественно опасных деяний. Преступление, связанное с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, причиняет ущерб общественным отношениям по воспитанию детей и подростков, способствует формированию у них асоциальных привычек и создает условия как для отрицания общепринятых правил жизни в социуме и развития интереса к употреблению вредной для здоровья продукции, так и для совершения ими последующих преступлений.

Представляется, что нельзя рассматривать в качестве основного непосредственного объекта анализируемого преступления общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, причиняющей ущерб его нравственному и духовному развитию [9. С. 38]. К сожалению, в современной законодательной регламентации указанные отношения получили защиту в части запрета несовершеннолетним определенных действий (приобретения табачной и алкогольной продукции) и установления возрастных ограничений на ознакомление с отдельными информационными материалами. Склонение к ведению антиобщественного образа жизни не связано с информационным воздействием на ребенка, хотя, конечно же, субъект преступления может манипулировать им, восхваляя «преимущества» попрошайничества, бродяжничества, пьянства. Однако сама осведомленность несовершеннолетнего о неприемлемости такого поведения происходит фактически на ранних этапах социализации, в возрасте до семи лет. Указанный возраст не может признаваться группой риска (по изученным уголовным делам около 4,7% детей находились в таком возрасте, при этом не осознавая асоциальности попрошайничества или бродяжничества).

Следует отметить, что общественные отношения, обеспечивающие защиту ребенка от негативного информационного воздействия, могут быть признаны при таких обстоятельствах факультативным объектом,

наряду с его физической неприкосновенностью (при вовлечении путем угрозы), здоровьем (при насильственном вовлечении), свободой. В свою очередь, дополнительным объектом, который, как и основной, может быть выделен в составе многообъектных преступлений, следует признать отношения в сфере обеспечения общественного порядка (при вовлечении в бродяжничество или попрошайничество), правила оборота алкогольной, спиртосодержащей и иной продукции (при вовлечении в систематическое употребление запрещенных веществ).

Таким образом, в структуре объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий можно выделить: 1) общий объект, идентичный всем остальным противоправным посягательствам; 2) родовый объект – общественные отношения в сфере обеспечения прав и законных интересов личности, формализованные в принятых представлениях о социально приемлемом образе жизни и возрастных границах, после наступления которых возможно приобретение опыта употребления веществ, отрицательно влияющих на психику или физическое здоровье; 3) видовой объект – общественные отношения в сфере обеспечения интересов семьи и несовершеннолетних, основанных на реализации воспитательной функции семьи в направлении формирования личности ребенка на основе его первичной социализации и неприятия к антиобщественному образу жизни; 4) основной непосредственный объект – общественные отношения в сфере реализации принятых в обществе норм физического и нравственного воспитания детей; 5) дополнительный объект – отношения в сфере поддержания общественного порядка, правила оборота алкогольной и иных видов продукции; 6) факультативный объект – общественные отношения, обеспечивающие защиту ребенка от негативного информационного воздействия, а также защиту его физической неприкосновенности, здоровья, свободы.

Характеристику объективной стороны преступления, состоящего в вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, необходимо провести с учетом особенностей признаков внешнего проявления преступления [10. С. 31], где одним из обязательных признаков выступает общественно опасное деяние. Ввиду того, что состав преступления, состоящего в вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, является формальным, в ст. 151 УК РФ не указаны какие-либо общественно опасные последствия, соответственно, при квалификации преступления не требуется установления причинной связи между деянием и наступившими нежелательными последствиями. Также надо иметь в виду, что используемое для описания объективной стороны преступления деяние, обозначенное словом «вовлечение», предполагает только активное поведение субъекта, т.е. действие. Посредством бездействия данное преступление не совершается. Об этом непосредственно говорится в руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных

действий определено как исключительно активное поведение виновного лица [11].

В статье 151 УК РФ не раскрывается содержание понятия «вовлечение». В уголовно-правовой доктрине имеются разные подходы объяснения данного понятия. Обобщающим является подход, согласно которому под вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий понимается преступное поведение субъекта, направленное на ориентирование несовершеннолетнего к участию в совершении антиобщественных действий, подстрекательство к их совершению либо привлечение несовершеннолетнего к совершению антиобщественных действий в качестве соисполнителя или пособника [12. С. 101–104].

Диспозиции уголовно-правовой нормы по ч. 1 и 3 ст. 151 УК РФ отличаются признаками насилия или угрозы применения насилия, являющиеся квалифицирующими по ч. 3 ст. 151 УК РФ и отсутствием этих признаков по ч. 1 ст. 151 УК РФ. Для характеристики способа совершения преступления по ч. 1 ст. 151 УК РФ необходимо обратиться к ст. 150 УК РФ, в которой законодатель прямо называет способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, такие как обещание, обман, угроза. Одновременно упоминается и об «иных способах» вовлечения, что позволяет сделать вывод об установлении открытого перечня этих способов. На это обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Особенности способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий могут быть выявлены и с учетом видов антиобщественной деятельности, в которую вовлекается несовершеннолетний.

Помимо прочего, объективная сторона преступления, состоящего в вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, может совершаться путем вовлечения в систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции. Законодатель в данном случае обоснованно, на наш взгляд, отождествляет понятия «употребление» и «распитие». При этом виновный может использовать те же способы – обещание или уговоры для вовлечения, в частности, для целей вовлечения виновный может выдавать элементы антиобщественного поведения как положительные образцы проявления взрослости. Также виновный может своим личным примером показывать несовершеннолетнему, как надо участвовать в распитии алкогольной или спиртосодержащей продукции.

Вовлечение может провоцировать формирование привычки у несовершеннолетнего к систематическому употреблению не только алкогольных или спиртосодержащих напитков, но и одурманивающих веществ. В данном случае несовершеннолетний приобретает практику употребления одурманивающих веществ под влиянием взрослого субъекта, который действует с позиций своеобразных, как бы положительных, соображений, что взрослый человек именно так должен вести себя.

При вовлечении несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством виновный использует прием убеждения, при котором восхваляется данный асоциальный

образ жизни. При этом виновный использует не только угрозы, но и обман, также другие виды психического воздействия, не связанные с применением насилия или угрозы применения насилия (ч. 1 ст. 151 УК РФ).

Несовершеннолетний может быть вовлечен в занятия попрошайничеством, для чего виновный использует такие способы, как шантаж, обещание простить долг, иные формы манипулирования сознанием несовершеннолетнего.

Момент окончания преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, связан с понятием систематичности совершаемых деяний виновным, охватываемых диспозицией нормы ст. 151 УК РФ. Понятие «систематическое» в ряде научных источников отождествляют с понятием «регулярное», т.е. длящееся во времени, а также с другими аналогичными, имеющими оценочный характер, например неоднократное употребление, длительное занятие и др. [13. С. 301]. Более правильным представляется указание на совершение действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, свыше трех раз [14. С. 122]. По сути преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ, является разновидностью сложного единичного преступления, а именно систематичности, что согласуется с понятием систематичности, данное в других уголовно-правовых нормах (например, в ч. 3 ст. 74, ст. 117 УК РФ) и ведомственных нормативных актах, посвященных исполнению отдельных видов наказаний [15], в которых под систематичностью понимается совершение незаконных или неисполнение предписанных действий свыше трех раз.

Итак, преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ, считается оконченным с момента совершения действия по вовлечению в совершение антиобщественных действий. Длительность совершения действий не влияет на квалификацию преступления и не образует множественности преступления. Момент окончания преступления может быть связан и с дачей несовершеннолетним согласия на участие в антиобщественных действиях либо с фактическим их совершением. Наиболее распространенным в уголовно-правовой литературе является понятие оконченного преступления в момент конкретных действий по вовлечению [16. С. 22–26]. Однако при таком понимании оконченного деяния, очевидно, невозможно отграничить оконченное вовлечение от подстрекательства к совершению антиобщественных действий.

Таким образом, общественная опасность данного преступления связана с возможным формированием у несовершеннолетних потерпевших асоциальных привычек и наклонностей, что создает условия как для отрицания общепринятых правил жизни в социуме и развития интереса к употреблению вредной для здоровья продукции, так и для совершения ими преступлений в будущем. Вовлечение может совершаться только в форме активных действий, выражающихся в манипулировании сознанием несовершеннолетнего и возбуждении у него желания употреблять алкогольные напитки, спиртосодержащую продукцию, одурманивающие вещества либо вести асоциальный образ жизни, занимаясь бродяжничеством и попрошайничеством.

Способы вовлечения закреплены в ст. 151 УК РФ в открытом перечне, в связи с чем может быть обоснована необходимость их уточнения и ограничения.

Список источников

1. *Малинин В.Б., Парфенов А.Ф.* Объективная сторона преступления. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 301 с.
2. *Сердюк Л.В.* Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. 384 с.
3. *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2013. 354 с.*
4. *Фролов Е.А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. 1969. Вып. 10. С. 184–225.
5. *Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.03.2022).*
6. *Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства. Вступил в силу с 29 мая 2017 года // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.03.2022).*
7. *Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 38-КГ12-1 // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.03.2022).*
8. *Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2013. 443 с.*
9. *Ханова З.Р.* Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 201 с.
10. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010. 316 с.
11. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2022).*
12. *Гущина А.В.* Уголовно-правовая оценка деяний по вовлечению несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Молодой ученый. 2017. № 47 (181). С. 101–104. URL: <https://moluch.ru/archive/181/46578/> (дата обращения: 20.03.2022).
13. *Галахова А.И.* Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: судебное и научное толкование. М. : Норма, 2014. 736 с.
14. *Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву = Desponsibility for Crimes Against Minors under Russian Criminal Law / Ю.Е. Пудовичкин. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 88 с.*
15. *Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniustarf-ot-20052009-n-142/> (дата обращения: 20.03.2022).*

16. Сердюк Л.В., Одинцова Л.З. Вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 1. С. 22–26.

References

1. Malinin, V.B. & Parfenov, A.F. (2004) *Ob"ektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Side of the Crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr press.
2. Serdyuk, L.V. (2002) *Nasilie: kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie* [Violence: a criminological and penal study]. Moscow: YurLitinform.
3. Inogamova-Khegay, L.V. (ed.) (2013) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General Part]. Moscow: INFRA-M.
4. Frolov, E.A. (1969) Spornye voprosy obshchego ucheniya ob ob"ekte prestupleniya [Controversial issues of the general doctrine of the object of crime]. *Sbornik uchenykh trudov Sverdlov. yurid. in-ta.* 10. pp. 184–225.
5. Russian Federation. (2012) *Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 № 761 "O Natsional'noy strategii deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody"* [Decree No. 761 of the President of the Russian Federation of June 1, 2012, On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012–2017]. [Online] Available from: SPS "Garant". (Accessed: 20th March 2022).
6. Russian Federation. (2017) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 29.05.2017 g. № 240 Ob ob"yavlenii v Rossiyskoy Federatsii Desyatiletiya detstva. Vstupil v silu s 29 maya 2017 goda* [Decree No. 240 of the President of the Russian Federation of May 29, 2017, On the Decade of Childhood in the Russian Federation. Entered into force on May 29, 2017]. [Online] Available from: SPS "Garant". (Accessed: 20th March 2022).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Opreделение SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 19 iyunya 2012 g. № 38-KG12-1* [Resolution No. 38-KG12-1 of the IC in civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 19, 2012]. [Online] Available from: SPS "Garant". (Accessed: 20th March 2022).
8. Rarog, A.I. (ed.) (2013) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. Moscow: Prospekt.
9. Khanova, Z.R. (2008) *Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie antiobshchestvennykh deystviy: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problem* [Involvement of minors in antisocial acts: penal law and criminological problems]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Gaukhman, L.D. (2010) *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice]. Moscow: YurInfoR.
11. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 (red. ot 28.10.2021) "O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh"* [Decree No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011, (as amended on October 28, 2021), On judicial practice in the application of legislation regulating the features of criminal liability and punishment of minors"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 20th March 2022).
12. Gushchina, A.V. (2017) *Ugolovno-pravovaya otsenka deyaniy po вовлечению несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий* [Criminal and legal assessment of acts on the involvement of minors in antisocial actions]. *Molodoy uchenyy.* 47(181). pp. 101–104. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/181/46578/> (Accessed: 20th March 2022).
13. Galakhova, A.I. (2014) *Otsenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii: sudebnoe i nauchnoe tolkovanie* [Evaluative signs in the Criminal Code of the Russian Federation: judicial and scientific interpretation]. Moscow: Norma.
14. Pudovichkin, Yu.E. (2002) *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnikh po rossiyskomu ugovolnomu pravu* [Responsibility for Crimes Against Minors under Russian Criminal Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
15. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2009) *Prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2009 № 142 (red. ot 22.08.2014) "Ob utverzhenii Instruktsii po organizatsii ispolneniya nakazaniy i mer ugovolno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva"* [Order No. 142 of the Ministry of Justice of Russia dated May 20, 2009 (as amended on August 22, 2014), On approval of the Instructions for organising the execution of punishments and measures of criminal law without isolation from society.]. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rf-ot-20052009-n-142/> (Accessed: 20th March 2022).
16. Serdyuk, L.V. & Odintsova, L.Z. (2014) The problems of qualification of the involvement of minors in commission of antisocial actions (Article 151 of the RF Criminal Code). *Voprosy yuvenal'noy yustitsii – Issues of Juvenile Justice.* 1. pp. 22–26. (In Russian).

Информация об авторе:

Татимов А.М. – преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (Нальчик, Россия). E-mail: azamat.tatimov@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Tatimov, external postgraduate student for the degree of Cand. Sci. (Law) lecturer, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation). E-mail: azamat.tatimov@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.

Научная статья
УДК 343.815+94 (47)

doi: 10.17223/23088451/19/4

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Евгения Сергеевна Чуканова

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Evgeniya.rybina@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы определена необходимостью рассмотрения истории уголовного законодательства ответственности несовершеннолетних. Определены основные исторические этапы развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних, изучены особенности правового положения несовершеннолетних в российском законодательстве. Сделан вывод о необходимости имплементации международных норм в области правовой защиты прав несовершеннолетних в российское законодательство.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, возраст, защита детей и подростков, имплементация, опыт зарубежных стран

Для цитирования: Чуканова Е.С. Уголовная ответственность несовершеннолетних: основные этапы исторического развития отечественного законодательства // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 25–28. doi: 10.17223/23088451/19/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/4

CRIMINAL LIABILITY OF MINORS: MAIN STAGES OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION

Evgeniya S. Chukanova

Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, Evgeniya.rybina@mail.ru

Abstract. Due to their psychophysiology, minors need special protection, including that by penal law. However, it took long before this approach paved its legal way. The norms aimed at protecting children and adolescents from being involved in actions posing danger to their lives appeared in domestic legislation with the adoption of the Code on Penal and Correctional Punishments in 1845 and were not initially separated from the norms designed to protect health and morality of minors. Of course, Russia had previously taken measures for legal protection of minors. The origins of activities to work with children negatively influenced by adults go back to Old Russia, when some attempts were made to “correct and re-educate morally corrupted children.” However, all those measures concerned primarily orphans. With the emerging Russian statehood took care about orphans, their upbringing and re-education. The first state institutions for orphans appeared during the reign of Ivan Grozny (the Terrible).

Keywords: minors, criminal liability, age, protection of children and adolescents, implementation, foreign experience

For citation: Chukanova, E.S. (2022) Criminal liability of minors: main stages of the historical development of Russian legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 25–28. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/4

Государство – это социальный институт, которому общество делегировало право применять меры принуждения в целях охраны прав и свобод человека и гражданина. Для этого созданы специализированные правоохранительные органы. Уголовно-правовая охрана общественных отношений выступает в качестве одного из наиболее приоритетных направлений реализации правоохранительной функции российского государства.

Функции государства представляют собой совокупность основных направлений его деятельности, посред-

ством которых государственной властью решаются группы однородных задач, являющихся отражением предназначения и юридической сущности государства как социального института. Функции государства изменчивы и в значительной степени обусловлены целями и задачами, которые стоят перед государственной властью в конкретный исторический период.

В качестве одной из функций государства, которые имеют непреходящее значение и имманентны его сущности, выступает правоохранительная функция, состоящая в обеспечении и поддержании законности, борьбе

с преступностью и охране правопорядка. В основе реализации правоохранительной функции государства лежат правомочия и компетенция государственной власти по использованию принуждения.

Несовершеннолетние в силу присущих их возрасту психофизиологических характеристик нуждаются в особой защите, в том числе и защите уголовно-правовыми средствами. Тем не менее данный подход был законодательно закреплен далеко не сразу. Нормы, направленные на защиту детей и подростков от их вовлечения в совершение действий, представляющих опасность для их жизни, появились в отечественном законодательстве не ранее принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и первоначально не были обособлены от норм, призванных охранять здоровье и нравственность несовершеннолетних.

При этом безусловно, российское государство и ранее принимало меры для особой правовой охраны лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Истоки зарождения деятельности по работе с детьми, подвергшимися негативному влиянию взрослых, кроются еще в Древней Руси – тогда предпринимаются некоторые попытки по «исправлению и перевоспитанию нравственно испорченных детей». При этом организация всех мер касается, прежде всего, детей-сирот. Так, с возникновением государственности на Руси начинается проявление «заботы» о детях-сиротах, их воспитании и перевоспитании. Первые государственные учреждения для детей-сирот появляются в годы правления Ивана Грозного.

При этом особенности правового положения несовершеннолетних оформились в российском законодательстве довольно поздно, не ранее XVII в. До этого времени отечественный законодатель не считал необходимым каким-либо специальным образом регламентировать вопросы уголовно-правовой охраны жизни несовершеннолетних. Так, Соборное уложение 1649 г. упоминало семилетний возраст в качестве минимального, при достижении которого к лицу могли быть применены те или иные меры государственного принуждения за совершение запрещенного законодательством деяния [1. С. 423]. Другими словами, До Соборного Уложения 1649 г. в России действовала единая система наказания за преступления для взрослых и детей. Лишь в 1649 г. впервые произошло разграничение наказаний за преступления, совершенные взрослыми и детьми младше семи лет.

В дальнейшем указами Екатерины II и Сената был установлен возраст совершеннолетия, в качестве которого был избран семнадцатилетний порог. При этом к ответственности лицо могло быть привлечено начиная с десяти лет. Оговаривался запрет на применение к подросткам до 15 лет телесных наказаний, а также предусматривались сокращенные сроки наказаний для лиц в возрасте от 15 до 17 лет.

В 1775 г. Екатерина II учредила так называемые соевестные суды, которым и поручалось вести дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, то есть лицами, не достигшими семнадцатилетнего возраста. В 1785 г. в России появляется заменяющее наказание за преступления, совершенные малолетними

преступниками. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1785 г. сказано, что дети от 7 до 10 лет не подвергаются наказанию. Замена наказания подростков от 10 до 17 лет происходила только в том случае, если в суде была доказана «вменяемость» малолетнего преступника. Следует в этой связи отметить, что законодатель того времени еще не знал разделения административного и уголовного права.

В дальнейшем, как пишет Н.В. Машинская, «уголовное законодательство XIX в. устанавливало запрет на применение насилия родителями и лицами, их заменяющими, по отношению к своим детям и предусматривало за данное деяние весьма строгое наказание. Тюремным заключением по Уложению 1845 г. карались и другие преступления против несовершеннолетних в семье. Так, п. 2 ст. 420 предусматривал уголовную ответственность указанных лиц за обращение не достигшего семнадцати лет к нищенству или иному безнравственному занятию или в отдале его для этой цели, а п. 3 этой же статьи запрещал принуждать не достигшего двадцати одного года, посредством злоупотребления родительской или опекуной властью, к вступлению в брак, если брак последовал» [2. С. 4].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 мая 1845 г. особо оговаривало порядок помещения несовершеннолетних правонарушителей в монастырь. В статье 6 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. эта мера была заменена на помещение несовершеннолетних в исправительный приют. Одно из главных достоинств судебной реформы 1864 г. – введение института суда присяжных. В этой связи следует упомянуть таких правоведов и государственных деятелей, как Н.С. Мордвинов, А.А. Чарторыйский, Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов, М.М. Сперанский. Практика деятельности дореволюционного суда присяжных также опиралась на опыт зарубежных стран.

В свою очередь, ст. 375 Уголовного уложения 1903 г. устанавливала «ответственность родителя или «имеющего попечение или надзор за несовершеннолетним», виновного: а) в обращении или отдаче лица, не достигшего 17 лет, для нищенства или «иного безнравственного занятия»; б) потворстве непотребству или иному разврату лица, не достигшего 17 лет; в) принятии лица моложе 17 лет для обращения в нищенство; г) похищении, сокрытии или подмене ребенка, не достигшего 12 лет, для нищенства или «иного безнравственного занятия», из корыстных целей или с целью лишить ребенка прав его состояния. В статье 447 Уголовного уложения предусматривалась уголовная ответственность за «принуждение посредством насилия, угроз, злоупотребления родительской или опекуной властью, к совершению проступка или преступления, если последовало противоправное деяние» [3. С. 9].

После октября 1917 г. данные вопросы также не оставались без внимания законодателя. В этой связи необходимо отметить Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях».

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [4] содержал ст. 210, в соответствии с которой «вовлечение несовер-

шеннолетних в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования» наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет.

Постсоветский этап развития законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, связан с интеграцией нашей страны в международно-правовую систему защиты прав несовершеннолетних. В этой связи следует выделить Конвенцию Организации Объединенных Наций (ООН) о правах ребенка 1989 г.; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 г.

Всеобщая декларация прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и защиту [5]. В Декларации прав ребенка указано: «...ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения».

Российская Федерация должна обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (п. 2 ст. 3 Конвенции ООН от 20 ноября 1989 г. о правах ребенка [6]).

В преамбуле Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципах) записано: «...сознавая наличие значительного числа молодых людей, которые, возможно, вступили или не вступили в конфликт с законом, но которые брошены родителями, лишены внимания, подвергаются жестокому обращению, риску злоупотребления наркотиками, находятся в обстоятельствах маргинальности, а также в целом пребывают в социально опасном положении» [7].

Российской Федерацией также ратифицирована Европейская социальная хартия 1996 г. [8]. В Хартии есть несколько статей, которые способствуют защите несовершеннолетних от вовлечения в совершение действий, представляющих опасность для их жизни. Это ст. 7 – право детей и молодежи на защиту; ст. 16 – право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту; ст. 17 – право детей и молодежи на социальную, правовую и экономическую защиту; ст. 19 – право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь [9. С. 23].

При этом задача имплементации международных норм в области социально-правовой защиты прав несовершеннолетних в российское законодательство до конца не решена.

Основные права и свободы человека, согласно ст. 17 Конституции России, принадлежат каждому от рождения. Издавая нормы права и, тем самым, представляя возможность возникновения на ее основе субъективных прав и охраняемых законом интересов, государство обязано предусмотреть и соответствующую форму их защиты.

Неотъемлемым элементом данного механизма как раз и выступают уголовно-правовые средства защиты несовершеннолетних. Это позволило, в частности, В.Г. Афанасьяди сделать справедливый вывод о том, что «на протяжении развития отечественного уголовного законодательства и совершенствования правоприменительной деятельности в национальном праве с учетом международного правового опыта сложился и действует достаточно эффективный механизм уголовно-правовой охраны семьи, материнства и детства» [10. С. 2].

Таким образом, в действующем законодательстве, в части уголовной ответственности несовершеннолетних, сохраняются традиции преемственности с положениями, которые были сформированы в нашей стране ранее.

Список источников

1. *Памятники русского права*. Вып. 7. Памятники права периода сознания абсолютной монархии второй половины XVII века. М. : Госюриздат, 1963. 510 с.
2. *Машинская Н.В.* Эволюция уголовного законодательства в области охраны несовершеннолетних от применения насилия в семье // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2009. № 2. С. 4–13.
3. *Осипьян А.В.* Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 28 с.
4. *Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР»* // *Ведомости ВС РСФСР*. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу.
5. *Всеобщая декларация прав человека*. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года // *Корбут Л.В., Поленина С.В.* Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей : сборник универсальных и региональных международных документов. М. : ИЦ-Гарант, 1997. С. 14–17.
6. *Конвенция «О правах ребенка»* (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // *Сборник международных договоров СССР*. 1993. Вып. XLVI.
7. *Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы)* // *Международные акты о правах человека*. Сборник документов. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. 52 с.
8. *Федеральный закон Российской Федерации от 03.06.2009 № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года»* // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 08.06.2009. № 23. Ст. 2756.
9. *Глозов С.А., Кочетков В.В., Сальников С.В., Ходусов А.А.* Европейская социальная хартия – право Совета Европы и российская практика / под ред. С.А. Глозова. М. : Науч.-пед. Центр прав человека РГСУ; АПКИППРО, 2010. 194 с.
10. *Афанасьяди В.Г.* Предмет доказывания по уголовным делам о незаконном усыновлении // *Российский следователь*. 2013. № 16. С. 2–11.

References

1. Cherepnin, L.V. (ed.) (1963) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Vol. 7. Moscow: Gosyurizdat.
2. Mashinskaya, N.V. (2009) Evolyutsiya ugovnogo zakonodatel'stva v oblasti okhrany nesovershennoletnikh ot primeneniya nasiliya v sem'e [The evolution of criminal legislation in protection of minors from domestic violence]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii – Issues of Juvenile Justice*. 2. pp. 4–13.
3. Osipyanyan, A.V. (2004) *Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestupleniy ili inyykh antiobshchestvennykh deystviy: ugovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Involvement of minors in the crimes or other antisocial actions: penal law and criminological aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov on the Don.
4. RSFSR. (1960) Zakon RSFSR ot 27.10.1960 "Ob utverzhdenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR" [Law of the RSFSR dated October 27, 1960, On approval of the Criminal Code of the RSFSR]. *Vedomosti VS RSFSR*. 40. Art 591. Invalid.
5. UNO. (1997) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka. Prinyata i provozglashena rezolyutsiey 217 A (III) General'noy Assamblei ot 10 dekabrya 1948 goda [Universal Declaration of Human Rights. Adopted and proclaimed by resolution 217 A (III) of the General Assembly of December 10, 1948]. In: Korbut, L.V. & Polenina, S.V. *Mezhdunarodnye konventsii i deklaratsii o pravakh zhenshchin i detey. Sbornik universal'nykh i regional'nykh mezhdunarodnykh dokumentov* [International conventions and declarations on the rights of women and children. Collection of universal and regional international documents]. Moscow: ITS-Garant. pp. 14–17.
6. UNO. (1993) Konventsiya "O pravakh rebenka" (odobrena General'noy Assambleey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) [Convention On the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990)]. In: *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* [International Treaties of the USSR]. Vol. XLVI. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. UNO. (2000) Rukovodyashchie printsipy OON dlya preduprezhdeniya prestupnosti sredi nesovershennoletnikh (Er-Riyadskie rukovodyashchie printsipy) [UN Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (The Riyadh Guidelines)]. In: Kartshakin, V.A. & Lukashova, E.A. (eds) *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of Documents]. Moscow: NORMA-INFRA-M.
8. Russian Federation. (2009) Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 03.06.2009 № 101-FZ "O ratifikatsii Evropeyskoy sotsial'noy khartii (peresmotrennoy) ot 3 maya 1996 goda" [Federal Law No. 101-FZ of the Russian Federation of June 3, 2009, On the Ratification of the European Social Charter (Revised) of May 3, 1996]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 8th June. Art. 2756.
9. Glotov, S.A., Kochetkov, V.V., Salnikov, S.V. & Khodusov, A.A. (2010) *Evropeyskaya sotsial'naya khartiya – pravo Soveta Evropy i rossiyskaya praktika* [European Social Charter – Council of Europe Law and Russian Practice]. Moscow: RGSU; APKIPPRO.
10. Afanasyadi, V.G. (2013) Fact to be proven in criminal cases on illegal adoption. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 16. pp. 2–11. (In Russian).

Информация об авторе:

Чуканова Е.С. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Chukanova, Cand. Sci. (Law), associate professor, deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/5

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Александр Александрович Шапошников¹, Юрий Валентинович Гульбинский²

^{1,2} Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ www.myjustice@gmail.ru

² urakatyayandex.ru

Аннотация. Рассматриваются возникшая необходимость внесения изменений в действующее уголовное законодательство в целях противодействия распространения ложной информации о новой коронавирусной инфекции (COVID-19), общественная опасность данного деяния, а также обоснованность включения данной правовой нормы в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция, угроза общественной безопасности, уголовно-правовая норма, преступление, преступность, ложная информация, интернет

Для цитирования: Шапошников А.А., Гульбинский Ю.В. Уголовно-правовой анализ публичного распространения ложной информации о новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 29–32. doi: 10.17223/23088451/19/5

Original article

doi: 10.17223/23088451/19/5

LEGAL ANALYSIS OF THE PUBLIC DISSEMINATION OF FALSE INFORMATION ABOUT THE NEW CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19)

Aleksandr A. Shaposhnikov¹, Yuriy V. Gulbinskiy²

^{1,2} St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Russian National Guard Troops, St. Petersburg, Russian Federation

¹ www.myjustice@gmail.ru

² urakatyayandex.ru

Abstract. Changes in the legislation of the Russian Federation are usually introduced in order to improve it as well as the mechanisms for protecting citizens from various threats and illegal actions. Such actions should also include relatively new norms providing for liability for violations of sanitary and epidemiological rules leading to the threat of a mass disease or poisoning of people, as well as other actions in the form of public dissemination of false information. The state counteracts the dissemination of false information on the Internet and messengers in various ways, which are mainly used by law enforcement agencies; however, there often arise legal problems that impede the activities of the competent authorities, and such problems are solved by amending or supplementing the current legislation. The public dissemination of false information about the new coronavirus infection is criminal, since it contains all four features provided for in the law, which qualify it as crime – this is guilt, public danger, wrongfulness and punishability. Their sum-total qualifies the considered socially dangerous act as crime, which in its essence serves as the main basis for bringing to criminal liability for this act.

Keywords: new coronavirus infection, threat to public safety, criminal law, crime, criminality, false information, Internet

For citation: Shaposhnikov, A.A. & Gulbinskiy, Yu.V. (2022). Criminal analysis of the public dissemination of false information about the new coronavirus infection (Covid-19). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 29–32. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/5

Изменения в законодательстве Российской Федерации, как правило, вносятся с целью его совершенствования, а также с целью улучшения и эффективности механизмов защиты граждан от различных угроз и противоправных действий. К таковым следует приобщить и относительно новые нормы, предусматривающие ответственность за нарушения санитарно-эпидемиологических пра-

вил, повлекших угрозу массового заболевания или отравления людей, а также иных действий в виде публичного распространения ложной информации [1].

Государство противодействует распространению недостоверной информации в сети Интернет и мессенджерах различными способами, которые в основном применяются правоохранительными органами, однако

нередко возникают проблемы правового характера, препятствующие деятельности компетентных органов. Такие проблемы и решаются путем изменения или внесения дополнений в действующее законодательство.

Недостоверная информация является качественно новым детерминантом преступности, который охватывает широкий круг лиц, делящихся на две категории. Первая категория включает в себя тех, кому был нанесен ущерб в результате публикации недостоверной информации, вторая же охватывает тех, кто воспользовался недостоверной информацией в качестве вспомогательного орудия для преступного деяния, разместив ее для общего доступа намеренно, преследуя различные цели и руководствуясь различными мотивами. Касаемо ложных сведений о распространении новой коронавирусной инфекции, следует отметить, что они распространялись, как правило, лицами, преследующими корыстные цели или же хулиганские побуждения. Однако некоторое количество лиц, совершивших подобное деяние, даже не могут пояснить своих мотивов и целей, преследуемых ими при распространении заведомо ложной информации. Также психологами справедливо отмечается, что личности, которые подвержены психозам и различного рода иным нервным расстройствам, проецируют на коронавирус свое внутреннее состояние страха, создавая и публикуя фейковые новости в качестве самозащиты. Данная проблема с возникновением пандемии охватила не только Россию, но практически все страны мира.

Компетентными органами неоднократно в средствах массовой информации высказывались и публиковались рекомендации, призывающие отличать фейковые новости и иные публикации от достоверной информации [2].

Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) была введена ст. 207.1 УК РФ. Указанная норма права примечательна тем, что принята в соответствии с условиями и необходимостью нормативного правового регулирования отношений, возникающих в результате возникших на фоне пандемии обстоятельств. Уголовный кодекс Российской Федерации, с вступлением в силу рассматриваемой правовой нормы, теперь предусматривает уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Рассматриваемая статья предполагает строгие санкции за данное деяние – наказывается штрафом в размере от 300 до 700 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 18 месяцев, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо ограничением свободы на срок до 3 лет.

Стоит обратить внимание на тот факт, что к данной статье, как и к некоторым другим статьям УК РФ также есть и примечание, в котором раскрыты сущность и

понятие обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В статье 207.1 УК РФ признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. Из анализа самой уголовно-правовой нормы и содержания вышеуказанного примечания следует вывод, что обстоятельства распространения новой коронавирусной инфекции на территории России относятся к обстоятельствам, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан. Уголовная ответственность за рассматриваемое деяние не раз становилась предметом обсуждений компетентных органов, в результате чего необходимость внесения изменений в действующее законодательство, предусматривающих уголовную ответственность за данное деяние, была отражена в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) (далее – Обзор ВС РФ № 1) [3], так как распространение новой коронавирусной инфекции в мире и, в частности, на территории России послужило причиной нанесения ущерба жизни и здоровью большого количества людей, повлекло за собой значительные материальные потери, нарушило нормальные условия жизни населения и создало условия для введения ограничительных мер, отразившихся на нормальном функционировании многих общественно значимых и иных областей жизнедеятельности [4].

Случаи, в которых деяние в той или иной форме содержит признаки уголовно наказуемого и подлежит квалификации по ст. 207.1 УК РФ, в полной мере отражены в данной статье, т.е. когда такое распространение заведомо ложной информации с учетом условий, в которых оно осуществляется, цели и мотивов совершаемых действий (например, для того чтобы спровоцировать панику среди населения, нарушения правопорядка), представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности. Ответ на вопрос 13 Обзора ВС РФ № 1 в полной мере поясняет и характеризует публичный характер рассматриваемого в данной статье деяния, а именно, цитируя данный источник, следует отметить «что публичный характер может проявляться не только в использовании для этого СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей, но и в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.» [5].

Вопрос о наличии признака публичности распространения информации должен разрешаться судами с

учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. Необходимо также иметь в виду, что проявление публичного характера деяния в виде распространения заведомо ложной информации характеризуется в настоящее время использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (Telegram, WhatsApp, Viber и др.), размещением информации в социальных сетях (VK, «Одноклассники», TikTok и др.), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собраниях, митингах, раздаче брошюр, информационных буклетов, листовок, плакатов и т.п. [3].

Стоит отметить, что распространение заведомо ложной информации под видом достоверной является важнейшим и одним из обязательных условий наступления ответственности по ст. 207.1 или 207.2 УК РФ. Формы, способы изложения информации (к примеру, ссылки на компетентные источники, цитирование авторитетных должностных лиц, видеофайлы и пр.), использование поддельных документов, имеющих отношение к другим событиям, могут в целом свидетельствовать о том, что данная информация выдается за действительную и может быть ложной.

В случае, если лицо разместило или опубликовало в сети Интернет на своей странице, в своей группе, блоге либо же на странице другого пользователя материал, который содержит заведомо для данного лица ложную информацию (материал может быть представлен в графическом, текстовом, видео, аудио или ином представлении), созданную им самим или другим лицом (в том числе так называемый репост), то данное деяние вполне можно квалифицировать по ст. 207.1 или 207.2 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо

действовало с прямым умыслом, сознавало, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц.

Следует уточнить, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозициях ст. 207.1 или ст. 207.2 УК РФ, если деяние этим лицом совершено до вступления в силу Федерального закона № 100-ФЗ, т.е. до 01.04.2020, в том числе и в случаях, когда общественно опасные последствия, предусмотренные ст. 207.2 УК РФ, наступили в период действия нового уголовного закона, но в случае начала публичного распространения заведомо ложной информации до вступления в силу Федерального закона № 100-ФЗ и дальнейшего продолжения данного деяния после установления уголовной ответственности, то преступными и могут быть признаны только те действия, совершенные в период начиная с 01.04.2020, обязательным условием ответственности по ст. 207.2 УК РФ следует считать наступление общественно опасных последствий, которые непосредственно состоят в причинной связи с такими действиями [6].

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что рассматриваемое деяние, а именно публичное распространение ложной информации о новой коронавирусной инфекции, является преступным, так как в нем присутствуют все предусмотренные в законе четыре признака, при наличии которых оно признается преступлением – это виновность, общественная опасность, противоправность и наказуемость. Их полная совокупность характеризует рассматриваемое общественно опасное деяние как преступление, что по своей сути и служит главным основанием для привлечения к уголовной ответственности за данное деяние.

Список источников

1. Юнда А.А. Уголовная ответственность в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2022).
2. Филиал партнерства с ограниченной ответственностью Брайан Кейв Лейтон Пейзнер (Раша) ЛЛП в г. Москве, Практика уголовно-правовой защиты бизнеса. Ужесточение уголовной ответственности в связи с распространением COVID-19 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2022).
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май 2020.
4. Воронцова И.Е., Росляков В.Д. Новшества уголовного законодательства Российской Федерации в период пандемии: вопросы разграничения и толкования уголовно-правовых норм // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novshestva-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-v-period-pandemii-voprosy-razgrani-cheniya-i-tolkovaniya-ugolovno> (дата обращения: 15.04.2022).
5. Андреев В.Л., Соловьев В.С. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 21–26.
6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. Июнь 2020.

References

1. Yunda, A.A. (n.d.) *Ugolovnaya otvetstvennost' v svyazi s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)* [Criminal liability for spreading the new coronavirus infection (COVID-19)]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus." (Accessed: 20th March 2022).
2. Branch of LLP Brian Cave Leighton Peisner (Russia) in Moscow. (n.d.) *Praktika ugolovno-pravovoy zashchity biznesa. Uzhestochenie ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s rasprostraneniem COVID-19* [Practice of criminal law protection of business. Toughening of criminal law protection of business. Toughening of criminal law protection of business in connection with the spread of COVID-19].

- er criminal liability in connection with the spread of COVID-19]. [Online] Available from: SPS “Konsul’tantPlyus.” (Accessed: 20th March 2022).
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (2020a) *Obzor po otdel’nym voprosam sudebnoy praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel’sтва i mer po protivodeystviyu rasprostraneniyu na territorii Rossiyskoy Federatsii novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) № 1* (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 21.04.2020) [Review No. 1 on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020)]. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF*. 5.
 4. Vorontsova, I.E. & Roslyakov, V.D. (2020) Innovations in the criminal legislation of the Russian federation during the pandemic period: Issues of distinction and interpretation of criminal legal standards. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 9. pp. 843–852. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/novshestva-ugolovno-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-v-period-pandemii-voprosy-razgranicheniya-i-tolkovaniya-ugolovno> (Accessed: 15th April 2022).
 5. Andreev, V.L. & Soloviev, V.S. (2020) Uголовно-правовая охрана общечestvennykh otnosheniy v period rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) na territorii Rossiyskoy Federatsii [Legal protection of public relations during the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation]. *Obshchestvo i pravo*. 2(72). pp. 21–26.
 6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2020b) *Obzor po otdel’nym voprosam sudebnoy praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel’sтва i mer po protivodeystviyu rasprostraneniyu na territorii Rossiyskoy Federatsii novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) №2* (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 30.04.2020) [Review No. 2 on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020)]. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF*. 6.

Информация об авторах:

Шапошников А.А. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: www.myjustice@gmail.ru

Гульбинский Ю.В. – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: urakatyayandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Shaposhnikov, senior lecturer, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: www.myjustice@gmail.ru

Yu.V. Gulbinskiy, Cand. Sci. (History), associate professor, deputy head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: urakatyayandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.343.5

doi: 10.17223/23088451/19/6

ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ ПРИ СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Александр Викторович Шеслер

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, sofich@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности причинной связи при соучастии в преступлении. Отмечается, что к ним относятся: наличие причинной связи между общим деянием соучастников преступления и единым для них преступным результатом; объективно-субъективный характер причинной связи как формы социальной детерминации; ее закономерный характер, состоящий в том, что последствия от общего деяния соучастников наступают неизбежно или являются реально возможными.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, общее деяние, единый преступный результат, причинная связь, закономерность

Для цитирования: Шеслер А.В. Особенности причинной связи при соучастии в преступлении // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 33–38. doi: 10.17223/23088451/19/6

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/6

SPECIFICITY OF CAUSAL CONNECTION IN CRIMINAL COMPLICITY

Aleksandr V. Shesler

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, sofich@inbox.ru

Abstract. The article discusses causality in criminal complicity characterised by causal connection between the common deed and common criminal result of accomplices as well as its objective-subjective and natural character. The author argues with those who believe that criminal complicity manifests two types of relations between the actions of accomplices and their common criminal result: causal or conditioning. The author criticizes the idea that causal connections in criminal complicity is exclusively objective by nature and links the act with inevitable consequences. According to the author, such a connection as a manifestation of social determination is objective-subjective, and the consequences of the common deed of accomplices are not only inevitable, but also possible.

Keywords: complicity in a crime, common deed, common criminal result, causal connection, regularity

For citation: Shesler, A.V. (2022) Specificity of causal connection in complicity in a crime. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 33–38. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/6

Вопрос об особенностях причинной связи при соучастии в преступлении является достаточно дискуссионным. К числу наиболее обсуждаемых проблем в науке уголовного права относятся следующие.

Во-первых, между чем существует причинная связь, а именно: между деянием каждого из соучастников и преступным результатом или между общим деянием соучастников преступления и единым для них преступным результатом.

Во-вторых, носит такая причинная связь только объективный или объективно-субъективный характер, т.е. зависит ли ее наличие от осознания соучастниками преступления.

В-третьих, носит ли данная связь закономерный характер или вероятный характер, в чем состоит закономерный характер причинной связи: в неизбежности наступления общественно опасных последствий или в их реальной возможности.

Приступая к анализу первой проблемы, отметим, что значительная часть исследователей указывают следующее: причинная связь должна быть между деянием каждого из соучастников и общим преступным результатом. При этом авторы отмечают, что причиной преступного результата являются действия исполнителя (соисполнителей), а действия остальных содействуют наступлению этого результата, являются его условием [1. С. 17–18; 2. С. 6–7; 3. С. 9–11]. Значение такого подхода его сторонники усматривают в том, что установление различной степени причинения общего последствия каждым соучастником позволяет определить различную их степень участия в одном преступлении и выделить виды соучастников [4. С. 262–267], а также формы соучастия [5. С. 52, 80–81].

Конечно, следует выделять вклад каждого из соучастников в достижение общего преступного результата. Однако почему причинная связь, предполагающая

существование как причины, так и условия, считается возможной при наличии только одной из этих детерминант? Признание причинной связи между действиями каждого из лиц, каким-либо образом содействующих преступному результату (в виде создания неизбежности или реальной возможности его наступления либо в виде способствования таким неизбежности или возможности) может характеризовать не только соучастие, но и иные случаи стечения нескольких лиц в одном преступлении, которые соучастием не являются [6. С. 7–8, 14–22, 59–89; 7. С. 7, 9–14].

Учитывая разницу между вкладом соучастников в достижение единого результата, другие исследователи утверждают, что при соучастии имеют место два вида связей, а именно: причинно-следственная и обуславливающая. Суть такого подхода состоит в следующем. При причинной связи действие (бездействие), являясь причиной, само порождает, продуцирует, воспроизводит последствие. При обуславливании одно деяние, являясь условием, лишь создает возможность причинения, т.е. действия причины. Таким образом, причинная связь существует только между действиями исполнителя (соисполнителя) преступления и преступным последствием, действия иных соучастников являются лишь условием причинения этого последствия. В результате исследователи делают вывод о том, что уголовная ответственность за деяние наступает при наличии как причинной, так и обуславливающей связи между деянием и преступным последствием [8. С. 241–242; 9. С. 44–51].

Полагаем, что данная позиция теоретически обосновывает в практике применения уголовного закона расширение круга лиц, которые несут уголовную ответственность как соучастники преступления. Так, в п. 2 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 31 июля 1962 г. указывалось: «Укрывательство преступления, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием, если эти действия были обещаны исполнителю до или во время совершения преступления либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие» [10].

В пункте 8 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» была отражена аналогичная позиция: «...заранее не обещанное приобретение добытой заведомо преступным путем продукции либо систематическое приобретение ее от одного и того же правонарушителя лицом, которое сознавало, что своими действиями дает возможность правонарушителю рассчитывать на содействие в сбыте этой продукции, должно квалифицироваться как соучастие в преступлении в форме пособничества» [11]. По сути, такое разъяснение является расширительным толкованием пособничества, несмотря на то что заранее не обещанное укрывательство, приобретение или сбыт указанных предметов не являются вкладом в совместное преступление.

На наш взгляд, данные действия могут быть признаны пособничеством не только на основании их систематического совершения, но и на основании того, когда между укрывателем и исполнителем преступления есть предварительная договоренность на неопределенный период о приобретении предметов, которые будут добыты в результате совершения нескольких преступлений определенного вида (хищений, незаконной охоты и т.д.). При такой договоренности не обязательно конкретизировать совместность действий при совершении каждого преступления и даже уточнять их количество. Отсутствие подобной договоренности не превращает даже систематически совершенные заранее не обещанное укрывательство, приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, в пособничество. Подобные действия не являются частью общей причины, влекущей для соучастников единый результат.

В целом с двумя предшествующими позициями нельзя согласиться в связи с тем, что преступление совершается одно, преступный результат является единым, а связей (причинных или обуславливающих), на основании которых вместе с другими признаками соучастия выстраивается конструкция уголовной ответственности соучастников преступления, выявляется несколько. Установление причинных и обуславливающих связей между действиями нескольких лиц и одним результатом характеризует лишь их причастность к одному преступному результату, пересечение самостоятельно развивающихся связей в одном последствии, а не совместность их действий.

Полагаем, следует поддержать позицию тех исследователей, которые исходят из того, что причинная связь существует только между общим деянием всех соучастников и единым для них преступным результатом. Подобная позиция обосновывается тем, что причиной такого результата служит совместная деятельность всех соучастников преступления [12. С. 49–50].

Поддержанная нами точка зрения в полной мере соответствует разрешению вопроса о причинной детерминации в современной философии, которая исходит из того, что следствие определяется совокупностью всех необходимых условий. Данная совокупность представляет собой полную причину. В нее входят специфическая причина и кондициональная причина. Первая направлена на следствие, а вторая – на специфическую причину, на приведение ее в активное состояние, на превращение возможности явления в действительность [13. С. 417–419].

На наш взгляд, применительно к соучастию в преступлении это означает, что полной причиной преступного результата как его следствия является совместная деятельность соучастников. Эта полная причина состоит из совокупности необходимых условий, которыми являются деяния каждого из соучастников. Совокупность таких необходимых условий создает неизбежность или реальную возможность наступления единого для всех соучастников преступного результата. Специфическая причина такого результата – это деяние исполнителя. Именно оно порождает преступный результат как свое закономерное следствие. Деяния иных со-

участников преступления представляют собой кондициональную причину (необходимое условие), способствующую формированию специфической причины в виде деяния исполнителя (в частности, действия подстрекателя возбуждают в исполнителе решимость совершить преступление), либо способствующие ее проявлению (в частности, пособник, предоставляя исполнителю орудия убийства, укрепляет этим решимость последнего совершить убийство).

Безусловно, применительно к различным формам соучастия в преступлении причинная связь между общим деянием и единым преступным результатом имеет свои особенности. На этом акцентирует внимание В.П. Алехин. Автор отмечает, что при соисполнительстве действия каждого из соучастников в совокупности составляют причину преступного результата и выступают составной частью общей причины, вызывающей преступные последствия; при этом вклад отдельного соучастника в рамках общей причины может быть различным. Для соучастия с юридическим разделением ролей автор считает необходимым оказание каждым соучастником воздействия на сознание исполнителя (соисполнителей), что является частью общей причины совершения им преступления. В результате действия любого соучастника, делает вывод автор, должны быть необходимым условием наступления преступного результата [14. С. 9–10].

На основании этих положений следует сделать вывод о том, что деяние каждого соучастника в отдельности не выступает в качестве причины преступного результата. Такой причиной является совместное деяние соучастников. Поэтому причинная связь должна устанавливаться только между общим деянием соучастников преступления и единым для них преступным результатом, а не между деянием каждого из соучастников и преступным результатом.

Данный вывод не исключает дифференциацию и индивидуализацию ответственности и наказания соучастников преступления. Выделение кондициональной причины (необходимого условия) позволяет отнести к соучастию только значительное содействие нескольких лиц совершению преступлению, а также дает возможность установить степень необходимости деяния каждого соучастника для обусловленности действий других и, тем самым, вклад его в совместное преступление.

Вопрос о том, носит причинная связь как признак состава преступления только объективный или объективно-субъективный характер, т.е. зависит ли ее наличие от осознания соучастниками преступления, также в науке уголовного права решается неоднозначно. Большая часть исследователей исходят из того, что такая причинная связь, как и причинная связь в уголовном праве в целом, носит только объективный характер [17. С. 83–97].

Полагаем, что сторонники этой позиции отождествляют процессы детерминации в физическом и социальном мире. Последние являются более сложными в силу того, что реализуются через деятельность людей, больших или малых социальных групп, их социальное

взаимодействие между собой. Эта деятельность отличается от природных процессов сознанием как обобщенным и целенаправленным отражением человеком социальной действительности. В силу этого социальная детерминация предполагает переплетение и взаимодействие субъективных и объективных факторов [15. С. 375–394; 16. С. 437, 607–609]. Преступление – это вид социального поведения. Не случайно в числе признаков преступления законодатель указал его виновный характер (ч. 1 ст. 14 УК РФ). На наш взгляд, этим законодатель подчеркнул участие в причинении вреда, который может носить как физический, так и иной характер сознательной активности человека. Отметим, что даже исследователи, подчеркивающие объективность причинной связи между преступным деянием и его последствиями, увязывают ее с волей и сознанием лица, совершающего это деяние.

Например, Т.В. Церетели указывает, что предельно мыслимой границей общественной опасности деяния является реальная возможность лица оказать воздействие на фактический ход событий [4. С. 139]. М.И. Ковалев отмечает, что при установлении причинной связи надо иметь в виду, что причиной выступает не только телодвижение или система телодвижений субъекта, но и сознательное использование им орудий, объективных закономерностей, действий механизмов и иных обстоятельств, которые в совокупности с телодвижениями образуют общественно опасное действие [18. С. 98]. Сходные суждения высказывают и другие исследователи [19. С. 94–97, 119, 129].

Полагаем, что причинную связь следует понимать как явление социальное, а не физическое, которое не существует как признак состава преступления без его осознания лицом, совершающим преступление. Достаточно убедительно это доказал А.А. Тер-Акопов, выделявший наряду с природным детерминизмом детерминизм социальный, который является предметом уголовного права. Автор указывал, что в основе социальной детерминации лежат физическая (энергетическая) и информационная силы, что для соучастия свойственна информационно-психологическая причинность, при которой поведение одного служит причиной поведения другого даже при отсутствии между ними физического взаимодействия. Выделение информационной причинности автор обосновывал тем, что человеческое сознание поддается принципу детерминизма [20. С. 279–284, 308, 313].

Указанные обстоятельства дают основания сделать вывод о том, что причинная связь при соучастии в преступлении как вид социальной детерминации носит объективно-субъективный характер, так как ее наличие зависит от осознания соучастниками общности деяния, единства преступного результата, его закономерного характера по его отношению к общему деянию. Причем причинная связь при соучастии с юридическим разделением ролей носит информационно-психологический характер, так как соучастники воздействуют на сознание и волю исполнителя преступления: организатор – соединяя усилия исполнителя с усилиями других соучастников, подстрекатель – возбуждая в исполнителе решимость совершить

преступление, а интеллектуальный пособник – укрепляя эту решимость.

Наконец, по-разному исследователи отвечают на вопрос о том, носит ли причинная связь при соучастии закономерный характер или вероятный характер, в чем состоит закономерный характер этой связи: в неизбежности наступления общественно опасных последствий или в их возможности (реальной и абстрактной). Во многом ответ на этот вопрос зависит от того, какой теории причинной связи придерживаются исследователи (возможности и действительности, реальной и абстрактной возможности, необходимого условия и т.д.).

Однако отличие между этими теориями не является достаточно четким, сторонники разных теорий могут одинаково отвечать на сформулированный нами вопрос. Не так много исследователей, которые утверждают, что причинная связь носит вероятностный характер [21. С. 65]. Полагая, что при вероятном характере последствий (прежде всего при абстрактной их вероятности) установленная связь между деянием и последствием не является причинной, так как деяние должно влечь как минимум реальную возможность наступления последствий. О связи, которая не влечет такую возможность, можно говорить только как о некоторой последовательности событий, связи состояний и т.д.

Большая часть исследователей подчеркивают закономерный характер причинной связи между деянием и последствиями. Однако эта закономерность понимается по-разному. Так, одни авторы считают, что такая закономерность имеет место, если деяние является необходимым условием наступления последствия, т.е. деяние предшествует этому последствию и без него последнее не произошло бы или произошло бы иным образом [4. С. 118–129, 247–258; 5. С. 83–86; 19. С. 128–137].

На наш взгляд, такая позиция расширяет основания уголовной ответственности, так как позволяет привлечь к ней лиц, деяния которых настолько отдалены от последствий, что создают возможность вредоносного воздействия иных лиц и являются незначительным для их наступления, в силу чего вообще не представляют опасности для отношений, охраняемых уголовным законом. На это обстоятельство обратил внимание В.Н. Кудрявцев, указывая, что действие связано с последствием именно причинной связью, если оно объективно было опасно для охраняемого законом объекта, а последствие явилось реализацией этой опасности. Далее автор отмечает, что последствие является реализацией опасности в том случае, если деяние создавало

реальную возможность наступления вреда, т.е. создались все условия, имелись все силы, которые могли вызвать вред [22. С. 178, 207–209].

Эти положения подчеркивают особое соотношение между деянием и последствием, их взаимозависимость: деяние опасно конкретными последствиями, а последствия причинно связаны с деянием в том случае, если воплощают в себе конкретную опасность деяния. Уточним только одно обстоятельство: такая взаимосвязь между деянием и последствием имеет место прежде всего в тех случаях, когда деяние неизбежно (обязательно) приведет к наступлению последствия. Однако это не означает, что причина связь есть только тогда, когда деяние неизбежно порождает последствие, как утверждают некоторые авторы [23. С. 18; 24. С. 97–98]. В тех случаях, когда существует некоторая протяженность между деянием и последствием, последствие отдалено от деяния, создаются условия для вхождения в развитие причинной связи иных, помимо деяния обстоятельств (например, для медицинского вмешательства для предотвращения смерти от огнестрельного ранения), следует устанавливать реальную возможность наступления последствий.

Общие положения о закономерном характере причинной связи между преступным деянием и его последствиями являются основой для характеристики причинной связи при соучастии в преступлении, а именно: причинная связь между общим деянием соучастников и единым преступным последствием имеется в том случае, если наступление таких последствий от такого деяния неизбежно или реально возможно. При этом вновь подчеркнем, что неизбежность или реальная возможность наступления единого результата имеет место в тех случаях, когда общее деяние соучастников преступления является полной причиной такого результата, состоящей из необходимых условий, представленных деяниями всех соучастников.

Итак, к особенностям причинной связи при соучастии в преступлении относятся: ее наличие между общим деянием соучастников преступления и единым для них преступным результатом, а не между деянием каждого из соучастников и преступным результатом; ее объективно-субъективный характер как формы социальной, а не природной детерминации; ее закономерный, а не вероятностный характер, состоящий в том, что последствия от общего деяния соучастников наступают неизбежно или являются реально возможными.

Список источников

1. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. 256 с.
2. Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении. Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1971. 44 с.
3. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2000. 200 с.
4. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси : Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1957. 276 с.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении. СПб. : Издание профессора Малинина, 2007. 564 с.
6. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск : Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. 96 с.

7. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 84 с.
8. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. 624 с.
9. Козлов А.П. Соучастие. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 362 с.
10. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 5.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.
12. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.
13. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М. : Проспект, 1998. 568 с.
14. Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности. М. : Юрлитинформ, 2009. 208 с.
15. Момдзьян К.Х. Введение в социальную философию. М. : Высш. шк., 1997. 448 с.
16. Спиркин А.Г. Философия. М. : Юрайт, 2012. 828 с.
17. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев : Наукова думка, 1969. 216 с.
18. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 176 с.
19. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб. : Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2004. 301 с.
20. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юркнига, 2003. 480 с.
21. Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М. : Юрид. лит., 1970. 128 с.
22. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
23. Козаченко И.Я., Курченко В.Н., Злоченко Я.М. Проблемы причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 791 с.
24. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2012. 320 с.

References

1. Grishaev, P.I. & Kriger, G.A. (1959) *Souchastie po ugovolnomu pravu* [Complicity in Criminal Law]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Zelinskiy, A.F. (1971) *Souchastie v prestupenii* [Complicity in Crime]. Volgograd: Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
3. Galiakbarov, R.R. (2000) *Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii* [Fight against gang crimes. Questions of qualification]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
4. Tsereteli, T.V. (1957) *Prichinnaya svyaz' v ugovolnom prave* [Causality in Criminal Law]. Tbilisi: Tbilisi State University.
5. Naumov, A.V. (ed.) (2007) *Entsiklopediya ugovolnogo prava* [Encyclopedia of Criminal Law]. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie professora Malinina.
6. Galiakbarov, R.R. (1987) *Kvalifikatsiya mnogosub'ektnykh prestupleniy bez priznakov souchastiya* [Qualification of multi-subject crimes without signs of complicity]. Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
7. Shesler, A.V. (2014) *Souchastie v prestupenii* [Complicity in Crime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation.
8. Kuznetsova, N.F. & Tyazhkova, I.M. (eds) (2002) *Kurs ugovolnogo prava. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Vol. 1. Moscow: Zertsalo-M.
9. Kozlov, A.P. (2001) *Souchastie* [Complicity]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
10. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1962) 5.
11. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (1999) 1.
12. Kovalev, M.I. (1999) *Souchastie v prestupenii* [Complicity in Crime]. Yekaterinburg: Ural State Law Academy.
13. Alekseev, P.V. & Panin, A.V. (1998) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Prospekt.
14. Alekhin, V.P. (2009) *Souchastie v terroristicheskoy deyatel'nosti* [Complicity in Terrorist Activities]. Moscow: Yurlitinform.
15. Momdzhyan, K.Kh. (1997) *Vvedenie v sotsial'nyuyu filosofiyu* [Introduction to Social Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola.
16. Spirkin, A.G. (2012) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Yurayt.
17. Burchak, F.G. (1969) *Uchenie o souchastii po sovetskomu ugovolnomu pravu* [The doctrine of complicity in Soviet criminal law]. Kyiv: Naukova dumka.
18. Kovalev, M.I. (1991) *Problemy ucheniya ob ob'ektivnoy storone sostava prestuplenii* [Problems of the doctrine of the objective side of the corpus delicti]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
19. Malinin, V.B. & Parfenov, A.F. (2004) *Ob'ektivnaya storona prestupleniya* [The objective side of the crime]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute.
20. Ter-Akopov, A.A. (2003) *Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugovolnom prave* [Crime and Problems of Non-physical Causality in Criminal Law]. Moscow: Yurkniga.
21. Berdichevskiy, F.Yu. (1970) *Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskogo personala za narushenie professional'nykh obyazannostey* [Criminal liability of medical personnel for violation of professional duties]. Moscow: Yurid. lit.
22. Kudryavtsev, V.N. (1960) *Ob'ektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Side of the Crime]. Moscow: Gosyurizdat.
23. Kozachenko, I.Ya., Kurchenko, V.N. & Zlochenko, Ya.M. (2003) *Problemy prichinnoy svyazi v institutakh Obshchey i Osobennoy chastey otechestvennogo ugovolnogo prava: voprosy teorii, operativno-sledstvennoy i sudebnoy praktiki* [Problems of causality in the institutions of the General and Special Parts of Russian criminal law: questions of theory, operational-investigative and judicial practice]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
24. Chuchaev, A.I. (ed.) (2012) *Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Moscow: KONTRAKT: INFRA-M.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofich@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofich@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/19/7

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Егор Викторович Качалов

Правовой департамент Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, kachalov.eg@yandex.ru

Аннотация. Анализируется правовая основа для ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве, которую составляют положения международных актов о правах человека, положений Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Определяются цели, критерии и пределы ограничения прав. Пределы ограничения прав личности могут быть определены только на основе четких и обоснованных критериев – законности, обоснованности и соразмерности.

Ключевые слова: ограничение прав участников уголовного судопроизводства, Конституция Российской Федерации, законность, обоснованность, международные стандарты

Для цитирования: Качалов Е.В. Международно-правовые и конституционные основы ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 39–45. doi: 10.17223/23088451/19/7

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/7

INTERNATIONAL LEGAL AND CONSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR RESTRICTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Egor V. Kachalov

Legal Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, kachalov.eg@yandex.ru

Abstract. The restrictions of individual rights in criminal proceedings are legally based on provisions of international acts on human rights, provisions of the Constitution of the Russian Federation, and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The main goals for the achievement of which the rights and freedoms of the individual may be restricted include the satisfaction of the just requirements of morality, public order and general welfare; protection of the constitutional order, health, rights and legitimate interests of other people, ensuring the defense of the country and the security of the state. The rights which can be restricted under the Constitution of the Russian Federation, and which are implemented in the course of criminal proceedings, include the right to liberty and security of person; the right to privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic and other communications; the right to privacy of home. The constitutional rights that can be restricted in criminal proceedings on the basis of the law without a direct indication in the relevant article of the Constitution of the Russian Federation are the right to private property (when seizing property) and the right to labour (in case of temporary suspension from office). Detention and house arrest in criminal proceedings may limit such constitutional rights as the right to freely seek, receive, transmit, and disseminate information; the right to peaceful assembly, rallies and demonstrations, marches and picketing; the right to access public service; the right to participate in the administration of justice; the right to education; the right to use cultural institutions, to access cultural property. The limits of individual rights can only be determined based on clear and justified criteria, providing for a balance of private and public interests (legality, reasonableness, proportionality). Legality implies that law establishes the restriction of human rights; the law cannot be arbitrary or unreasonable. Reasonableness means that the degree and nature of the restrictions correspond to those socially significant goals for the provision and protection of which they are introduced, and the grounds for the restriction correspond to the actual circumstances. Proportionality implies that socially significant interests can be placed above the rights of an individual only if they correspond to socially significant legitimate goals, and the scope of restrictions does not exceed the level necessary to protect public interests.

Keywords: restriction of the rights of participants in criminal proceedings, Constitution of the Russian Federation, legality, validity, international standards

For citation: Kachalov, E.V. (2022) International legal and constitutional framework for restricting the rights and freedoms of participants in criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 39–45. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/7

Правовую основу для ограничения прав личности в современном обществе составляют положения Всеобщей декларации прав человека [1], Международного пакта о гражданских и политических правах [2], Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [3], Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) [4], Конституции Российской Федерации [5]. Согласно ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

В силу ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах государство может устанавливать только такие из этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе. ЕКПЧ в ст. 17 запрещает ограничивать предусмотренные права в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции, а ст. 18 определяет пределы использования ограничений в отношении прав целями, предусмотренными Конвенцией. Целями ЕКПЧ, согласно преамбуле к ней, являются: обеспечение всеобщего и эффективного признания и осуществления провозглашенных в ней прав, защита и развитие прав человека и основных свобод. Согласно ст. 15 ЕКПЧ, отступления от соблюдения прав человека в чрезвычайных ситуациях возможны только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств.

В Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный совет. Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985)) [6] определены основные положения, которые могут быть применимы к любым случаям ограничения важнейших прав человека. К числу наиболее важных из них относятся: сущность права при его ограничении не должна быть поставлена под угрозу; толкование любых ограничений должно быть максимально конкретным; любые сомнения должны решаться в пользу защиты рассматриваемых прав; все ограничения должны быть закреплены в соответствии с национальным законом; ограничения не могут быть применены для целей, не совпадающих с указанными в международных актах; произвольное применение ограничений не допускается; должны быть предусмотрены возможность обжалования и эффективные средства правовой защиты от неправомерного применения ограничений; при применении ограничения государство не должно применять меры, приводящее к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение; обязанность доказать правомерность ограничения прав лежит на государстве.

Положения международных актов об ограничении прав личности являются составной частью российской правовой системы в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и по смыслу ч. 2 ст. 17 Конституции РФ признаются и гарантируются в Российской Федерации. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, российское законодательство не должно выходить за пределы допускаемых международно-правовыми актами о правах человека ограничений [7].

А.А. Подмарев очень точно отмечает, что международные стандарты в сфере ограничения прав человека являются «дополнительными гарантиями защиты прав и свобод человека от произвольных ограничений, позволяют выявить пробелы и недостатки в российском законодательстве и тем самым определить направления его совершенствования» [8. С. 78–81]. Следует согласиться с А.В. Малько, который справедливо указал на необходимость создания общих наднациональных механизмов реализации прав человека в свете тенденции российской правовой системы к интеграции с правовыми системами развитых стран [9. С. 72].

Определяя конституционные основы ограничения прав человека, О.И. Андреева пишет, что к ним относятся «признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и уважение достоинства личности (ст. 2 и ч. 1 ст. 21); соответствие ограничений конституционно закрепленным целям (ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56); соразмерность ограничений конституционным целям (ч. 3 ст. 55); равенство ограничений прав и свобод (ч. 2 ст. 19); требование определенной правовой формы ограничений (ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 56); соответствие ограничений прав и свобод международным стандартам (ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17)» [10. С. 46].

Часть 1 ст. 17 Конституции РФ провозглашает, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией. Часть 2 ст. 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких бы то ни было обстоятельств (пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и др.), а также запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Часть 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Согласно ч. 1 ст. 56 Конституции РФ, в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

Перечисленные в гл. 2 Конституции РФ права и свободы могут ограничиваться как непосредственно в силу прямого указания в соответствующей статье Конституции, так и на основе федерального закона без прямого упоминания в тексте статьи, регламентирующей соответствующее право.

К числу прав, для которых в Конституции РФ прямо в соответствующей статье предусмотрена возможность ограничения, и реализуемых при производстве по уголовным делам, относятся:

- право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ). Согласно данной статье, арест и заключение под стражу допускаются только по судебному решению, срок задержания до судебного решения составляет не более 48 часов;

- право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения;

- право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Согласно данной статье, проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц возможно только в случаях, установленных федеральным законом, либо на основании судебного решения.

К числу конституционных прав, которые могут быть ограничены при производстве по уголовным делам на основании закона без прямого указания в соответствующей статье Конституции РФ, относятся:

- право на частную собственность, включающее возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом (ст. 35 Конституции РФ). Данное право может быть ограничено в ходе производства по уголовным делам в случае, если суд по ходатайству следователя налагает арест на имущество подозреваемого, обвиняемого, лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, либо иных лиц (если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) – ст. 115 и 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)) либо налагает арест на ценные бумаги (ст. 116 УПК РФ);

- право на труд, предусмотренное ст. 37 Конституции РФ (каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию), может быть ограничено при производстве по уголовным делам при применении судом по ходатайству следователя либо дознавателя такой меры принуждения, как временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ).

При применении в уголовном судопроизводстве таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест (ст. 107–109 УПК РФ), также в течение срока их действия, помимо вышеупомянутых прав,

может быть ограничена возможность реализации таких конституционных прав, как право на свободный поиск, получение, передачу и распространение информации (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ); право на мирные собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ); право на доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32 Конституции РФ); право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ); право на образование (ст. 43 Конституции РФ); право на пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ).

Анализ международных актов о правах человека и положений Конституции РФ позволяет выделить основные цели, для достижения которых права и свободы личности могут быть ограничены:

- удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния;

- защита основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ограничения прав личности могут быть разнообразными, касаться различных видов прав – закрепленных международными актами, Конституцией РФ, нормами отраслевого законодательства; иметь различную длительность и различный характер, применяться в обычных условиях либо при чрезвычайных ситуациях и т.д.

При анализе ограничений прав и свобод личности весьма важными представляются вопросы об условиях, основаниях и пределах такого ограничения. Следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что условия и пределы ограничения прав человека базируются на принципе уважения достоинства личности [9. С. 78–81; 10. С. 47], который предопределяет содержание важнейших естественных прав человека – права на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и т.д.

Под пределами ограничения прав личности в науке понимается «закрепление их объема, порядка использования и критериев допустимого ограничения, нормативно урегулированных в форме правовых средств и обоснованных необходимостью соблюдать и учитывать социальные ценности и интересы», «закрепленные в законе в соответствии с основаниями и конституционно значимыми целями конкретизация содержания права, правовые процедуры его осуществления, не искажающие его сущности и предусматривающие гарантии соблюдения прав» [10. С. 47]. Пределы ограничения прав могут быть определены только на основе четких и обоснованных критериев, позволяющих установить баланс частных и публичных интересов [11. С. 54–55].

Конституция РФ не содержит четко определенных критериев допустимости ограничения основных прав и свобод, предусмотренных в гл. 2. Однако общие условия ограничений прав личности, установленные в Конституции, в совокупности с анализом положений ряда международно-правовых актов, решений Конституционного Суда РФ, а также доктринальных источников, позволяют такие критерии определить.

О.В. Лисина, проанализировав позиции Конституционного Суда РФ в отношении ограничений прав и свобод человека и гражданина, выделила следующие основные постулаты: законность ограничения прав личности требует исследования конституционной нормы во взаимосвязи с другими нормами и с конкретизирующими ее законодательными актами; принципами ограничения прав являются соразмерность (пропорциональность), дифференцированность, всеобщее равенство; ограничения не могут быть произвольными, они должны быть объективно оправданными, обоснованными и преследовать конституционно значимые цели; ограничения должны иметь конкретные основания; при установлении ограничений должно соблюдаться соотношение публичных и частных интересов [12. С. 16].

О.И. Андреева в качестве условий ограничения прав личности определяет законность, правовую определенность положений закона, установленную процедуру ограничений, соответствие ограничений международным стандартам прав человека, закрепленные в законе гарантии соблюдения прав [10. С. 47]. В качестве критериев ограничения пределов прав личности автор называет сохранение сущностного содержания права; обоснованность ограничения прав; соразмерность ограничения прав; совместимость с другими правами. О.И. Андреева также указывает, что ограничение прав личности не допускает никакого унижения, причинения человеку неоправданных страданий и лишений; реализация права не может быть поставлена в зависимость от решения правоприменителя [10. С. 47]. Соглашаясь с автором в вопросе об условиях ограничения прав личности, позволим себе высказать иное мнение относительно критериев ограничения пределов прав личности. Трудно согласиться с тем, что сохранение сущностного содержания права и совместимость с другими правами можно считать такими критериями. В ряде случаев ограничение прав бывает настолько существенным, что в течение времени его ограничения содержание права прекращает свое существование. Так, например, применение таких мер пресечения в уголовном судопроизводстве, как домашний арест и заключение под стражу, фактически лишает обвиняемого права на свободу на время их действия. Не случайно ЕСПЧ называет эти случаи «лишением свободы» [13]. Применение заключения под стражу также несовместимо с другими правами – правом на труд, правом на пользование культурными ценностями, правом на неприкосновенность частной жизни и т.д.

О.В. Качалова пишет о том, что меры, ограничивающие права человека, должны осуществляться на принципах верховенства права, уважения прав человека, законности, правовой определенности и соразмерности [14. С. 61–62]. Полагаем, что в качестве основных критериев ограничения прав и свобод личности можно определить законность, обоснованность, соразмерность. Проанализируем содержание этих критериев.

Одним из основополагающих условий для ограничения прав является законность. Согласно Сиракузским принципам, ни одно ограничение прав человека не вводится иначе, как в соответствии с национальным зако-

ном; закон, предусматривающий ограничение правам человека, не может быть произвольным или необоснованным; правовые нормы, ограничивающие пользование правами человека, должны быть четко изложены и доступны каждому; законом должны быть предусмотрены достаточные гарантии и эффективные средства правовой защиты от незаконного ограничения прав человека.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, правовые нормы должны быть определенными, ясными, недвусмысленными и согласованными в системе действующего правового регулирования, «противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод» [15].

Согласно позициям ЕСПЧ, законность предполагает надлежащее качество закона (закон понятен и определен, предсказуем в своем применении), законодательство соответствует положениям ЕКПЧ [16].

Ясность, непротиворечивость и точность положений закона являются необходимыми условиями законности ограничения прав личности, гарантией от произвольного применения правовых норм, искажающих смысл закона и его дух.

Другим важнейшим критерием ограничения прав человека является обоснованность. Обоснованность означает, что степень и характер ограничений соответствуют тем социально значимым целям, для обеспечения и защиты которых они вводятся, а основания ограничения – фактическим обстоятельствам возникшей ситуации, которая требует правоограничений.

О.В. Лисина пишет о том, что «ограничение прав должно быть обусловлено объективными причинами, которые необходимо законодательно обосновать, то есть обозначить фактическое основание и критерии его действия» [12. С. 15]. Автор полагает, что основания для ограничения прав должны предполагать такие обстоятельства, при которых пользование правом способно нарушить большее благо, чем ограниченное.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что обоснованность ограничения права призвана исключить возможность злоупотребления правоприменителями своими правами и произвольно ограничивать права участников соответствующих правоотношений [10. С. 47; 12. С. 16]. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, конституционные права могут быть ограничены законодателем «при условии, что ограничения носят обоснованный и соразмерный характер» [17, 18].

Соразмерность можно рассматривать в качестве самостоятельного критерия ограничения прав личности, вытекающего из обоснованности. Как верно пишет О.В. Качалова, «критерии, позволяющие определить разумный баланс соотношения частных и публичных интересов, разрешить возникающий конфликт прав человека, определяются с учетом непосредственных обстоятельств дела» [14. С. 63]. Этот критерий находит свое отражение в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: ограничения могут быть применены в той мере, в какой это

необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Соразмерность ограничения прав личности предполагает, что социально значимые интересы могут быть поставлены выше прав отдельной личности только в том случае, если они соответствуют общественно значимым правомерным целям, а объем ограничений не превышает уровня, необходимого для защиты публичных интересов.

Как верно пишет О.В. Качалова, «соразмерность ограничения прав и свобод личности... может быть установлена посредством определения разумного баланса частных и публичных интересов в каждой конкретной ситуации, осуществляемого с помощью оценки затрагиваемых интересов с позиций их значимости. По общему смыслу приоритетными являются права и свободы, реализация которых обеспечивает наиболее значимые блага» [14. С. 63].

Анализируя принцип соразмерности ограничения прав, А.В. Должиков выделил несколько элементов, в

совокупности составляющих содержание данного принципа: пригодность (проверка принципиальной возможности достижения средством желаемой цели); минимальность (наличие и выбор альтернативных средств, которые менее обременительны для основных прав); сбалансированность (взвешивание конфликтующих индивидуальных и публичных ценностей по их важности и значению в конституционной системе) [19. С. 4–5].

Таким образом, к основным целям, для достижения которых права и свободы личности могут быть ограничены, относятся удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и другие; защита основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Пределы ограничения прав личности могут быть определены только на основе четких и обоснованных критериев, позволяющих установить баланс частных и публичных интересов. В качестве таких критериев можно определить законность, обоснованность, соразмерность.

Список источников

1. *Всеобщая декларация прав человека*: [принята Резолюцией 217 А (III) Ген. Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. *Международный пакт о гражданских и политических правах* от 16 декабря 1966 г. // Российская газета. 1992. 17 февраля.
3. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 21.03.2022).
4. *Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод* от 4 ноября 1950 г. и Протоколы к ней // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.
5. *Конституция Российской Федерации* от 25 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144 (8198).
6. *Сиразукские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах* (Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный совет. Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985)). URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14624> (дата обращения: 12.02.2022).
7. *Постановление Конституционного Суда РФ* от 17 мая 1995 г. № 5-П по делу о проверке конституционности ст.12 Закона СССР от 9.10.1989 г. «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (в редакции от 20 мая 1991 г.) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава РФ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1976.
8. *Подмарев А.А.* Ограничение прав и свобод личности: Конституция РФ 1993 г. и основные международные акты о правах человека // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017. № 1. С. 78–81.
9. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект / под ред. Н.И. Матузова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. 182 с.
10. *Андреева О.И.* Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 358. С. 46–49.
11. *Качалов Е.В.* Критерии ограничения прав участников уголовного судопроизводства в условиях чрезвычайных ситуаций // *Юридические записки студентов, магистрантов и аспирантов : сб. науч. работ студ. и аспирантов юрид. фак-та Белорусского государственного университета*. Вып. 1. Минск, 2021. С. 54–55.
12. *Лисина О.В.* Конституционное ограничение прав и свобод человека и гражданина: понятие и пределы // *Вестник Поволжского института управления*. 2019. № 3. С. 10–18.
13. *Case of Austin and others v. the United Kingdom* (Applications nos. 39692/09, 40713/09 and 41008/09) 15 March 2012. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-109581%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-109581%22]) (дата обращения: 12.02.2022).
14. *Качалова О.В.* Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // *Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан*. 2020. № 3. С. 60–68.
15. *По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы* : Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 // Российская газета. 2004. 7 июля.
16. *Case of Medvedev and others v. France* (Application no. 3394/03) 29 March 2010. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-97979%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-97979%22]); *Ciobanu v. Romania and Italy – 4509/08 Judgment* 9.7.2013 [Section III] Article 5 [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22002-7692%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22002-7692%22]) (дата обращения: 12.02.2022).
17. *Определение Конституционного Суда РФ* от 08.02.2007 по жалобе гражданина Беспалова Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2007. № 4.

18. *Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»* // Российская газета. 1999. 15 апреля.
19. *Должиков А.В.* Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 28 с.

References

1. UNO. (1995) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: [prinyata Rezolyutsiyey 217 A(III) Gen. Assamblei OON ot 10 dek. 1948 g.] [Universal Declaration of Human Rights: [adopted by Resolution 217 A(III) Gen. UN Assembly of 10 Dec. 1948]]. *Rossiyskaya gazeta*. 5th April.
2. UNO. (1992) Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dekabrya 1966 goda [International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966]. *Rossiyskaya gazeta*. 17th February.
3. UNO. (n.d.) *Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (Accessed: 21st March 2022).
4. EU. (1998) Evropeyskaya konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 goda i Protokoly k ney [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and Protocols thereto]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 20. Art. 2143.
5. Russian Federation. (2020) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 25 dekabrya 1993 g., s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo goloso-vaniya 1 iyulya 2020 g. [The Constitution of the Russian Federation of December 25, 1993, as amended during the all-Russian vote on July 1, 2020]. *Rossiyskaya gazeta*. 4th July. No. 144 (8198).
6. UNO. (1985) *Sirakuzskie printsipy tolkovaniya ogranicheniy i ostupleniy ot polozheniy Mezhdunarodnogo pakta o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (Organizatsiya Ob'edinennykh Natsiy. Ekonomicheskyy i sotsial'nyy sovet. Dokument OON E/CN.4/1985/4, Prilozhenie (1985))* [The Syracuse principles for the interpretation of restrictions and derogations from the provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights (United Nations. Economic and Social Council. UN Document E/CN.4/1985/4, Appendix (1985)]. [Online] Available from: <https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14624> (Accessed: 12th February 2022).
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (1995) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 maya 1995 g. № 5-P po delu o provere konstitutsionnosti st.12 Zakona SSSR ot 9.10.1989 g. "O poryadke razresheniya kollektivnykh trudovykh sporov (konfliktov)" (v redaktsii ot 20 maya 1991 g.) v chasti, zapreshchayushchey provedenie zabastovok rabotnikami grazhdanskoy aviatsii, v svyazi s zhaloboy Profsoyuzna letnogo sostava RF* [Decree No. 5-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 17, 1995 On verifying the constitutionality of Article 12 of the Law of the USSR of October 9, 1989, On the procedure for resolving collective labour disputes (conflicts) (as amended on May 20, 1991 d.) in the part prohibiting strikes by civil aviation workers, in connection with the complaint of the Trade Union of the flight personnel of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 21. Art. 1976.
8. Podmarev, A.A. (2017) Restriction of the rights and personal freedoms: Constitution of the Russian Federation of 1993 and main international acts of human rights. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of St. Petersburg University of The Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1. pp. 78–81.
9. Malko, A.V. (1994) *Stimuly i ogranicheniya v prave: Teoretiko-informatsionnyy aspekt* [Incentives and restrictions in law: Theoretical and informational aspect]. Saratov: Saratov State University.
10. Andreeva, O.I. (2012) Limits of individual rights restriction in criminal proceeding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 46–49. (In Russian).
11. Kachalov, E.V. (2021) Kriterii ogranicheniya prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh chrezvychaynykh situatsiy [Criteria for restricting the rights of participants in criminal proceedings in emergency situations]. In: Kiseleva, T.M. & Pukhov, A.A. (eds) *Yuridicheskie zapiski studentov, magistrantov i aspirantov. Sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal notes of students, undergraduates and postgraduate students. Collection of research works of students and post-graduate students of the Faculty of Law of the Belarusian State University]. 1. Minsk: BSU. pp. 54–55.
12. Lisina, O.V. (2019) Constitutional restriction of human and civil rights and freedoms: concept and limits. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 3. pp. 10–18. (In Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-10-18
13. European Court of Human Rights. (2012) *Case of Austin and Others v. The United Kingdom (Applications nos. 39692/09, 40713/09 and 41008/09). 15th March 2012*. [Online] Available from: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-109581%22%7D> (Accessed: 12th February 2022).
14. Kachalova, O.V. (2020) Prava cheloveka v ugolovnom sudoproizvodstve: krizis epokhi koronavirusa [Human rights in criminal proceedings: the crisis of the era of coronavirus]. *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy prokurature Respubliki Kazakhstan*. 3. pp. 60–68.
15. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) *Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy stavey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.06.2004* [On verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004]. *Rossiyskaya gazeta*. 7th July.
16. European Court of Human Rights. (2010) *Case of Medvedyev and Others v. France (Application no. 3394/03) 29 March 2010*. [Online] Available from: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-97979%22%7D>; *Ciobanu v. Romania and Italy –*

4509/08 Judgment 9.7.2013 [Section III] Article 5. [Online] Available from: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-7692%22%7D> (Accessed: 12th February 2022).

17. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2007) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.02.2007 po zhalobe grazhdanina Bespalova Vladimira Viktorovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu chetvertoy stat'i 376 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 8, 2007, on the complaint of Citizen Bespalov Vladimir Viktorovich about the violation of his constitutional rights by Part Four of Article 376 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 4.
18. The Constitutional Court of the Russian Federation. (1999) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.03.1999 po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 133, chasti pervoy stat'i 218 i stat'i 220 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan V.K. Borisova, B.A. Kekhmana, V.I. Monastyretskogo, D.I. Fuflygina i obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Monokom"* [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 23, 1999, on verifying the constitutionality of the provisions of Article 133, Part One of Article 218 and Article 220 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with complaints from Citizens V.K. Borisova, B.A. Kekhman, V.I. Monastyretsky, D.I. Fuflygin and Monocom Limited Liability Company]. *Rossiyskaya gazeta*. 15th April.
19. Dolzhikov, A.V. (2003) *Konstitutsionnye kriterii dopustimosti ogranicheniya osnovnykh prav cheloveka i grazhdanina* [Constitutional criteria for the admissibility of restricting the fundamental rights of human and citizen]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.

Информация об авторе:

Качалов Е.В. – ведущий аналитик Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия).
E-mail: kachalov.eg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Kachalov, leading analyst of the Legal Department, Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).
E-mail: kachalov.eg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/19/8

О РАЗРЕШЕНИИ АДВОКАТСКИХ ЗАПРОСОВ И ЖАЛОБ ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЭКСПЕРТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Ольга Николаевна Надоненко

*Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Екатеринбург, Россия,
uc.ural@mail.ru*

Аннотация. Анализируется практика разрешения адвокатских запросов и жалоб граждан, поступающих в государственные экспертные учреждения. Проведена оценка правомочности направления их в экспертные учреждения и правильности их разрешения руководством данных организации с точки зрения действующего уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: жалоба, адвокатский запрос, заключение специалиста, государственное экспертное учреждение, оценка доказательств

Для цитирования: Надоненко О.Н. О разрешении адвокатских запросов и жалоб граждан государственными экспертными учреждениями // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 46–49. doi: 10.17223/23088451/19/8

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/8

ON RESOLUTION OF DEFENSE ATTORNEYS' REQUESTS AND COMPLAINTS OF CITIZENS BY STATE EXPERT INSTITUTIONS

Olga N. Nadonenko

*Yekaterinburg Branch of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Yekaterinburg, Russian Federation, uc.ural@mail.ru*

Abstract. The article analyses the practice of resolving defense attorneys' requests and complaints of citizens by state expert institutions. The author has assessed whether it is eligible to submit such requests and complaints to expert institutions and whether they are correctly resolved by expert institutions in terms of the current criminal procedure law. The current legislation ensures that defense attorneys may make inquiries to various state authorities, local governments, public associations, and other organizations, including state expert institutions. However, some of the defense attorneys' requests received by expert institutions are not legitimate and the attorneys should be denied the requested information. In addition to attorney's requests, expert institutions receive complaints from suspects and accused persons, drawn up with the help of defense attorneys, who must understand that the addressee is not entitled to consider these appeals. Therefore, it is necessary to pay attention to this negative trend that has emerged in recent years.

Keywords: complaint, defense attorney's request, expert opinion, state expert institution, assessment of evidence

For citation: Nadonenko, O.N. (2022) On resolution of defense attorneys' requests and complaints of citizens by state expert institutions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 46–49. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/8

Последние годы участилась практика обращения представителей защиты, подозреваемых и обвиняемых в государственные экспертные учреждения с различными запросами и жалобами. Чаще всего защитники запрашивают различную информацию относительно назначенных следствием судебных экспертиз и экспертов, выполняющих данные исследования. Среди истребуемых ими сведений можно выделить следующие:

- когда постановление о назначении судебной экспертизы поступило в экспертное учреждение;
- каковы сроки производства (окончания) судебной экспертизы;

- кому из экспертов поручено производство судебной экспертизы;

- каков уровень квалификации эксперта и срок действия его аттестации на право самостоятельного производства конкретного вида судебной экспертизы.

Кроме этого сторона защиты направляет запросы на производство анализа заключения судебного эксперта и дачу по нему заключения специалиста.

Жалобы же от подозреваемых и обвиняемых касаются качества выполнения судебных экспертиз и, соответственно, достоверности их выводов, а также содержат требования о проведении служебных проверок в

отношении этих экспертов и их наказании за допущенные, по их мнению, ошибки и нарушения. Полагаем, что данные обращения также формируются и формулируются по инициативе и с помощью лиц, осуществляющих их защиту.

В связи с тем, что подобные запросы, как уже отмечалось, в последнее время стали носить систематический, а не единичный характер, полагаем необходимым рассмотреть их правомочность и порядок их разрешения со стороны государственных экспертных учреждений.

В профессиональной среде адвокатов представлено мнение о том, что «адвокатский запрос – это инструмент для сбора информации, которая носит доказательственный характер и необходима адвокату для оказания юридической помощи конкретному доверителю. Выход за эту рамку делает запрос нелегитимным» [1]. То есть информация должна быть не просто информацией для сведения, из разряда «хочу все знать», а иметь доказательственное значение для разрешения конкретных задач по реализации защитником его функции содействия правосудию [2. С. 285]. Кроме этого некорректно истребовать сведения, которые являются либо общедоступными, либо могут быть получены из официальных источников без специализированных запросов [3].

В связи с вышеизложенным вызывает сомнение факт того, что сведения о сроках поступления постановления в экспертное подразделение, о сроках окончания производства судебной экспертизы, а также о том, кому из экспертов поручено производство судебной экспертизы и об его уровне квалификации, могут носить доказательственный характер и не могут быть получены иным образом, нежели адвокатский запрос.

Во-первых, сведения о том, когда постановление поступило в экспертное подразделение и кому поручено производство по нему излагаются в соответствующем документе, который направляет руководитель экспертного учреждения лицу, назначившему судебную экспертизу, в соответствии с ч. 2 ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Соответственно, защитник может заявить отвод заявленному эксперту в том случае, если у него есть для этого основания (ч. 2 ст. 198 УПК РФ). Во-вторых, все указанные ранее данные защитник может узнать из заключения эксперта, в котором они отражены в полной мере. В-третьих, в соответствии со ст. 198 УПК РФ, защитник не имеет права прямого, непосредственного взаимодействия с экспертным учреждением и экспертом, который выполняет судебную экспертизу. В свою очередь, руководитель государственного экспертного учреждения в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не имеет права разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с организацией производства судебной экспертизы. Сам эксперт ограничен в предоставлении любой информации об имеющихся в его производстве судебных экспертизах как ст. 16 № 73-ФЗ, так и ст. 57 УПК РФ. В связи с этим и на основании п. 4 ст. 6.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации» отказ руководителя предоставить запрашиваемые сведения в данном случае должен быть обоснован тем, что они отнесены законом к информации с ограниченным доступом. В то же время в период досудебной подготовки защитник вправе заявлять ходатайства следователю о предоставлении ему данных, в том числе и по организации, производству судебной экспертизы [4].

Что же касается запросов защиты о предоставлении заключения специалиста с анализом заключения эксперта, то здесь много зависит от того, кем оно было проведено. Если экспертиза была выполнена экспертом, который работает в этом государственном экспертном учреждении (а в нашей практике были такие запросы), то мы полагаем, что в таком исследовании адвокату должно быть отказано, так как государственное экспертное учреждение уже вовлечено в процесс предварительного следствия и, следовательно, законодательно ограничено в общении со стороной защиты. В случае же, когда исследование проводилось в другом экспертном учреждении либо частным экспертом, то каких-либо оснований для отказа в выполнении запроса и даче письменного заключения специалиста мы не видим.

При этом следует отметить, что заключение специалиста в этом случае не будет равнозначно ни оценке заключения эксперта как доказательства, ни повторной экспертизе. Но при этом заключение специалиста часто является весьма весомым аргументом для того, чтобы подвергнуть сомнению ранее полученное экспертное заключение [5. С. 235].

Согласно ст. 87 УПК РФ, проверка доказательств может осуществляться исключительно дознавателем, следователем, прокурором и судом. Специалист не имеет права высказываться о том, насколько достоверно, допустимо или относимо изучаемое им заключение, равно как говорить о недопустимости последнего как доказательства.

Изучая заключение эксперта, специалист на основании собственных специальных знаний оценивает оформление заключения, логику изложения, использованные методики, полученные результаты, их анализ и выводы, сделанные на их основе экспертом. В своем заключении специалиста он может высказаться о том, насколько, по его мнению, правильно оформлено заключение, выбраны методики исследования, может согласиться или возразить относительно интерпретации полученных результатов, может выразить сомнения в обоснованности выводов в связи с выявленными, по его мнению, недостатками экспертного исследования.

Что же касается аналогии с повторной экспертизой, то заключение специалиста не предусматривает проведение исследований, на основании которых формулируются выводы. Заключение специалиста – это суждение по поставленным перед ним вопросам. Суждение – это «умственный акт, реализующий отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли и связанный с убеждением или сомнением в ее истинности или ложности» [6], это «форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно определяет и раскрывает содержание другого» [7]. В заключении

специалиста по анализу судебной экспертизы «на первый план выступает научно-консультационная сущность заключения» [8. С. 36].

Как указывали А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, в своем заключении специалист может дать уже известным обстоятельствам новое освещение, а также выявить те обстоятельства, которые могли бы остаться вне поля зрения суда [9. С. 157] и следствия.

Что же касается обращений граждан в экспертные учреждения с жалобами на качество выполнения судебных экспертиз их сотрудниками, то, по нашему мнению, они несостоятельны в силу того, что их разрешение не входит в компетенцию руководства экспертных учреждений при таком оформлении.

Рассмотрим данный вопрос на примере жалобы, поступившей на имя руководителя государственного экспертного учреждения от обвиняемой Г. по факту производства сотрудником данной организации строительной экспертизы по вопросам, связанным с производством ремонтно-реставрационных работ объекта, признанного объектом культурного наследия.

В своей жалобе заявительница утверждает, что «сотрудники... допустили существенные нарушения при производстве указанной судебной экспертизы». Во-первых, по мнению гр-ки Г., эксперты в ходе экспертизы вышли за пределы своей компетенции и дали ответ на правовой вопрос, связанный с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора и суда. Во-вторых, заявителем оспаривается правильность выбора методики, примененной экспертом для разрешения одного из заданных в постановлении о назначении судебной экспертизы вопроса. В-третьих, в жалобе сообщается о том, что гр-ке Г. ее защитником были предоставлены сведения о ходе допроса эксперта следователем, в ходе которого он, отве-

чая на вопросы, снова вышел за пределы своих полномочий и «фактически представил новое дополнительное заключение эксперта».

Обвиняемая Г. утверждала, что заключение эксперта является недопустимым, ошибочным, и заявила ходатайство о проведении служебной проверки действий эксперта.

В данной статье мы не будем рассматривать вопрос о том, вышел ли эксперт за пределы своей компетенции, превысил ли он свои полномочия, хотя, безусловно, это важно и эксперты обязаны следовать определенному регламенту как при производстве судебных экспертиз, так и даче показаний в ходе допроса.

Настоящим мы рассматриваем исключительно правильность адресации жалобы. Мы полагаем, что она была составлена если не по инициативе защитника, то уж точно с его участием в написании документа. Именно поэтому нам не понятно, почему защитник не рекомендовал направить его следователю, прокурору или в суд, в компетенции которых находится разрешение данных вопросов относительно оценки заключения эксперта и признания его допустимым доказательством.

Безусловно, эксперты допускали, допускают и будут допускать ошибки при производстве судебных экспертиз. Так, Р.С. Белкин и Е.Р. Россинская выделяют ошибки процессуального, гносеологического характера и деятельностные (операционные) [10. С. 339–342; 11. С. 9]. Но к какому бы классу ни относились ошибки эксперта, право оценивать заключение эксперта имеют исключительно следователь и суд. Руководитель экспертного учреждения имеет возможность проведения проверки уровня компетенции сотрудников либо в соответствии с аттестационным периодом раз в пять лет, как это предусмотрено № 73-ФЗ, либо на основании ходатайства со стороны следователя или суда по факту выявленных недостатков или ошибок в заключении эксперта.

Список источников

1. Макаров С. Как адвокату сделать запрос надежным инструментом защиты. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/kak-advokatu-sdelat-zapros-nadezhnym-instrumentom-zashchity/> (дата обращения: 25.01.2022).
2. Дорошева А.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 285–289.
3. Макаров С. Проблемы направления адвокатского запроса. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemey-napravleniya-advokatskogo-zaprosa/> (дата обращения: 25.01.2022).
4. Трубецкой Н. Проблемы адвокатского запроса в уголовном судопроизводстве. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemey-advokatskogo-zaprosa-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (дата обращения: 25.01.2022).
5. Россинский С.Б. Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2009. 735 с.
6. Большой энциклопедический словарь. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/284138> (дата обращения: 25.01.2022).
7. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. 1935–1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1047002> (дата обращения: 25.01.2022).
8. Зинин М.А. Заключение специалиста: сущность, содержание и форма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8. С. 32–37.
9. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ.ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : КноРус, 2008. 704 с.
10. Белкин Р.С. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 527 с.
11. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2016. 544 с.

References

1. Makarov, S. (n.d.) *Kak advokatu sdelat' zapros nadezhnym instrumentom zashchity* [How can a defense lawyer make a request a reliable tool of protection]. [Online] Available from: <https://fparf.ru/polemic/opinions/kak-advokatu-sdelat-zapros-nadezhnym-instrumentom-zashchity/> (Accessed: 25th January 2022).

2. Dorosheva, A.A. (2018) Certain issues of participation of the defense lawyer in criminal cases. *Sudebnaya vlast' i уголовный процесс – Judicial Authority and Criminal Process*. 2. pp. 285–289. (In Russian).
3. Makarov, S. (n.d.) *Problemy napravleniya advokatskogo zaprosa* [Problems of submitting a lawyer's request]. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-napravleniya-advokatskogo-zaprosa/> (Accessed: 25th January 2022).
4. Trubetskoy, N. (n.d.) *Problemy advokatskogo zaprosa v уголовном судопроизводстве* [Problems of a lawyer's request in criminal proceedings]. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-advokatskogo-zaprosa-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (Accessed: 25th January 2022).
5. Rossinskiy, S.B. (2009) *Уголовный процесс* [Criminal Process]. Moscow: Eksmo.
6. Academic.ru. (2000) *Bol'shoy Entsiklopedicheskiy slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/284138> (Accessed: 25th January 2022).
7. Ushakov, D.N. (1935–1940) *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1047002> (Accessed: 25th January 2022).
8. Zinin, M.A. (2016) Zaklyuchenie spetsialista: sushchnost', sodержание i forma [Conclusion of a specialist: essence, content and form]. *Vestnik Universiteta imeni O.E.Kutafina – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 8. pp. 32–37.
9. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2008) *Уголовный процесс* [Criminal Process]. 4th ed. Moscow: KNORUS.
10. Belkin, R.S. (2005) *Teoriya dokazyvaniya v уголовном судопроизводстве* [Theory of Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow: Norma.
11. Rossinskaya, E.R. (ed.) (2016) *Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki* [Forensic Examination: Typical Mistakes]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторе:

Надоненко О.Н. – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Екатеринбург, Россия). E-mail: uc.ural@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Nadonenko, Cand. Sci. (Law), associate professor, Yekaterinburg Branch of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: uc.ural@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.241.2

doi: 10.17223/23088451/19/9

**ПРОБЛЕМА ЗАМЕНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
В СВЯЗИ СО ЗЛОСТНЫМ УКЛОНЕНИЕМ ОТ ИХ ОТБЫВАНИЯ НА УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ
В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ**

Владислав Сергеевич Исаков

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vladislav.isakov.97@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос допустимости замены обязательных и исправительных работ на принудительные работы в порядке ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации соответственно, если злостное уклонение от их отбывания касается нарушения осужденным трудовой дисциплины. Предложены рекомендации, на основании которых суд сможет мотивировать замену обязательных и исправительных работ на лишение свободы, если лицо при отбывании предыдущего наказания уклонялось от трудовой деятельности.

Ключевые слова: принудительные работы, обязательные работы, исправительные работы, злостное уклонение, нарушение трудовой дисциплины

Для цитирования: Исаков В.С. Проблема замены обязательных и исправительных работ в связи со злостным уклонением от их отбывания на уголовное наказание в виде принудительных работ // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 50–54. doi: 10.17223/23088451/19/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/9

**ON THE SUBSTITUTION OF COMPULSORY AND CORRECTIVE LABOUR
WITH PENAL LABOUR DUE TO MALICIOUS EVASION**

Vladislav S. Isakov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vladislav.isakov.97@mail.ru

Abstract. When the Criminal Code of the Russian Federation included penal labour as a form of punishment, the legislative framework governing the appointment and execution of this criminal punishment was updated. This brought about an objective need to study the procedure of substituting other punishments, not related to the isolation of the convict from society, with penal labour. Based on legal acts and research, the author raises the question whether it is admissible to substitute compulsory and corrective labour with penal labour according to Part 3 of Art. 49 and Part 4 of Art. 50 of the Criminal Code of the Russian Federation, respectively, if the malicious evasion from serving the previous sentence concerns the convict's violation of labour discipline. Some researchers believe that when substituting the unserved part of compulsory or corrective labour with a more severe criminal punishment, the court should not take into account the nature of malicious evasion. However, certain types of violations of the procedure and conditions for serving compulsory and corrective labour under Art. 30 and Art. 46 of the Penal Code of the Russian Federation testify to the inability of the convict to carry out labour activities, which is an integral attribute of penal labour. Therefore, the court needs to consider substituting the unserved part of compulsory or corrective labour with confinement, which will spare the necessity of returning to this issue when the convict is found to be maliciously evading compulsory labour. Currently, there is no uniform judicial practice on the problem under study. The failure to fulfill or improper fulfillment of the labour duties by the convict may be a reason for substituting compulsory or corrective labour with both penal labour and imprisonment, since the court is not required to justify the choice of punishment in the form of penal labour or confinement when a case under Part 3 of Art. 49 and Part 4 of Art. 50 of the Criminal Code of the Russian Federation is being considered. The author proposes to amend Decree No. 21 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011, "On the application by courts of legislation on the execution of sentences", according to which the systematic violation of labour discipline by the convict while serving compulsory or corrective labour becomes the basis for the substitution of the unserved part of the punishment with penal labour. The proposed changes not only comply with the norms of international law, but also make it possible to exclude the use of penal labour in relation to convicts avoid labour activity.

Keywords: penal labour, compulsory labour, corrective labour, malicious evasion, violation of labour discipline

For citation: Isakov, V.S. (2022) On the substitution of compulsory and corrective labour with penal labour due to malicious evasion. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 50–54. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/9

В 2011 г. система уголовных наказаний была дополнена новым видом наказания в виде принудительных работ, что повлекло внесение изменений в ряд положений Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Одними из таких положений стали нормы ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ, согласно которым злостное уклонение от отбывания обязательных и исправительных работ может влечь их замену не только на лишение свободы, но и на принудительные работы [1].

При изучении ч. 1 ст. 30, а также ч. 1 и 2 ст. 46 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), в которых конкретизированы виды злостного уклонения от отбывания обязательных и исправительных работ, возникает вопрос: «Насколько допустимо заменять на принудительные работы данные уголовные наказания, когда злостное уклонение от их отбывания связано с недобросовестным отношением осужденного к труду?». На указанную проблему обращали внимание О.Г. Соловьев, А.А. Соколова и другие авторы.

По мнению О.Г. Соловьева и А.А. Соколовой, уклонение лица от трудовой деятельности не может являться основанием для отказа в замене обязательных или исправительных работ принудительными работами. Авторы аргументируют тем, что, согласно УК РФ, основанием для замены наказаний является только факт злостного уклонения осужденного от их отбывания. Законодатель прямо не указывает, какие именно нарушения порядка и условий отбывания обязательных и исправительных работ влекут их замену либо на принудительные работы, либо на наказание в виде лишения свободы. Поэтому суд должен самостоятельно выбрать одно из двух наказаний с учетом всех обстоятельств дела [2. С. 50].

О. Соколова и И. Степанова также полагают, что злостное уклонение от отбывания обязательных и исправительных работ, связанное с нарушением трудовой дисциплины, не может предрешать вопрос об их замене исключительно на лишение свободы. По их мнению, исправление осужденного возможно и путем применения к нему принудительных работ, так как исполнение данного наказания сопряжено с поддержанием строгой дисциплины. Так, лицо в процессе отбывания принудительных работ обязано соблюдать правила проживания в исправительном центре. В отличие от обязательных и исправительных работ за поведением осужденных к принудительным работам осуществляется не контроль, а надзор, который состоит в проведении проверок по месту отбывания наказания. Указанные меры, по мнению О. Соколовой и И. Степановой, позволят не допустить очередного уклонения осужденного от выполнения своих трудовых обязанностей [3. С. 96].

Перечисленные точки зрения заслуживают критики. Во-первых, согласно ч. 3 ст. 53.1 УК РФ, содержание принудительных работ, как и обязательных и исправительных работ, предполагает привлечение осужденного к труду [1]. Поэтому при решении вопроса о замене обязательных и исправительных работ в порядке ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ суду необходимо обращать особое внимание на следующие виды злостного уклонения от отбывания наказания:

– отсутствие на обязательных работах без уважительных причин более двух раз в течение месяца (п. «а» ч. 1 ст. 30 УИК РФ);

– нарушение трудовой дисциплины более двух раз в течение месяца (п. «б» ч. 1 ст. 30 УИК РФ);

– прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения (п. «г» ч. 1 ст. 46 УИК РФ) [4].

Указанные нарушения порядка отбывания обязательных и исправительных работ не связаны с проблемами организации исполнения уголовных наказаний. Они напрямую зависят именно от личности осужденного, который в процессе отбывания наказания либо вовсе отказывался от работы, либо недобросовестно относился к выполнению своих трудовых обязанностей. Другими словами, осужденный нарушал трудовую дисциплину, что препятствовало достижению целей уголовного наказания в виде обязательных или исправительных работ. Если нарушение трудовой дисциплины носило систематический характер, то не совсем целесообразно осуществлять замену данных наказаний на принудительные работы.

Также необходимо учитывать связь злостного уклонения от отбывания уголовного наказания с соответствующим для него дисциплинарным проступком. С точки зрения трудового законодательства, злостное уклонение от отбывания обязательных работ, описанное в п. «а» ч. 1 ст. 30 УИК РФ, будет расцениваться по пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) как прогул – отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности. Закрепленное в п. «б» ч. 1 ст. 30 УИК РФ нарушение порядка и условий отбывания обязательных работ аналогично дисциплинарному проступку, содержащемуся в п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ: неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей при наличии ранее наложенного дисциплинарного взыскания. Злостное уклонение от отбывания исправительных работ, закрепленное в п. «г» ч. 1 ст. 46 УИК РФ, упоминается в качестве дисциплинарного проступка в пп. «а» и пп. «б» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Вместе с тем обозначенные дисциплинарные проступки, согласно п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, квалифицируются как «грубые нарушения трудовых обязанностей», однократного совершения которых достаточно для применения самого строгого дисциплинарного взыскания – увольнения с работы [5]. Отсюда следует, что ранее упомянутые виды злостного уклонения от отбывания обязательных и исправительных работ являются такими нарушениями дисциплины труда, которые подчеркивают низкую степень готовности осужденного к исполнению трудовых обязанностей в период отбывания уголовного наказания, а также делают бессмысленным дальнейшее продолжение трудовых отношений с осужденным.

Во-вторых, режим отбывания наказания в виде принудительных работ не позволяет обеспечить строгое соблюдение осужденными трудовой дисциплины. Согласно п. 15 Приказа Минюста России от 27.12.2016

№ 311 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за осужденными к принудительным работам», надзор за осужденными по месту работы может осуществляться только путем использования средств связи не реже одного раза в день и путем посещения места работы не реже одного раза в месяц [6]. Для сравнения, в соответствии с п. 51 Приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (далее – Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142) контроль за поведением осужденных к обязательным работам состоит в еженедельном запросе информации о трудовой дисциплине осужденного и посещении не реже одного раза в месяц объектов, где отбывается уголовное наказание. Контроль за порядком отбывания исправительных работ, согласно п. 80 Приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142, заключается в посещении уголовно-исполнительной инспекцией с участием сотрудников полиции не реже одного раза в квартал организаций, в которых трудятся осужденные [7]. Очевидно, что сотрудники исправительных центров, как и должностные лица уголовно-исполнительных инспекций, располагают одинаковыми и весьма ограниченными способами надзора (контроля) за поведением осужденного по месту его работы, которые не способны на протяжении всего времени отбывания наказания предотвратить уклонение лица от трудовой деятельности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что замена предыдущего наказания на принудительные работы создает риск повторного нарушения осужденным порядка и условий отбывания нового наказания. При таких обстоятельствах суду необходимо рассмотреть вопрос о замене обязательных и исправительных работ на лишение свободы.

Однако судебная практика по исследуемой нами проблеме неоднородна. В одних случаях злостное уклонение в форме нарушения трудовой дисциплины является основанием для замены обязательных и исправительных работ лишением свободы. Например, Саяногорским городским судом Республики Хакасия было установлено, что осужденный к обязательным работам не выходил на работу в течение 8 дней без уважительных причин. После вынесения осужденному предупреждения он снова отсутствовал на рабочем месте в течение 4 дней. В связи со злостным уклонением лица от отбывания обязательных работ суд заменил неотбытую часть наказания лишением свободы. Верховный Суд Республики Хакасия оставил данное постановление без изменения [8]. В других случаях нарушение осужденным трудовой дисциплины не является препятствием для применения к нему принудительных работ в порядке ч. 3 ст. 49 или ч. 4 ст. 50 УК РФ. Так, Тахтамукайский районный суд Республики Адыгея в ходе рассмотрения дела установил, что осужденная не появлялась на работе без уважительных причин семь раз, причем периоды отсутствия были длительностью от 3 дней до полутора месяцев. Однако, несмотря на систематические прогулы со стороны осужденной, суд принял решение заменить неотбытую часть обязатель-

ных работ наказанием в виде принудительных работ. Выводы суда были поддержаны при рассмотрении дела в апелляционном порядке [9].

Особый интерес представляет апелляционное постановление Верховного суда Республики Алтай. Судом первой инстанции было установлено, что осужденный к исправительным работам несколько раз допускал неявку в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин. На основании данного обстоятельства суд принял решение о замене неотбытой части исправительных работ наказанием в виде лишения свободы. Однако Верховный суд Республики Алтай не согласился с выводами суда первой инстанции, заменив неотбытую часть наказания принудительными работами. Свое решение Верховный суд Республики Алтай аргументировал тем, что характер допущенных нарушений со стороны осужденного, принятие им своевременных мер для официального трудоустройства не позволяют однозначно судить о невозможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в виде лишения свободы [10]. Указанное апелляционное постановление подчеркивает, насколько важно суду обращать внимание на характер злостного уклонения от отбывания обязательных и исправительных работ. Отсутствие такого признака злостного уклонения, как нарушение осужденным трудовой дисциплины, свидетельствует о возможности исправления лица путем отбывания наказания, связанного с выполнением каких-либо работ, и наоборот. К сожалению, при изучении судебной практики нами было выявлено немало случаев замены обязательных и исправительных работ принудительными работами, когда нарушение порядка и условий отбывания предыдущего уголовного наказания касалось ненадлежащего исполнения осужденным возложенных на него трудовых обязанностей.

Полагаем, что отсутствие единообразной судебной практики связано с тем, что уголовное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат требования о мотивировке выбора того или иного наказания, когда решается вопрос о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных и исправительных работ. Более подробно процедура замены обязательных и исправительных работ в порядке ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ описывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21). Однако в п. 5.8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 указано лишь на необходимость исследования обстоятельств, предшествующих признанию осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания: проверка вынесения осужденному предупреждения о возможной замене отбываемого наказания на более строгое наказание, выяснение причин повторного нарушения лицом порядка отбывания обязательных или исправительных работ [11]. В свою очередь, для осуществления замены обязательных и исправительных работ в ч. 3 ст. 49 и

ч. 4 ст. 50 УК РФ предлагается альтернатива в виде двух наказаний, отличающихся друг от друга по степени строгости: принудительные работы и лишение свободы [1]. Аргументация замены неотбытой части обязательных и исправительных работ исключительно тем, что поведение осужденного характеризуется злостным уклонением от отбывания наказания, является формальной и не может быть признана достаточной.

Таким образом, необходимы рекомендации, на основании которых суд сможет обосновать замену неотбытой части обязательных или исправительных работ на наказание в виде лишения свободы, если в период отбывания предыдущего уголовного наказания осужденный нарушал дисциплину труда. А.А. Соколова и О.Г. Соловьев предлагают использовать ч. 1 ст. 60 УК РФ в случаях замены наказания лицам, злостно уклоняющимся от его отбывания. По мнению авторов, замена предыдущего наказания в порядке ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ на лишение свободы будет мотивирована тем, что более мягкое наказание в виде принудительных работ не сможет обеспечить исправление осужденного и достижение иных целей уголовного наказания [2. С. 51]. Однако с предложением А.А. Соколовой и О.Г. Соловьева согласиться нельзя, поскольку замена уголовного наказания на более строгое не равносильно порядку его назначения. Институт назначения наказания предполагает выбор меры уголовно-правового характера из ряда возможных лиц, в отношении которого решается вопрос о признании виновным в совершении преступления. В свою очередь, при изменении вида наказания происходит повторный выбор меры уголовного принуждения, а лицо, в отношении которого решается вопрос о замене неотбытой части наказания, уже находится в статусе осужденного.

Поэтому следует разработать другие правила замены неотбытой части обязательных и исправительных работ более строгим видом уголовного наказания. Полагаем, что в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 необходимо добавить от-

дельный пункт следующего содержания: «В случае признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных или исправительных работ суд обязан мотивировать выбор наказания, на которое в порядке ч. 3 ст. 49 или ч. 4 ст. 50 УК РФ заменяется неотбытая часть наказания. Судам следует иметь в виду, что если злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных или исправительных работ связано с систематическим нарушением им трудовой дисциплины (прогулы; появления на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения; иное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей), то необходимо обсудить вопрос о целесообразности замены неотбытой части обязательных или исправительных работ на наказание в виде лишения свободы. При решении данного вопроса обязательному изучению подлежит характеристика осужденного с последнего места отбывания наказания в виде обязательных или исправительных работ, а также другие доказательства, свидетельствующие о выраженном нежелании осужденного трудиться».

Указанные разъяснения не нарушат правило 82 Рекомендаций Комитета министров Совета Европы о Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер 1992 г. (далее – Рекомендации), которые предусматривают право суда на изменение или частичное изменение общественных санкций и мер, а также на их полную отмену, поскольку данное положение Рекомендаций следует рассматривать и как право суда заменить наказание без изоляции от общества на наказание, связанное с лишением свободы, при злостном уклонении осужденного от его отбывания [12. С. 71]. В результате предложенные изменения не только внесут ясность в процедуру замены обязательных и исправительных работ другим видом наказания, но и позволят предотвратить применение принудительных работ к тем лицам, которые недобросовестно относились к труду в ходе отбывания предыдущего уголовного наказания.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Соловьев О.Г., Соколова А.А. Назначение принудительных работ при замене иных наказаний в случае злостного уклонения осужденного от их отбывания: дискуссионные вопросы правоприменительной и интерпретационной практики // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2018. № 1. С. 49–52.
3. Соколова О. Замена исправительных и обязательных работ иным видом наказания в случае злостного уклонения от их отбывания: анализ судебной практики / О. Соколова, И. Степанова // Уголовное право. 2018. № 6. С. 90–99.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
6. Об утверждении Порядка осуществления надзора за осужденными к принудительным работам : приказ Минюста России от 27.12.2016 № 311 (ред. от 03.12.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210847/7fb45ec2590db1eec62a792aee34d81bb4a5c18a/ (дата обращения: 09.04.2022).
7. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89167/ (дата обращения: 09.04.2022).
8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 07.07.2021 г. по делу № 22-933/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2022).
9. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Адыгея от 29.07.2019 г. по делу № 22-445/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2022).

10. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 03.02.2022 г. по делу № 22-43/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2022).
11. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 18.12.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123850/ (дата обращения: 08.04.2022).
12. Ольховик Н.В. Международно-правовые стандарты обеспечения непенитенциарного режима // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 70–75.

References

1. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 25.03.2022) [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on March 25, 2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
2. Soloviev, O.G. & Sokolova, A.A. (2018) Naznachenie prinuditel'nykh rabot pri zamene inykh nakazaniy v sluchae zloztnogo ukлонeniya osuzhdenного ot ikh oтbyvaniya: diskussionnye voprosy pravoprimenitel'noy i interpretatsionnoy praktiki [Assignment of penal labour when substituting other punishments in case of malicious evasion of the convict from serving them: debatable issues of law enforcement and interpretation practice]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*. 1. pp. 49–52.
3. Sokolova, O. & Stepanova, I. (2018) Substitution of correctional and compulsory works by other type of punishment in case of serious evasion of their serving: analysis of court practice. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 90–99. (In Russian).
4. Russian Federation. (1997) Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 21.12.2021) [The Penal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 (as amended on December 21, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 198.
5. Russian Federation. (2002) Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 25.02.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2022) [Labour Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended on February 25, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1(1). Art. 3.
6. Russian Federation. (2016) *Ob utverzhdenii Poryadka osuzhchestvleniya nadzora za osuzhdennymi k prinuditel'nym rabotam: prikaz Minyusta Rossii ot 27.12.2016 № 311 (red. ot 03.12.2020)* [On the approval of the Procedure for the implementation of supervision of those sentenced to penal labour: Order No. 311 of the Ministry of Justice of Russia dated December 27, 2016 (as amended on December 3, 2020)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210847/7fb45ec2590db1eec62a792aee34d81bb4a5c18a/ (Accessed: 9th April 2022).
7. Russian Federation. (2009) *Ob utverzhdenii Instruksii po organizatsii ispolneniya nakazaniy i mer ugolovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva : prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2009 № 142 (red. ot 22.08.2014)* [On the approval of the Instructions for organising the execution of punishments and penal measures without isolation from society: Order No. 142 of the Ministry of Justice of Russia dated May 20, 2009 (as amended on August 22, 2014)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89167/ (Accessed: 9th April 2022).
8. The Supreme Court of the Republic of Khakassia. (2021) *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Khakasiya ot 07.07.2021 g. po delu № 22-933/2021* [Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Khakassia dated July 7, 2021, n Case No. 22-933/2021]. [Online] Available from: SPS “Konsul'tantPlyus” (Accessed: 9th April 2022).
9. The Supreme Court of the Republic of Adygea. (2019) *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Adygeya ot 29.07.2019 g. po delu № 22-445/2019* [Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Adygea dated July 29, 2019, in Case No. 22-445 / 2019]. [Online] Available from: SPS “Konsul'tantPlyus” (Accessed: 9th April 2022).
10. The Supreme Court of the Republic of Altai. (2022) *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Altay ot 03.02.2022 g. po delu № 22-43/2022* [Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Altai dated February 3, 2022, in Case No. 22-43 / 2022]. [Online] Available from: SPS “Konsul'tantPlyus” (Accessed: 9th April 2022).
11. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob ispolnenii prigovora: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 20.12.2011 № 21 (red. ot 18.12.2018)* [On the application by courts of legislation on sentence execution: Resolution No. 21 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 2011 (as amended on December 18, 2018)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123850/ (Accessed: 8th April 2022).
12. Olkhovik, N.V. (2015) International legal standards for maintaining non-institutional treatment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Justice*. 2(6). pp. 70–75. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/6/14

Информация об авторе:

Исаков В.С. – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Isakov, postgraduate student, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.

Научная статья
УДК 343.811

doi: 10.17223/23088451/19/10

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ»

Михаил Валентинович Киселев¹, Иван Александрович Шкуренко²

^{1,2} Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия

¹ mihail1973kiselev@yandex.ru

² ivanc100to@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся определения критериев оценки состояния правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Предлагается авторская формулировка определения «оперативная обстановка». Исследуется содержание ее показателей, а также факторов, обуславливающих ее состояние.

Ключевые слова: учреждения уголовно-исполнительной системы, оперативная обстановка, критерии оценки

Для цитирования: Киселев М.В., Шкуренко И.А. К вопросу о правовом содержании термина «оперативная обстановка в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 55–62. doi: 10.17223/23088451/19/10

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/10

ON THE LEGAL CONTENT OF THE TERM “OPERATIONAL ENVIRONMENT IN THE INSTITUTIONS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM”

Mikhail V. Kiselev¹, Ivan A. Shkurenko²

^{1,2} Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation

¹ mihail1973kiselev@yandex.ru

² ivanc100to@yandex.ru

Abstract. One of the important tasks of the Penal Enforcement System is to maintain law and order. The analysis of departmental statistics has indicated a negative trend in the growth of illegal actions in correctional institutions, which greatly complicates the enforcement process. The reasons for the complication of penalty execution include general misunderstanding and ignoring the system of organising factors that determine latent and (or) open signs of a deteriorated state of law and order. There are a number of objective and subjective reasons for that, including insufficient terminology. To date, there is no legislatively defined or scientifically substantiated concept denoting the boundaries of the proper level of functionality of penal institutions. However, the employees of the penal institutions use the term “operational environment” in their everyday communication to describe the activities of a correctional institution subject to negative phenomena and processes. Moreover, there is no clear system of criteria for evaluating the activities of penal institutions, which makes it necessary to determine such criteria for the standard activity of penal institutions. For the most part, the assessment indicators are subjective and expressed by various ratings of functioning, which, in turn, makes it difficult to determine the framework for an ideal model of a correctional institution and the factors that affect its stable work as well as various deviations from the standard. It is necessary to substantiate the terminology to determine the content and general understanding of which features will characterise the stable operation of a correctional institution. There were attempts to define “operational environment” in various scholarly and practical works by researchers and employees on the penal system and internal affairs bodies of the Russian Federation. However, there is still no clear interpretation. Based on scholarly works and practical experience, the authors propose their own definition of “operational environment in correctional institutions”, which should be understood as a set of objective and subjective phenomena and processes in penitentiary institutions and beyond, affecting their stable operation.

Keywords: institutions of Penal Enforcement System, operational environment, assessment criteria

For citation: Kiselev, M.V. & Shkurenko, I.A. (2022). On the legal content of the term “operational environment in the institutions of the penal enforcement system”. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 55–62. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/10

Для исполнения уголовных наказаний, являющихся необходимой мерой государственного принуждения, созданы специализированные учреждения

и органы, деятельность которых урегулирована нормами уголовно-исполнительного и иного федерального законодательства, определяющего порядок от-

бывания уголовного наказания и условия содержания под стражей.

В процессе изменения условий социально-экономического развития государства и общества перед уголовно-исполнительной системой (УИС) возникают определенные вызовы, в том числе направленные на необходимость внесения изменений и реформирования пенитенциарного законодательства Российской Федерации. Безусловно, основной и движущей силой, направленной на эту необходимость, является гуманизация процессов исполнения наказания и содержания под стражей, обеспечения соблюдения гарантий и прав лиц, содержащихся в учреждениях УИС, соответствующим требованиям Конституции РФ, отвечающим принципам необходимости и достаточности.

Реформирование предполагает преобразование некоторых социальных институтов с помощью нормативных правовых актов, в которых закрепляются цели и задачи с определением конкретных пределов процесса [1. С. 26]. Процесс перспективного направления совершенствования и развития УИС закреплён в «Концепции развития УИС до 2030 года» [2]. В научной литературе понятия целей и задач нередко отождествляются, и они употребляются как синонимы, однако в законодательном закреплении данные термины разделены и наполнены своим юридическим смысловым содержанием.

Задачами уголовно-исполнительного законодательства в отношении осуждённых являются регулирование порядка и условий исполнения наказания и отбывания наказаний, определение средств исправления осуждённых, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осуждённым помощи в социальной адаптации (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

Задачей федерального законодательства, определяющего условия содержания под стражей, является обеспечение изоляции подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений путем применения мер пресечения в виде заключения под стражу в следственный изолятор.

В целом задачи должны отражать ориентир эффективной прикладной деятельности учреждений УИС со строгим соблюдением требований правового положения осуждённых и лиц, содержащихся под стражей, отвечающих принципам общей теории права и конституционному правовому статусу человека и гражданина.

Государство в лице УИС берет обязательство уважать и охранять права, свободы и законные интересы осуждённых, обеспечивать законность применения средств исправления, правовой защиты и личной безопасности при исполнении наказания.

Однако в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы, в связи с большим скоплением людей на условно ограниченной территории, определенной границами учреждений УИС, сотрудникам приходится решать задачи по разрешению значительного количества возникающих проблем в рамках поддержания нормативного установленного порядка. В связи с чем для повышения эффективности, усовершенствования методики управленческой деятельности и принятия

своевременных превентивных мер к недопущению возникновения угрожающих условий необходимо определить критерии эталона деятельности учреждений УИС. Однако четко установленных критериев оценки этой деятельности, отражающих фактическое положение дел, в поддержании должного уровня регламентированного правопорядка, не имеется. В большей своей части оценочные показатели носят субъективный характер, выраженный в определенных рейтингах по направлениям функционирования исправительных учреждений и следственных изоляторов и соответствующих территориальных органах в целом. Это, в свою очередь, затрудняет определение рамок идеальной модели организации деятельности учреждений УИС и определения факторов, влияющих как на стабильную работу, с обозначением сигнальных показателей, так и на различные отклонения функционирования учреждений УИС от идеального состояния дел. В настоящее время в процессе служебной деятельности в обиходе применяется словосочетание «оперативная обстановка», отражающее фактическое положение дел в учреждениях УИС.

Анализируя ведомственные обзоры, в современный период четко прослеживается отрицательная тенденция роста противоправных действий со стороны осуждённых, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

К числу определенных причин развития признаков, характеризующих усложнение процесса исполнения уголовных наказаний, можно отнести общее непонимание и игнорирование системы факторов организующего звена, определяющих латентные и (или) открытые признаки ухудшения состояния правопорядка. Данное общее непонимание и игнорирование (независимо от умысла), объясняется рядом объективных и субъективных причин, в том числе и недостаточной научной разработкой определенной терминологии.

Ухудшение состояния стабильной работы исправительного учреждения выражено в высоком уровне вероятности выхода нормальной деятельности исправительных учреждений из определенных границ, установленных действующими нормативными правовыми актами.

На сегодняшний день законодательно определенного или научно обоснованного понятия, обозначающего границы должного уровня функциональности учреждений УИС, не имеется. Однако в устоявшемся служебно-прикладном обиходе, который используется в общении между сотрудниками УИС, для дачи определенных характеристик деятельности исправительных учреждений, подверженных отрицательным явлениям и процессам, употребляется термин «оперативная обстановка».

Попытки изложения содержания термина «оперативная обстановка» предпринимались в различных научных трудах ученых и действующих практических деятелей УИС и органов внутренних дел Российской Федерации. Однако однозначного толкования, в том числе определенного наполнения конкретными составляющими исследуемого термина «пенитенциарными особенностями», не имеется. Следовательно, в настоящее время очевиден определенный познавательный аспект определения и возможного нормативного толкования термина «оперативная обстановка» с целью

исключения или возможности его применения в прикладной деятельности исправительных учреждений.

Н.П. Барабанов в своих работах выражал понятие «оперативная обстановка» как совокупность внутренних и внешних условий, в которых осуществляется деятельность исправительного учреждения, имеющих качественные и количественные показатели влияния на криминогенную ситуацию, по которым можно определить ее состояние [3. С. 12].

Необходимо отметить, что автором устоялись границы понимания оперативной обстановки как некоего механизма, с помощью которого можно определить уровень криминогенной ситуации, складывающейся в конкретном учреждении, регионе, федеральном округе. Однако целесообразно отметить, что в теории причин преступности определенных условий (обстоятельств) значительное множество, следовательно, можно поставить под сомнение объективность характеристики конкретных показателей.

А.Н. Журавлев под оперативной обстановкой подразумевает совокупность внутренних и внешних условий, влияющих на функционирование отделов и служб исправительного учреждения по обеспечению исполнения наказания осужденных, на процесс их исправления [4. С. 139].

И.А. Писарев под оперативной обстановкой понимает совокупность взаимосвязанных объективных факторов (условий) среды функционирования исправительного учреждения, способных оказать отрицательное или положительное воздействие на функционирование учреждения, которые необходимо учитывать при планировании дальнейшей его деятельности в целях недопущения нарушений нормального функционирования как отдельных отделов и служб, так и исправительного учреждения в целом [5. С. 53].

Ю.А. Баров и С.Н. Козловский под оперативной обстановкой понимают совокупность взаимосвязанных объективных факторов (условий) среды функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы и их оперативных подразделений, учитываемых при планировании, организации, осуществлении мероприятий по обеспечению порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы и борьбе с преступностью [6. С. 12].

Вышеизложенные определения термина «оперативная обстановка» были разработаны непосредственно представителями структуры уголовно-исполнительной системы, где явно выражена общая характеризующая составляющая в наличии определенной совокупности условий и обстоятельств (факторов), по которым предпринимаются попытки анализа состояния уровня правопорядка, определенного границами учреждения УИС.

Для более широкого понимания содержания исследуемого термина необходимо обратиться к мнению и других ученых, не являющихся в своей деятельности «пенитенциаристами», но охватывающими в том числе уголовно-исполнительную деятельность.

Так, А.Г. Лекарь одним из первых сформулировал понятие оперативной обстановки, под которой он понимал условия, в которых тот или иной орган (аппарат) выполняет задачи борьбы с преступностью [7. С. 8].

В.А. Лукашов и Н.Т. Михайлюк под оперативной обстановкой понимают реально существующие условия, в которых осуществляется деятельность конкретного учреждения, органа УИС [8. С. 26].

А.П. Ипакян в общей формулировке под оперативной обстановкой понимает внешние и внутренние условия, в которых органы внутренних дел выполняют задачи борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, т.е. реализуют правоохранительную и правоприменительную функции [9. С. 6].

Необходимо отметить, что вышецитируемые авторы сводят оперативную обстановку только лишь к определенным условиям, что в теоретической понимании определяется как явления, не порождающие негативное деяние, однако помогающее их реализации, осуществлению.

Также исследованием данного вопроса занимались А.М. Ишин, В.М. Новгородцев, М.П. Лапшин, В.И. Мурашов, Н.Н. Иванов, Л.Ш. Берекашвили, О.З. Клушиным, А.Е. Андриевский и другие авторы.

С целью формирования правильного исходного представления словосочетание «оперативная обстановка» целесообразно разложить на два самостоятельных по своему значению слова «оперативность» и «обстановка».

Под «оперативностью» следует понимать способность правильно, быстро осуществлять те или иные практические задачи, а под «обстановкой» – совокупность условий, сложившихся в определенное время в определенном месте [10. С. 310].

Применительно к деятельности УИС «обстановка» понимается как некая реальность, складывающаяся из определенной совокупности взаимных объективных и субъективных явлений и процессов, которые влияют на характер деятельности УИС и должны учитываться при разработке тактики и стратегии этой деятельности [11].

В военной науке данный термин трактуется как совокупность факторов и условий, в которых осуществляются подготовка и ведение операции (боя) [12. С. 64]. В данной научной плоскости «обстановка» имеет определенную классификацию (виды) по критерию масштабности: стратегическая, оперативная и тактическая. В связи с чем, по нашему мнению, целесообразно указать на правильное применение термина «оперативная обстановка» как самостоятельного вида (состояния), складывающегося в полосе действий и оценивающегося в звене армии, фронта, флота.

В правоохранительной системе и системе исполнения уголовных наказаний аналогичной классификации не имеется и будучи вероятнее всего позаимствованной у военных (так как эта терминология появилась гораздо раньше), каждая структура дополняет данное понятие своей прикладной спецификой и характером выполняемых задач.

Также нельзя не отметить и тот факт, что термин «оперативная обстановка» используется не только в области правоохранительной деятельности, но и в различных иных областях жизнедеятельности, таких как здравоохранение, морской транспорт, таможенный комитет, МЧС России и др.

По своему содержанию термин «оперативная обстановка» в прикладной деятельности УИС применяется в процессе управленческой деятельности, которая несет в себе определенный ситуационный характер, складывающийся от конкретных обстоятельств и условий. В первую очередь это объясняется тем, что оперативная обстановка включает в себя широкую пространственную сферу, которая может изменять свое содержание неожиданно: ухудшение экологических условий, нарушение обеспечения учреждений УИС финансовыми и материальными ресурсами, воспитательном воздействии, а также другими средствами, обеспечивающими стабильную жизнедеятельность учреждения.

Определяя сущность понимания оперативной обстановки в учреждениях УИС, необходимо отразить взаимосвязь состояния обстановки исходя из видов в зависимости от состояния (благоприятная, удовлетворительная, сложная) и влияния ее на процесс исполнения мероприятий, преследующих цели наказания, определенные уголовно-исполнительным законодательством.

При благоприятной обстановке предполагаются четкое выполнение целей, установленных уголовно-исполнительным законодательством в части эффективного исправления осужденных, и недопущение совершения новых преступлений со стороны осужденных и иных лиц. При оценке определенных критериев данный вид обстановки выступает как идеальная модель стабильной работы учреждения, выраженная в четком исполнении требований действующего законодательства и нормативных правовых актов.

К определенным параметрам удовлетворительной обстановки относят отсутствие чрезвычайных происшествий, относительно низкий уровень преступности, небольшое количество злостных нарушений порядка отбывания наказания, средние результаты производственной деятельности.

Применяемые в профессиональной деятельности термины «осложнение оперативной обстановки», «неконтролируемая оперативная обстановка» состоят из множества показателей, свидетельствующих об отклонении от нормальной жизнедеятельности исправительного учреждения.

На сегодняшний день определенных, четко установленных критериев оценки в зависимости от состояния не предусмотрено. Все оценочные показатели носят субъективный характер в рамках управленческой деятельности выраженных в определенных «стимулах» рейтингов по направлениям деятельности. Данная классификация в научной литературе не предусматривает в своем анализе уровня рецидивной преступности, следовательно, сложно оценить уровень эффективности исправления и позитивного влияния на процесс исполнения наказания.

Анализ динамики показателей состояния оперативной обстановки выполняется сотрудниками УИС, занимающимися определенным сбором и накоплением информации, которая предназначена для определения конкретных факторов, влияющих на ее изменение, и использования ее анализа, оценки и принятия необходимых управленческих решений.

К таким показателям в научной плоскости относятся: вид исправительного учреждения; место его дислокации; лимит наполнения и фактическое количество осужденных, в нем содержащихся; профиль производства; криминологическая характеристика осужденных; количество осужденных, склонных к отклоняющемуся от установленных норм поведению; число преступлений, совершенных осужденными в исправительном учреждении, их характеристика; количество осужденных, водворенных в штрафной изолятор или переведенных в помещение камерного типа или единого помещения камерного типа; количество нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершенных осужденными, и их характеристика, количество изъятых запрещенных предметов, изделий и веществ у осужденных, а также у других лиц при попытке их доставки в исправительное учреждение; материально-бытовые условия содержания осужденных; обеспеченность их трудом; укомплектованность структурных подразделений исправительного учреждения персоналом, его качественный состав [13. С. 124].

«Сложная оперативная обстановка» несет в себе характеристику отрицательной динамики степени криминогенной напряженности, складывающейся в исправительном учреждении. В литературе также отмечено, что в исправительных учреждениях содержатся лица за совершение преступлений, что является основным фактором, обуславливающим криминогенность и криминальность. В данном случае под криминогенностью в среде осужденных понимаются криминогенные проявления в виде нарушений установленного порядка отбывания наказания, именуемые в статистической отчетности как «нарушения установленного порядка отбывания наказания», а под криминальностью – совершение преступлений.

Количество нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказания свидетельствует об отношении осужденных к требованиям персонала по соблюдению требований установленного порядка отбывания наказания. Значительный рост фиксации количества выявленных нарушений, допускаемых осужденными, влечет снижение эффективности дисциплинарной практики учреждений УИС, обусловленное рамками статистических показателей. Это имеет признаки недостаточной индивидуально-воспитательной профилактической работы с осужденными, информирования их о привлечении к установленной законом ответственности. В связи с утратой должного превентивного уровня дисциплинарной практики, ситуация в целом может выйти за рамки стабильной работы учреждения.

При анализе данного показателя необходимо также детально изучать качественную характеристику совершаемых нарушений. Высокий уровень выявления нарушения также может свидетельствовать о реализации мер по укреплению правопорядка и отражению законной и неоспоримой требовательности сотрудников к осужденным и, как следствие, исключение «послабления режима» в целом. Использование технических средств надзора и контроля также повышает уровень своевременности принятия превентивных мер по пресечению противоправных действий.

Так, согласно статистическим сведениям, при помощи технических средств видеофиксации в первом полугодии 2021 г. зарегистрировано 1 125 942 нарушения правил внутреннего распорядка, допущенных осужденными (аналогичный период прошлого года (АППГ) – 1 159 920). С использованием стационарных камер видеонаблюдения зафиксировано 806 773 нарушения (АППГ – 692 519), или 71% нарушений от общего количества (АППГ – 689 592, или 59,5%) [14]. Для более точного определения уровня стабильности работы исправительного учреждения по данному показателю необходимо также учитывать количество совершенных и зарегистрированных злостных нарушений режима в соотношении. Если прослеживается динамика роста количества совершенных злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, это свидетельствует о наличии сопутствующих условий к их совершению (наличие запрещенных предметов, возможность изготовления, хранения алкогольной продукции и др.). Принятие мер дисциплинарного воздействия на осужденных также является определенной мерой, характеризующей состояние правопорядка в локации исправительного учреждения, и выражается в самостоятельном показателе количества осужденных, водворенных в штрафной изолятор, переведенных в помещение камерного типа и единого помещения камерного типа.

Уровень складывающейся криминальности ситуации выступает одним из внутренних условий, характеризующем состояние оперативной обстановки в исправительном учреждении, по которому в том числе принимаются конкретные оперативно-управленческие решения с целью изменения динамики ее дальнейшего развития.

По результату анализа статистических сведений в 2020 г. в учреждениях и органах УИС к АППГ 2019 г. зарегистрирован незначительный, но все же рост преступности на 1,11% [15]. Динамика роста действий осужденных, усматривающих признаки состава преступлений, увеличивается, несмотря на общее сокращение количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в результате применения альтернативных видов наказания.

Эти процессы являются следствием общей детерминации и криминальных явлений и процессов, присутствующих исключительно в среде осужденных, таких как существование криминальной субкультуры и идеологии; борьба за лидерство; азартные игры; поборы; долговая зависимость осужденных; изготовление запрещенных предметов и др. Изложенные причины не являются исчерпывающими и обладают определенной множественностью, и производить их арифметический подсчет непродуктивно.

В научной литературе предлагается состояние оперативной обстановки оценивать по количеству преступлений, относящихся к категории «особо учитываемых» – прямого контроля центрального аппарата Федеральной службы исполнения наказаний России, такие как убийство, причинение различной степени вреда здоровью, дезорганизация нормальной деятельности учреждений, захват заложников, массовые беспорядки.

Однако в ряде случаев преступления возникают внезапно в ходе эволюции конфликта между осужденными, где однозначно данный факт не может отражать действительной характеристики дальнейшего развития обстановки, которую можно назвать как «сложную оперативную обстановку». Преступления, совершенные осужденными в исправительном учреждении, необходимо анализировать по их мотивам с учетом вытекающих негативных процессов.

В целом с управленческих позиций определять уровень преступности как основной (доминирующий) показатель степени отклонения от установленной нормы нормативного функционирования исправительного учреждения не представляется целесообразным, так как изучается многочисленный набор проблем, оказывающих значительное влияние.

Также под оперативной обстановкой нельзя понимать только состояние процессов (в том числе криминальных), происходящих в среде осужденных.

Обстановка в учреждении зависит от совокупности взаимосвязанных обстоятельств и условий, в которых функционируют исправительные учреждения и которые могут повлиять на выход учреждения из нормальной (законной) деятельности к наличию признаков усложнения как эффекта отклонения от установленных регламентированных правил жизнедеятельности. Имея возможность своевременного воздействия на нее, можно вести речь о необходимости в установлении определенных границ стабильной деятельности и определении условных сигналов, выраженных в качественных и количественных показателях.

Вид исправительного учреждения относится к внешнему показателю, на который сотрудники, исполняющие возложенные обязанности, не способны воздействовать путем установления определенных юридических норм, определенных уголовным и пенитенциарным законодательством в части классификации и дефиницированного размещения осужденных. Под исправительным учреждением понимается специализированный государственный орган, исполняющий наказание в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы. Уголовно-исполнительное законодательство определяет виды исправительных учреждений с определением классификации исправительных колоний. Исходя из вида исправительной колонии, можно предвидеть определенные параметры динамики оперативной обстановки.

Так, общий режим в целом характеризуется более быстрой сменяемостью осужденных по сравнению со строгим и особым режимом, что, соответственно, влечет за собой сложности в проведении определенных профилактических и превентивных мероприятий. Условно краткосрочные сроки отбывания наказания в виде лишения свободы не всегда способствуют эффективному выполнению задачи исправления осужденных.

Показателем вида исправительного учреждения также выступает предусмотренная законодательством возможность размещения изолированных участков разных видов режима в локации одного из видов учреждения.

Показатель наличия в учреждении объектов, «особого режимного контроля», к которому можно отнести единое помещение камерного типа, также выступает самостоятельным оценочным критерием деятельности определенного вида исправительного учреждения. В целом при переводе осужденных в единое помещение камерного типа обеспечивается устранение негативного влияния указанных лиц на основную массу осужденных и повышение эффективности дисциплинарного воздействия на них [16. С. 8].

Раскрывая показатель места дислокации исправительного учреждения, необходимо учитывать: особенности географического положения местности, где располагается учреждение, исходя из рельефа, местности, наличие рек, озер, лесов, болот и т.д.; наличие в муниципальном образовании, где расположено исправительное учреждение, технических, инженерных способов передвижения населения (например, автомобильные магистрали (дороги), железнодорожные, водные, воздушные пути сообщения и др.); наличие в районе расположения исправительного учреждения устойчивых каналов связи, интернета, операторов сотовой связи как источника передачи информации; наличие (отсутствие) согласованной и утвержденной режимной территорией объекта с установлением определенных требований.

Перечисленные условия по своей сущности не могут являться определенным источником усложнения от нормальной деятельности учреждений, однако могут проявиться в осуществлении попыток совершения побегов, изыскании способов и налаживании каналов для приобретения запрещенных предметов. Значительно больше возможностей для установления неконтролируемых администрацией контактов с лицами, находящимися на свободе, получения информации, связанной с реализацией преступных замыслов и иных действий, нарушающих порядок исполнения уголовных наказаний.

Оценивая состояние стабильной работы исправительного учреждения, необходимо учитывать профиль организации трудовой деятельности осужденных и вид выпускаемой готовой продукции. В целом данный элемент позволяет спрогнозировать определенные нарушения, подготавливаемые и допускаемые осужденными, в том числе выраженных:

- в попытках изготовления, а в дальнейшем сокрытия и пользования запрещенных предметов, которые могут иметь признаки подготовки к преступлениям (совершения действий, направленных на угрозу жизни и причинения вреда здоровью различной тяжести, совершения побегов из-под охраны и др.);

- возможности осужденных налаживания каналов поступления запрещенных предметов путем завоза транспортным средством, заносом лицами из числа работников и граждан, осуществляющих заказы производственной деятельности, и другими способами;

- создании нелегального (несанкционированного) рынка сбыта сувенирных изделий, художественного и бытового назначения, оказание дополнительных услуг, не отраженных в установленном (законном) порядке в отчетных финансово-хозяйственных документах. Данное положение дел влечет за собой незаконный товар-

но-денежный оборот в исправительных учреждениях, что позволяет осужденным иметь денежные средства, в том числе наличные и безналичные, используемые в преступных целях.

При рассмотрении данного показателя важно оценивать уровень занятости (трудоустройства) осужденных. Каждый осужденный обязан трудиться в местах лишения свободы, определяемых администрацией исправительных учреждений.

Ю. Баров пишет о том, что перечислить абсолютно все условия и факторы, которые с учетом специфики могут составлять элементы оперативной обстановки, вряд ли возможно, так как при организации борьбы с каждым отдельным видом преступлений и нарушений режима обнаруживаются новые явления и процессы [6. С. 10], с чем мы полностью согласны.

Подводя определенный итог вышеизложенному, отметим, что одним из эффективных способов разрешения недопущения усложнения стабильной, основанной на строгом выполнении требований законов деятельности исправительных учреждений является установление наиболее важных и значимых факторов и обстоятельств, которые бы свидетельствовали и (или) сигнализировали об определенных изменениях в исправительных учреждениях как отрицательного направления, так и положительного. Сложность применения определенной системы факторов в деятельности исправительных учреждений находит свое логическое объяснение в огромном количестве условий, сложенных из характерных специфических особенностей конкретно рассматриваемого учреждения, которые обусловили отсутствие единообразия и принятия единой структуры.

Для эффективного и продуктивного решения служебных задач необходимо количественные значения привести в определенную систему факторов, через которые видны причины и условия складывающейся ситуации, без установления удельного веса, в части определения степени главных и второстепенных факторов, влияющих на состояние правопорядка в исправительном учреждении.

В рамках написания работы был применен метод экспертных оценок, где предлагалось в самостоятельной форме изложить сущность термина «оперативная обстановка» и выбрать наиболее подходящие из перечня предложенных, которые, по мнению сотрудников УИС, подробнее бы раскрывали цель выяснения общего прикладного понимания данного термина.

По результату анкетирования можно сделать определенный вывод, что единого понимания охвата целей исследуемого объекта у сотрудников нет. Однако имеются характерные черты, связанные с характером выполняемых задач и занимаемой должности. Так, например, сотрудники, имеющие психологический профиль профессиональной деятельности, ограничивают понимание границ оперативной обстановки лишь показателями складывающегося климата между осужденными и сотрудниками; представители оперативного направления деятельности выражают оперативную обстановку наличием угрожающих факторов и условий совершения преступления, получения своевременной

упреждающей информации, анализ и принятие своевременных мер превенции к преступным замыслам.

Объединяющей характеристикой данного понятия в рамках опроса выступила классификация условий и факторов, которые влияют на определенное нормами состояние учреждения, где отклонение от данных норм будет классифицироваться как ухудшение состояния, требующее принятия неотложных управленческих решений.

Опираясь на научные труды и практический опыт, мы предлагаем свое определение «оперативная обстановка в исполнительном учреждении», под которым, на наш взгляд, следовало бы понимать совокупность объективных и субъективных явлений и процессов в локации учреждений УИС и за ее пределами, влияющими на стабильную деятельность исправительных учреждений. При этом под явлениями понимаются все составляющие, от правового до материального элемента, т.е. весь спектр функций, реализуемых УИС с целью исполнения уголовных наказаний. Вместе с тем любые отклонения оперативной обстановки должны рассматриваться относительно эталонного варианта функционирования учреждения. По сути, речь идет об идеальном варианте, мы отдаем себе отчет, что идеала нет, но к нему необходимо стремиться.

В целом имеющаяся система анализа и оценки деятельности исправительных учреждений УИС должна постоянно развиваться и совершенствоваться для контроля и детального понимания происходящих процессов и принятия управленческих решений, влияющих на общее положение дел обслуживаемой территории.

В рамках анализа изложенного материала прослеживается определенная проблематика, выраженная в анализе и оценке оперативной обстановки, рассматри-

ваемой как процесс выполнения задач по исполнению уголовных наказаний на основе установления оценочных критериев, выраженных в количественных единицах. К сожалению, оценивание производится без учета эффективности деятельности, отвечающей потребностям общества и государства, выраженной в качественных практических итогах деятельности сотрудников УИС. Анализ показателей с дальнейшей оценкой критериев должен отражать оказание определенного воздействия на осужденных (в том числе воспитательного) и, как следствие, освобождение гражданина, полностью подготовленного к нормальной жизнедеятельности в обществе с учетом динамики развития и не вынашивающего намерения в совершении новых противоправных действий. Кроме того, имеющиеся количественные показатели уровня деятельности исправительных учреждений для стимулирования руководящего звена нередко приводят к проблеме искажения определенных показателей и попыток сокрытия отдельных фактов негативного содержания. Это противоречие, к сожалению, техническим способом на сегодняшний день устранить невозможно.

В силу существенных различий в понимании и сущности определения оперативной обстановки требуется общее теоретическое осмысление значимости и перспективности формирования единой управленческо-прикладной деятельности с целью исключения подмены содержательного смысла и неправильной ее интерпретации, так как данное положение дел имеет свое негативное (искаженное) отражение в определенных алгоритмах действий сотрудников УИС, а также затрудняет дачу объективной оценки уровня правопорядка в учреждении.

Список источников

1. *История* пенитенциарной мысли : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. О.Ю. Ельчаниновой. Самара : Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2021. Ч. 2. 368 с.
2. *Концепция* развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // СПС «Консультант Плюс». Версия проф., сетевая. М., 2021. Доступ из локальной сети Томского ИПКР ФСИН России.
3. *Барабанов Н.П.* Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях. Рязань : Ин-т права и экономики МВД России, 1999. 250 с.
4. *Журавлев А.Н.* Отдельные аспекты понятия и структуры оперативной обстановки в исправительном учреждении // *Борьба с преступностью: теория и практика* : тез. докл. IX Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 апреля 2021 г. Могилев : Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2021. 320 с.
5. *Писарев И.А.* К вопросу о понятии и сущности оперативной обстановки в исправительных учреждениях // *Вестник Самарского юридического института*. 2017. № 3 (25). С. 53–57.
6. *Баров Ю.А., Козловский С.Н.* Оперативная обстановка в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в обеспечении режима : учеб. пособие. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2015. 26 с.
7. *Основы* оперативно-розыскной деятельности. Общая часть. М. : ВШ МООП РСФСР, 1966. 250 с.
8. *Лукашов В.А., Михайлюк Н.Т.* Изучение и оценка оперативной обстановки : учеб. пособие. Киев, 1975. 84 с.
9. *Ипакян А.П.* Оперативная обстановка. Методологические вопросы моделирования : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1982. 120 с.
10. *Толковый словарь* русского языка : Ок. 2 000 словар. ст., свыше 12 000 значений / [Д.Н. Ахипкин и др.] ; под ред. Д.В. Дмитриева. М. : Астрель [и др.], 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 989 с.
11. *Методические рекомендации* по подготовке прогнозов развития ситуации в уголовно-исполнительной системе Минюста России : письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 31.01.2001 № 18/1/1-38.
12. *Военный энциклопедический словарь* / ред. комис. : С.Ф. Ахромеев (пред.) и др. 2-е изд. М. : Воениздат, 1986. 863 с.
13. *Организация управления* в уголовно-исполнительной системе : учебник. Т. 1: Общая часть, Раздел III. Рязань, 2002. 300 с.
14. *Об обеспечении подразделений безопасности (режима и надзора) техническими средствами надзора по итогам первого полугодия 2021 года* (письмо ФСИН России от 09.08.2021 № 03-53278).
15. *Обзор* о состоянии преступности в УИС за 2020 год (письмо ФСИН России от 04.03.2021 № исх-011-13804).
16. *Савушкин С.М.* Порядок перевода в единые помещения камерного типа или в тюрьму осужденных, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания : метод. рекомендации. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2018. 15 с.

References

1. Elchaninova, O.Yu. (ed.) (2021) *Istoriya penitentsiarnoy mysli* [History of penitentiary ideas]. Vol. 2. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
2. Russian Federation. (2021) *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r* [The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation up to 2030: Order No. 1138-r of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus.
3. Barabanov, N.P. (1999) *Preduprezhdenie i presechenie chrezvychaynykh situatsiy kriminal'nogo kharaktera v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Prevention and suppression of criminal emergencies in correctional institutions]. Ryazan: Institute of Law and Economics of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Zhuravlev, A.N. (2021) *Otdel'nye aspekty ponyatiya i struktury operativnoy obstanovki v ispravitel'nom uchrezhdenii* [Some aspects of the concept and structure of the operational environment in a correctional institution]. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika* [Fighting Crime: Theory and Practice]. Proc. of the 9th International Conference. Mogilev, 23 April 2021. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.
5. Pisarev, I.A. (2017) Revisiting the concept and the essence of operative situation in correctional institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Samara Law Institute*. 3(25). pp. 53–57. (In Russian).
6. Barov, Yu.A. & Kozlovskiy, S.N. (2015) *Operativnaya obstanovka v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh i sledstvennykh izolatorakh v obespechenii rezhima* [Operational environment in correctional institutions and pre-trial detention centers in ensuring the regime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
7. Russian Federation. (1966) *Osnovy operativno-rozysknoy deyatel'nosti. Obshchaya chast'* [Fundamentals of operational-search activity. General Part]. Moscow: HS MOOP RSFSR.
8. Lukashov, V.A. & Mikhaylyuk, N.T. (1975) *Izuchenie i otsenka operativnoy obstanovki* [The study and assessment of the operational environment]. Kyiv: [s.n.].
9. Ipakyan, A.P. (1982) *Operativnaya obstanovka. Metodologicheskie voprosy modelirovaniya* [Operational Environment. Methodological Issues of Modeling]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
10. Dmitriev, D.V. (ed.) (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'.
11. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2001) *Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke prognozov razvitiya situatsii v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Minyusta Rossii. Pis'mo Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii ot 31.01.2001 №18/1/1-38* [Guidelines for the preparation of forecasts for the development of the situation in the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia. Letter No. 18/1/1-38 of the Ministry of Justice of the Russian Federation of January 31, 2001].
12. Akhromeev, S.F. (ed.) (1986) *Voenny entsiklopedicheskiy slovar'* [Military Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Voenizdat.
13. Chaika, Yu.A. (ed.) (2002) *Organizatsiya upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme* [Organization of management in the penitentiary system]. Vol. 1. Ryazan: [s.n.].
14. The Federal Penitentiary Service of Russia. (2021) *Ob obespechenii podrazdeleniy bezopasnosti (rezhima i nadzora) tekhnicheskimi sredstvami nadzora po itogam 1 polugodiya 2021 goda (pis'mo FSIN Rossii ot 09.08.2021 №03-53278)* [On providing security units (regime and supervision) with technical means of supervision following the results of the 1st half of 2021 (Letter No. 03-53278 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated August 9, 2021)].
15. The Federal Penitentiary Service of Russia. (2020) *Obzor o sostoyanii prestupnosti v UIS za 2020 god (pis'mo FSIN Rossii ot 04.03.2021 №iskh-011-13804)* [Overview of the state of crime in the penal system for 2020 (Letter No. ref-011-13804 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated March 4, 2021)].
16. Savushkin, S.M. (2018) *Poryadok perevoda v edinye pomeshcheniya kamernogo tipa ili v tyur'mu osuzhdennykh, yavlyayushchikhsya zlostnyimi narushitelyami ustanovlennogo poriyadka otbyvaniya nakazaniya* [The procedure for transferring convicts who are malicious violators of the established procedure for serving sentences to single cell-type premises or to prison]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Информация об авторах:

Киселев М.В. – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: mihail1973kiselev@yandex.ru

Шкуренко И.А. – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: ivanc100to@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Kiselev, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihail1973kiselev@yandex.ru

I.A. Shkurenko, lecturer, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ivanc100to@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.815+94 (47)

doi: 10.17223/23088451/19/11

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТРЯДНОЙ СИСТЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПРАКТИКЕ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Станислав Иванович Кузьмин¹, Евгения Сергеевна Чуканова²

^{1,2} Московский областной филиал Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ crim.just@mail.ru

² Evgeniya.rybina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено становление и развитие отрядной системы содержания осужденных. Показаны особенности функционирования организационной структуры на различных этапах деятельности исправительных учреждений Советского и Российского государства.

Ключевые слова: отряд, осужденные, задачи, особенности, коллектив

Для цитирования: Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Становление и развитие отрядной системы содержания осужденных в практике советских и российских исправительных учреждений // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 63–69. doi: 10.17223/23088451/19/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/11

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF DETACHMENT (OTRYAD) SYSTEM IN SOVIET AND RUSSIAN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Stanislav I. Kuzmin¹, Evgeniya S. Chukanova²

^{1,2} Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation,

¹ crim.just@mail.ru

² Evgeniya.rybina@mail.ru

Abstract. The article focuses on the formation and development of the detachment (otryad) system for the maintenance of convicts. The author discusses the specificity of the organizational structure and its functioning of correctional institutions of the USSR and Russia. The structure of labour associations of prisoners, which was used during the construction of the White Sea-Baltic Canal, had significant shortcomings: many convicts, who did not belong to workers and peasants, found themselves outside the educational influence. Therefore, labour associations, which played a positive role at a certain stage, were substituted with construction teams and labour colonies as more progressive organizational structures. The detachment consisted of brigades and included 300–600 people, depending on the production type, scope of work, and available living space. The head of the detachment was appointed from among the prisoners of the detachment and, in case of release, had the right to remain in this position for free employment. The newly arrived prisoners were to undergo the sanitation and quarantine, after which they were enlisted in the existing detachments or formed new ones. The head of the detachment was the assistant foreman for the organization of labour and the deployment of the workforce. This person managed the detachment with the help of an assistant chief for everyday life (also a supply manager), two educators (a senior and a regular educator for a detachment of more than 400 people), a senior worker and supervisors. The detachment had its own household services within a special staff.

Keywords: detachment, convicts, tasks, specificity, collective body

For citation: Kuzmin, S.I. & Chukanova, E.S. (2022) The formation and development of detachment (otryad) system in Soviet and Russian correctional institutions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 63–69. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/11

Структура трудовых объединений заключенных, которая применялась на строительстве Беломоро-Балтийского канала, имела существенные недостатки: значительная часть осужденных, не принадлежавших к выходцам из рабочих и крестьян, фактически оказалась вне среды воспитательного воздействия, поэтому на

смену трудовым объединениям, которые на определенном этапе сыграли положительную роль, пришли строительные отряды и трудовые колонии как более прогрессивные организационные структуры.

15 февраля 1934 г. С.Г. Фирин (Пупко) утвердил Положение о строительных отрядах, объявленных ни-

зовой формой административной и трудовой организации заключенных, в соответствии с которым отряд состоял из бригад и, в зависимости от характера производства, объема работ, наличия жилой площади, включал в себя от 300 до 600 чел. Начальник отряда назначался из состава заключенных отряда и в случае освобождения имел право оставаться на этой должности по вольному найму. Прибывшие в лагерь заключенные, после санобработки и прохождения карантина, зачислялись в состав действующих отрядов или из них формировались новые. Начальник отряда являлся помощником прораба по организации труда и расстановки рабочей силы.

Административное руководство также осуществляли помощник начальника по быту (он же завхоз), два воспитателя (при численности отряда свыше 400 чел. – старший воспитатель и воспитатель), старший нарядчик и бригадиры на производстве. Отряд имел свою хозобслужу в пределах особого штата.

В соответствии с Положением заключенные, систематически не выполнявшие нормы, вследствие недобросовестного отношения к труду, а также все злостные отказники от работы и правонарушители выделялись в особые подконвойные бригады, которые не входили в состав отряда и работали на отдельно установленных для них участках.

Перед отрядами ставились следующие задачи: достижение высокой производительности труда с одновременной перековкой (перевоспитанием) лагерника в условиях ударной работы, участие во всех видах культурно-воспитательной работы, ведение активной работы с нарушителями лагерной дисциплины (пьянство, хулиганство, отказ от работы и др.).

Низовой производственной единицей в каждом отряде являлась бригада во главе с бригадиром, назначаемым начальником отряда. Количественный состав бригады ставился в зависимость от характера работ. На земляных работах без механизации бригада состояла из 25–30 чел., на механизированных участках – 40–60 чел. и лесозаготовительных – 15–25 чел.

В каждом отряде не менее двух раз в месяц проводились, с обязательным участием прораба, производственные совещания, на которых обсуждались результаты выполнения производственных планов, норма выработки и технические условия работы. На этих совещаниях начальник отряда оглашал результаты соревнования между отрядами, бригадами и отдельными ударниками.

Личный состав отряда размещался побригадно в отдельных бараках или палатках, начальник отряда, его помощник, воспитатели, старший нарядчик, технический персонал – вместе со всеми заключенными отряда, но в отдельно выделенных помещениях. Правила внутреннего распорядка (развод, выдача пищи, баня и т.д.) вывешивались во всех помещениях, в которых проживали заключенные.

Для учета амбулаторных больных старший нарядчик вел больничную книгу, в которую записывались больные с утреннего и вечернего амбулаторных приемов. После каждого амбулаторного приема, на основа-

нии отметок лекарского помощника или врача об освобождении от работы, старший нарядчик делал отметку в таблице.

Развод и вывод на работу оформлялись разнарядкой, которая с вечера составлялась начальником отряда и утверждалась прорабом сооружения. После развода старший нарядчик передавал разнарядку в учетно-распределительную часть с отметкой вышедших и не вышедших на работу, с указанием причин невыхода.

На начальника отряда возлагались обязанности непосредственного руководства административно-хозяйственной и культурной жизнью отряда, а также производством, поскольку он являлся помощником прораба. Он осуществлял контроль за выполнением каждым заключенным норм выработки, влиявших на предоставление дифференцированного питания и на премиальное вознаграждение. Оценивая труд подчиненных, начальник отряда представлял ударников труда к премированию, к зачету рабочих дней в срок отбываемого наказания. На него возлагались обязанности не допускать воровства в бараках, игры в карты, хулиганства и других правонарушений.

Положение наделяло начальника отряда дисциплинарными правами, а именно: объявлять выговоры простые и строгие, арестовывать с выводом на работу до 3 суток (с предварительного утверждения начальником участка), лишать права переписки на срок до одного месяца.

Хозяйственное обслуживание отряда и регулирование всех вопросов быта возлагались на помощника начальника отряда по быту (завхоза), назначаемого из числа авторитетных и опытных в хозяйственном отношении заключенных. В его обязанности входило:

- а) обеспечение отряда всем необходимым инвентарем;
- б) содержание жилых помещений в чистоте, а прилегающей территории вблизи барачных – в хорошем санитарном состоянии;
- в) передача в продовольственный стол хозяйственной части участка сведений о зачислении на довольствие прибывших заключенных, контроль за своевременным получением бригадами хлеба и талонов на питание;
- г) при наличии в отряде отдельной кухни, получение продуктов и организация ее работы;
- д) контроль за состоянием обмундирования и обуви, организация ремонта как своими силами, так и в мастерской участка.

В каждом бараке устанавливались баки с кипяченой водой, выделялось помещение для просушки обмундирования и обуви, устанавливались репродукторы для радиовещания.

По поименным спискам выдавались чайное довольствие два раза в месяц (3-го и 18-го числа) и мыльное довольствие 3-го числа в размере месячной нормы. На отряд чайное и мыльное довольствие получал помощник начальника отряда по быту и выдавал заключенным отряда.

Выдача хлеба производилась из центральной хлебо-резки участка или сооружения побригадно на основа-

нии сведений, полученных от хозяйственной части накануне дня выдачи. Одновременно с выдачей хлеба давались талоны на обед в центральной столовой.

В отдельных случаях, в зависимости от местных условий и при наличии особо выдающихся производственных показателей отряда, начальник района мог дать разрешение на организацию самостоятельной кухни и хлеборезки в отряде. В этом случае начальник отряда и завхоз несли ответственность за организацию питания и выполнение всех указаний отдела снабжения по приготовлению пищи и ее выдаче.

Ларьковое довольствие производилось в ларьках по премиальным карточкам. Выдача вещевого довольствия производилась завхозом по арматурной карточке в соответствии со списком, подписанным начальником отряда и его помощником. Крупный ремонт вещевого довольствия, как правило, выполнялся в мастерских участка. Для мелких починок в отряде имелись сапожник и портной, содержавшиеся за счет лимита хозяйственной obsługi. При пропаше вещей у кого-либо из лагерников составлялся соответствующий акт за подписью завхоза, с указанием в акте результатов расследования. Завхоз нес ответственность за сохранность вещевого довольствия в бараке.

Для ведения производственного учета к каждому отряду прикомандировывался содержавшийся за счет производства и не входящий в состав отряда счетовод-статистик, обрабатывавший и представлявший в техническое бюро и бухгалтерию участка первичную документацию по выработке, использованию рабочей силы, гужевой силы и механизмов, для ежедневной выписки продовольствия, ведения арматурных карточек и учета выданного в отряд хозяйственного инвентаря.

Премиальное вознаграждение членам отряда выплачивалось индивидуально по выработке каждого или по выработке звена. Дополнительное премирование производилось за счет экономии, достигаемой по хозрасчету, и начислялось за каждые две недели пропорционально основному премиальному вознаграждению. При этом из дополнительного вознаграждения, по постановлению общего собрания отряда, часть премии выделялась на удовлетворение коллективных культурно-бытовых нужд отряда.

Культурно-воспитательной работой в отряде руководили старший воспитатель и воспитатель с помощью актива. Им помогали инженерно-технические и административно-хозяйственные работники, входившие в отряд. В Положении о строительных отрядах определялся и минимум культурно-воспитательных мероприятий: обучение всех неграмотных, громкая читка газет, организация работы хорового, музыкального, лекторского кружков и занятий по текущей политике, а также функционирование красного уголка с библиотекой.

В отрядах широко использовался хозрасчет. Только за сентябрь–ноябрь 1934 г. в Дмитровском исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) на хозрасчет было переведено свыше 100 отрядов [1. С. 352]. В целях дальнейшего внедрения хозрасчета в штаты культурно-воспитательных отделов ИТЛ была введена должность заместителя начальника по хозрасчету [2. С. 339].

Проведенная в августе 1934 г. конференция начальников строительных отрядов показала, что в основной массе они верно поняли свою роль как важного командного звена, но не везде районное и участковое руководство правильно оценило это начинание. Данную категорию заключенных следовало особо выделить из их общей массы, в связи с этим 4 сентября 1934 г. по Дмитлагу был издан приказ № 53 «Об улучшении условий быта для начальников стройотрядов». По приказу начальники стройотрядов наделялись следующими правами:

- выдавался постоянный пропуск на право свободного хождения в пределах территории работ на участке;
- обеспечивались вещевым довольствием;
- зачислялись в техническую столовую;
- выдавалось премиальное вознаграждение в сумме от 30 до 50 руб. по усмотрению начальника участка;
- премировались из фонда экономии по хозрасчету;
- разрешалась неограниченная переписка с родственниками и беспрепятственная отправка денежных переводов.

Одной из форм трудового объединения осужденных являлись трудовые колонны. Положение о трудовых колоннах было утверждено Главным управлением лагерей 16 февраля 1934 г. [3. С. 270]. Оно во многом совпадало с Положением о строительных отрядах, но имело и некоторые особенности. Например, трудовые колонны включали в себя трудовые коллективы, артели и отдельные бригады, число заключенных в них (в зависимости от объема работы) составляло 300–400 чел. (в строительных отрядах существование трудовых коллективов и артелей допускалось лишь как исключение). В отличие от строительных отрядов при начальниках трудовых колонн учреждались штабы (на общественных началах). В состав штаба входил помощник начальника трудовой колонны, председатель трудовых коллективов и артелей и 4–5 ударников. Воспитатель выполнял обязанности секретаря штаба.

Трудовые коллективы среди заключенных на определенном этапе развития исправительно-трудовых лагерей, несомненно, сыграли положительную роль в решении поставленных перед ними задач. В дальнейшем как форма объединения заключенных из трудящихся слоев изжили себя и в соответствии с указанием Главного управления лагерей (ГУЛАГа) перестали существовать [4. С. 17].

Процесс сокращения численности заключенных в Дмитровском ИТЛ в связи с постоянным свертыванием работ позволил резко сократить концентрацию рабочей силы на строительстве объектов канала Москва–Волга, что объективно привело к отказу от отрядной системы и содержания заключенных в трудовых колоннах и переходу на систему лагерных пунктов в составе отделений лагерей.

В начале 1950-х г. значительно увеличили объем капитальных работ, возлагаемых на Министерство внутренних дел (МВД) СССР, при одновременном сокращении спецконтингентов. В связи с этим вопрос о максимальном повышении производительности труда заключенных становился решающим в деле выполне-

ния плановых заданий по капитальному строительству и производству.

Для решения возникшей проблемы была сформирована комиссия (в составе В.В. Чернышева, И.М. Долгих, Я.Ф. Горностаева, А.Н. Комаровского, Ф.А. Гвоздевского, М.М. Тимофеева, А.А. Смольянинова, М.А. Юлова, С.А. Коптельникова), на членов которой возлагалась задача рассмотреть подготовленный вариант докладной записки комиссии МВД СССР министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову об улучшении трудового использования заключенных и подготовить свои замечания к 12 июня 1952 г. Исправленный проект докладной записки 7 июля 1952 г. был направлен С.Н. Круглову [5. С. 92–96]. В окончательный вариант были внесены ранее отсутствующие положения о том, что административно-технический и прорабский состав отряда комплектуется за счет заключенных, независимо от статей осуждения, а также, что заключенные в лагерных зонах размещаются поотрядно и поротно. Вместо подробного описания принципа начисления премий была включена ссылка на Положение о премировании лагерных работников, утвержденное приказом МВД СССР от 27 декабря 1950 г. № 0835.

В докладной записке отмечалось, что существующая много лет система лагерной организации даже после введения заработной платы и при наличии во многих лагерях зачетов все же не обеспечила возможность существенного повышения производительности труда. Основной причиной такого положения, по мнению членов комиссии, являлось несовершенство структуры лагеря, при которой фактически нет лиц и организаций, непосредственно и конкретно отвечающих за трудовое использование заключенных.

Члены комиссии посчитали целесообразным, в целях дальнейшего повышения производительности труда заключенных, реализовать в порядке опыта в 3–4 лагерях на выбор следующие положения:

1. Организовать в составе лагеря и районов строительные (производственные) отряды численностью от 500 до 1 000 чел. для выполнения комплексных заданий по производству строительных работ или выполнению массовых производственных заданий (лесозаготовка, добыча инертных материалов, руды, угля и т.д.).

Заключенных, состоящих в отрядах, сводить в роты численностью 150–250 чел., организуемые по производственному признаку, и бригады, также организуемые по производственному признаку:

– все должности штаба отряда и командиров рот комплектуются за счет вольнонаемного состава. Весь остальной административно-технический и прорабский состав отряда комплектуется за счет заключенных независимо от статей осуждения по производственному признаку. Заключенные в лагерных зонах размещаются поотрядно и поротно;

– начальники строительных отрядов и командиры рот комплектуются офицерами из состава лагерной администрации и строительства, имеющими опыт организации трудового использования заключенных.

2. На начальников отрядов и командиров рот предлагалось возложить следующие обязанности:

а) обеспечить правильную организацию трудового использования заключенных отрядов и рот, для чего совместно с руководством строительных (производственных) районов и лагерной администрацией проводить все необходимые мероприятия по подготовке фронта работ, обеспечению инструментами, материалами и транспортом;

б) организовать и обеспечивать внутренний распорядок в лагере и дисциплину на работах своих подразделений, наблюдая за физическим состоянием заключенных и санитарно-бытовым устройством их;

в) руководить культпросветработой в отрядах и ротах, обеспечивать повышение квалификации работающих заключенных и подготовку необходимого количества специалистов для выполнения комплексных заданий на строительстве и производстве; по мере получения необходимого опыта возлагать на начальников отрядов также и руководство аккордными работами, придавая в этих случаях в подчинение начальника отряда соответствующее количество инженерно-технических работников; командир роты, как правило, должен получать для роты определенное задание по строительству и производству и нести ответственность за их выполнение.

3. В целях повышения заинтересованности начальников отрядов и командиров рот для них устанавливалась особая система премирования.

4. Предлагалось разработать и утвердить новую шкалу зачетов рабочих дней для заключенных, предусмотрев в ней индивидуальные нормы зачетов для квалифицированных рабочих и мастеров, получающих самостоятельные задания, и коллективные нормы зачетов для бригадиров и бригад массовых профессий.

5. При переброске рот или целых отрядов как внутри лагеря, так и из одного лагеря в другой, вместе с отделами и ротами перебрасываются также их начальники и остальная администрация.

Руководство ГУЛАГа не разделяло мнение комиссии МВД СССР и 7 июля 1952 г. представило замечания начальника ГУЛАГ И.И. Долгих по докладной записке комиссии МВД СССР о мерах по улучшению трудового использования заключенных. В ней указывалось, что мероприятия по установлению порядка, в соответствии с которым начальники строительных районов (отделений) строительства и производства являлись одновременно и начальниками соответствующих подразделений, не вызываются необходимостью, так как ничего нового не вносят. Существовавшая система руководства строительными отделениями и районами соответствовала рекомендуемому принципу. Как правило, на стройках в Главном управлении лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), лесных лагерях, Главном управлении лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), гидросооружений и Главспецнефестроя начальники строительных отрядов являлись одновременно и начальниками лагерных подразделений.

По мнению И.И. Долгих, создание в лагерях отрядов и рот потребует введения большого количества штатных единиц. На подразделение примерно в 3 тыс. чел. потребуется шесть командиров отрядов, не менее

20 чел. командиров рот и дополнительный технический персонал. Это приведет к увеличению зарплаты и административных расходов, что противоречит задачам по снижению себестоимости строительных работ.

Внутренний распорядок, соблюдение рабочего дня, наблюдение за физическим состоянием заключенных, санитарно-бытовое устройство возложены на работников лагерного сектора, поэтому излишне наделение этими функциями начальников отрядов и рот.

Замечания И.И. Долгих были отклонены комиссией МВД СССР 18 июля 1952 г., коллегия постановила: «Согласиться с предложением комиссии МВД СССР о мерах по улучшению трудового использования заключенных. Считать целесообразным в порядке опыта провести предложенные комиссией мероприятия в некоторых подразделениях ГУЛЖДС, ГУШОСДОР, ГУЛП и Главпромстроя МВД СССР». Руководителям указанных производственных главков в недельный срок было поручено «подготовить и доложить МВД СССР проекты приказов МВД СССР с изложением организационных мероприятий по этому вопросу» [6. С. 570].

Проекты приказов в соответствии с этим решением представили начальники Главного управления шоссейных дорог и ГУЛЖДС, и они были переданы в ГУЛАГ для оформления. Так, 26 сентября заместитель С.Н. Круглова И.К. Богданов сообщил, что начальник ГУЛАГа И.И. Долгих, не рассматривая их, вернул, так как не согласен с решением коллегии. «Учитывая, что решение коллегии не выполняется, но оно не отменено, прошу внести повторно на обсуждение этот вопрос», – написал Богданов [7. С. 100].

Несмотря на возникшее противоречие, С.Н. Кругловым был подписан приказ МВД СССР № 00788 «О мерах по улучшению трудового использования заключенных в лагерях ГУЛЖДС МВД СССР» от 9 октября 1952 г. (приказ утратил силу согласно приказу МВД СССР № 0234 от 5 мая 1955 г.).

В качестве эксперимента, в целях изыскания мер по коренному улучшению лагерного режима и трудового использования заключенных в лагерях ГУЛЖДС, министр приказал:

1. Начальнику управления Марковского ИТЛ и Севводстроя МВД т. Могилевскому из заключенных 1-го лагерного пункта в Грязново организовать (в составе его) строительные отряды численностью от 500 до 1 000 чел. для выполнения комплексных заданий по строительным работам и подсобным предприятиям. Заключенных внутри отряда свести в строительные роты численностью 150–250 чел., организуемые по производственному признаку, и бригады, также организуемые строго по производственному признаку.

2. Начальнику управления ИТЛ и строительства 501 т. Самодурову и начальнику Печорского ИТЛ Ключкину выделить из числа наиболее неблагополучных по трудовому использованию заключенных подразделений уголовного элемента по одному лагерному пункту, занятому на комплексных работах по строительству земляного полотна, искусственных сооружений и гражданских зданий, как опытному; из заключенных в

этих лагпунктах организовать по строительному отряду в каждом лагпункте, а внутри отряда создать из них по производственному признаку строительные роты численностью по 150–250 чел. и бригады. Организацию отрядов и рот производить, не затрагивая существующей структуры лагерных подразделений. Заключенных в лагерных зонах размещать поотрядно, поротно и побригадно.

3. Начальниками отрядов и рот назначать офицеров из состава лагерного или производственного сектора, хорошо знающих лагерную работу и имеющих опыт организации трудового использования заключенных. Комплектование начальствующим составом отрядов и рот произвести за счет вакантных офицерских должностей по лагерному и производственному секторам подразделений.

Весь остальной административно-технический и рабочий состав отряда и бригадиров комплектовать из числа заключенных по производственному признаку.

Обязанности начальников отрядов и рот по этому приказу соответствовали тем, которые были прописаны в докладной записке комиссии МВД СССР министру внутренних дел СССР Круглову об улучшении трудового использования заключенных от 7 июля 1952 г.

В то же время в текст приказа не вошел раздел об особой системе премирования начальников отрядов и рот, содержавшийся в докладной записке.

Начальникам управлений ИТЛ: Марковского – т. Могилевскому, Печорского – т. Ключкину и Строительства 501 – т. Самодурову предписывалось установить постоянный контроль за работой организуемых отрядов и рот и оказывать их руководству практическую помощь.

Ежемесячно 6-го числа необходимо было высылать в ГУЛЖДС МВД СССР специальные доклады о работе отрядов и рот с полным анализом трудового использования заключенных (вывод на работы, выполнение норм, режим содержания и пр.). Сводные данные со своими выводами и предложениями представить ГУЛЖДС 10 января 1953 г.

Начальнику ГУЛЖДС МВД СССР т. Смольянинову командировать в октябре 1952 г. в один из указанных лагерей комплексную бригаду для проверки трудового использования и режима содержания заключенных в опытном лагерном подразделении. Вывод и предложения по итогам проверки и по данным из докладных записок лагерей представить в МВД СССР 1 февраля 1953 г.

Последующие события не позволили закончить начатый эксперимент по внедрению отрядной системы. Основными причинами явились смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. и прекращение строительства 20 объектов, в том числе Марковского ИТЛ, закрытого 29 апреля 1953 г., передача 30 марта 1953 г. ГУЛЖДС из МВД в Министерство путей сообщения СССР, прекращение с 27 апреля 1953 г. строительства железнодорожной линии Салехард–Игарка (строительство № 501) и крупномасштабная амнистия 1953 г.

Несмотря на все преобразования в исправительно-трудовой системе в первой половине 1950-х гг., идея

внедрения отрядной системы содержания заключенных не снималась с повестки дня. Этому способствовали, с одной стороны, обращение к теоретическому наследию выдающегося советского педагога А.С. Макаренко, а с другой – необходимость ориентации советской исправительно-трудовой политики на достижение основной цели – исправления и перевоспитания заключенных.

Существовавший обезличенный подход к заключенным приводил к тому, что задача исправления и перевоспитания, которая никогда не снималась с повестки дня наших учреждений, решалась неудовлетворительно. Воспитательная работа сводилась, главным образом, к массовым трудовым, пропагандистским и культурным мероприятиям общего характера. Такая работа приводила к тому, что администрация исправительно-трудовых учреждений во многих случаях не знала процессов, происходящих в среде заключенных, была оторвана от этой среды и не могла полностью ею управлять, вследствие чего на некоторую часть заключенных оказывали отрицательное влияние опасные рецидивисты.

Особенно большой вред приносил обезличенный подход к осужденным в вопросах трудового и политического воспитания, а также в вопросах режима. Введение отрядной системы, которая используется и в настоящее время, началось в подразделениях почтовых ящиков ВМ-16 и 240-3 в апреле 1957 г. Инициатива работников этих учреждений, поддержанная МВД СССР, была подхвачена, и к августу 1957 г. почти во всех ИТЛ и во многих колониях были созданы отряды по производственному принципу, который оказался единственно правильным. Первый опыт работы начальников отрядов и их помощников по надзору был опубликован в 1958 г. в сборнике статей, подготовленном научно-исследовательским отделом исправительно-трудовых колоний МВД СССР. Изданный большим тиражом обобщенный опыт сыграл неоценимую роль в становлении и укреплении отрядной системы содержания осужденных в исправительных учреждениях.

С введением отрядной системы центр воспитательной работы переместился в отряды, и ведущей фигурой в организации воспитательного процесса стал начальник отряда. В его работе важнейшее значение стало придаваться вопросам трудового и политического воспитания, укрепления режима, организации быта заключенных. Непосредственная работа среди заключенных предоставила ему возможность всесторонне изучать каждого заключенного, его настроение, круг лиц, оказывающих на него влияние, и с учетом этого применять наиболее целесообразные меры воспитательного воздействия. Это позволяло формировать и укреплять в отряде актив, создавать здоровый трудовой коллектив, способный подчинять и воздействовать на тех, кто не желал становиться на путь исправления.

В 2014 г. в целях реализации отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в части использования новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных была предпринята попытка заменить сложившуюся десятилетиями отрядную систему содержания осужденных Центрами исправления осужденных исправительного учреждения.

Распоряжением директора Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России Г.А. Корниенко 29 мая 2014 г. за № 105-р предусматривалось провести в Главном управлении ФСИН России по Республике Башкортостан, Республике Коми, Красноярскому краю и Иркутской области эксперимент по апробации модели Центра исправления осужденных исправительного учреждения с 01.06.2014 по 31.12.2014 г. В эксперименте участвовали: две колонии строгого режима для лиц, ранее отбывавших лишение свободы; колония строгого режима для лиц, впервые осужденных к лишению свободы; колония общего режима для лиц, впервые осужденных к лишению свободы; колония общего режима для содержания осужденных женщин.

В Центре предусматривалось размещение 200 осужденных в одном здании или локальном участке с обычными и облегченными условиями отбывания наказания. В штатную структуру центра вошли: начальник Центра, заместитель начальника Центра по воспитательной работе с осужденными, заместитель начальника Центра по режиму и надзору, психолог, социальный работник (один социальный работник на два Центра), специалист по организации труда осужденных.

Если раньше отряд осужденных являлся центром воспитательной работы и сотрудники различных частей и служб оказывали помощь начальникам отрядов в реализации их многочисленных обязанностей, то с введением в штаты исправительных учреждений должностей психологов и социальных работников начальники отрядов фактически утратили свою руководящую роль в реализации воспитательного процесса. В современных научных исследованиях, в материалах научно-практических конференций об опыте работы начальников отрядов практически уже не упоминается.

Идея создания Центров исправления осужденных в исправительных учреждениях оказалась несостоятельной, но имела своим последствием фактическое забвение устоявшейся отрядной системы содержания осужденных, которая на последнем этапе лишилась опоры на самостоятельные общественные формирования правонарушителей, являвшейся своего рода связующим звеном между воспитателем и осужденными отряда. Пока существует коллективная система содержания заключенных, общественные формирования будут востребованы, но их необходимо модернизировать, исходя из общего направления уголовно-исполнительной политики, состава осужденных и кадрового потенциала.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9489. Оп. 2. Д. 25. Т. 2. С. 352–353.
2. ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 44. С. 339.
3. ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 44. С. 270–271.

4. *Архив* УИТУ УВД Карагандинского облисполкома. 1938 г. Д. 5. С. 17.
5. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 1213. С. 92–96.
6. *История* сталинского ГУЛАГа. Т. 3. М., 2004. 876 с.
7. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 1213. С. 100–102.

References

1. The State Archive of the Russian Federation. (GA RF). Fund 9489. List 2. File 25. Vol. 2. pp. 352–353.
2. The State Archive of the Russian Federation. (GA RF). Fund 9489. List 2. File 44. p. 339.
3. The State Archive of the Russian Federation. (GA RF). Fund 9489. List 2. File 44. pp. 270–271.
4. The Archive of the Department of Internal Affairs of the Karaganda Regional Executive Committee. 1938. File 5. p. 17.
5. The State Archive of the Russian Federation. (GA RF). Fund R-9401. List 2. File 1213. pp. 92–96.
6. Khlevnyuk, O.V. (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGa* [History of Stalin's Gulag]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
7. The State Archive of the Russian Federation. (GA RF). Fund R-9401. List 1. File 1213. pp. 100–102.

Информация об авторах:

Кузьмин С.И. – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского института ФСИН России; профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Чуканова Е.С. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, (Москва, Россия). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.I. Kuzmin, Dr. Sci. (Law), professor, chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation); professor, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

E.S. Chukanova, Cand. Sci. (Law), associate professor, deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/12

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

Иван Сергеевич Некрасов

¹ Академия ФСИН России, Новокузнецк, Россия

² Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

^{1,2} *Vanek-Nekrasov93@mail.ru*

Аннотация. Описывается роль международно-правовых норм в системе источников Российской Федерации. Отдельно подчеркивается их важность среди источников национального права. На сегодняшний день международно-правовые акты непосредственно влияют на политику законодательства и находятся у нее в приоритете, тем самым образуя самостоятельную правовую систему, которая приводит в соответствие с ними внутреннюю национальную политику, куда и входит уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: международно-правовые стандарты, классификация международных стандартов, источники уголовно-исполнительного законодательства, система уголовно-исполнительного законодательства

Для цитирования: Некрасов И.С. Роль международно-правовых актов в формировании системы источников уголовно-исполнительного права России // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 70–73. doi: 10.17223/23088451/19/12

Original article

doi: 10.17223/23088451/19/12

THE ROLE OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS IN THE FORMATION OF THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIA'S PENAL LAW

Ivan S. Nekrasov^{1,2}

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

² Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

^{1,2} *Vanek-Nekrasov93@mail.ru*

Abstract. The article aims at analysing the role of international legal norms in the system of sources of the Russian Federation, with a special stress on their importance among the sources of national law. To date, international legal acts directly affect the policy of legislation and are in its priority, thereby forming an independent legal system. This system brings domestic national policy, which includes penal legislation, in line with the acts. The author infers that, in Russian legal science, including penal science, international legal norms are of a national nature. In their own way, they are stable, since they are not exposed to possible influences of any economic, political, or criminological factors. Therefore, in recent decades, this direction has been the main guideline for the development of penal science, which directly affects the law enforcement practice. When analysing the current Penal Code of the Russian Federation, this trend can be traced in some norms whose content is based on the ideas of humanism and enshrines the basic rules for the treatment of various categories of convicts. Looking at Russia today, we can note that the country has created a legal framework that allows it to be classified as a great power that directs the development of the penal system in the modern world. The formation of a new better penal system is undoubtedly facilitated by the adoption of international standards that require the creation of the necessary conditions that in the future are to be implemented in legislation. After all, the recognition of international legal standards in penal legislation will bring Russia to a new level, with a more effective guarantor of the observance of the legality of human rights, and will also serve as an impeccable postulate in the law enforcement and law-making activities of our state in the future.

Keywords: international legal standards, classification of international standards, sources of penal legislation, system of penal legislation

For citation: Nekrasov, I.S. (2022) The role of international legal acts in the formation of the system of sources of Russia's penal law. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 70–73. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/12

На сегодняшний день в российском законодательстве остается нерешенным вопрос о соотношении национального и международного законодательства. В последние десятилетия российская правовая наука внесла большой вклад в роль и значимость международно-правовых актов, а также предприняла все исчерпывающие меры по координации своего национального законодательства в соответствие с ними, в том числе и уголовно-исполнительного. Ранее в истории развития российской науки данное направление не было столь важным. Так, к примеру, в период функционирования союзно-республиканского исправительно-трудового законодательства международно-правовые акты в области обращения с осужденными являлись лишь информационными и не влияли на внутреннее законодательство.

Анализируя основы исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик 1969 г., мы отмечаем, что в них отсутствуют какие-либо упоминания о международных стандартных правилах в обращении с заключенными. Это, прежде всего, связано с тем, что первое официально опубликованное издание минимальных стандартных правил шло под грифом «Для служебного пользования», как и последующие, соответственно, они были ограничены в использовании. Государство, тем самым, как будто пыталось ограничить круг лиц в изучении норм, указанных в минимальных правилах. Позже, когда публикации появились в открытой печати, они нередко сопровождались высказываниями, что «отечественная пенитенциарная политика законодательства не только соответствует международным правилам, но и во многом идет вперед». Возможно, эти события и повлияли на отсутствие норм в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1970 г., которые указывали о соотношении уголовно-исполнительного законодательства и международно-правовых норм.

Толчком в переходе на новый уровень международных отношений послужила Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая в 1990 г., в основе которой были заложены общепризнанные принципы международного права. Тем самым Россия подписала обязательства по реализации в законодательстве и на практике общепризнанных международных норм по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. В части 2 ст. 1 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., говорится: «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР». Впоследствии вышеуказанная Декларация нашла свое отражение в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: «...общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Тем самым в Конституции

РФ впервые закрепилось положение, провозгласившие общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ частью ее правовой системы. Это также означает, что в соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью для всех отраслей российского законодательства.

Не стоит забывать про февральские события 1996 г. В это время России вступила в Совет Европы, благодаря этому уголовно-исполнительное законодательство перешло на новый уровень, в котором значительно увеличилась роль международных стандартов обращения с осужденными. Российская пенитенциарная политика была направлена на приведение ее в соответствие с европейскими нормами. Так, к примеру, после вступления в Совет Европы, произошли значительные изменения в области уголовного наказания в виде смертной казни, где российское государство предприняло соответствующие меры по сокращению и исключению данного вида уголовного наказания. Прежде всего, это отражено в ст. 20 Конституции РФ, а также в Указе Президента РФ от 16.05.1996 № 724. И на сегодняшний день смертная казнь не применяется уже более двух десятилетий, несмотря на то, что УК РФ сохраняет данный вид наказания (ст. 105, 107, 277, 295, 317, 357). Как правило, вместо смертной казни применяется пожизненное лишение свободы.

При изучении зарубежного опыта разных стран в сфере исполнения юрисдикционных актов отмечается, что международно-правовые стандарты имеют наиболее важное организационное значение для уголовно-исполнительной системы государства, однако не все страны признали верховенство международно-правовых норм. С целью повышения эффективности исполнения уголовных наказаний государства вступают в международные объединения, для этого они должны взять на себя определенные обязательства. И тут возникает важный дискуссионный вопрос – насколько готово государство в действительности выполнять взятое на себя обязательство?

При соотношении национального законодательства с международным можно выделить две группы. К первой группе мы отнесем страны, у которых международно-правовые стандарты имеют преимущества перед внутренними законами и порождают права и обязанности: Германия (ст. 25 Конституции), Ирландия (п. 3 ст. 29 Конституции), Италия (ст. 10 Конституции), Греция (ст. 28 Конституции), Испании (ст. 10 Конституции) [1. С. 6]. Ко второй группе относятся государства, которые не признают международно-правовые стандарты и не ставят их выше своей внутренней политики: Франция (ст. 54 Конституции), Япония (ст. 98 Конституции) [2. С. 456], США (ст. 6 Конституции США 1787 г.) [3. С. 40].

Итак, в ходе проведенного анализа основных законов государств, по отношению их внутренней политики к международно-правовым актам, можно предположить следующее. Во-первых, в основных законах зарубежных стран отсутствует понятие «общепризнанные принципы и нормы права», что и вызывает проблема-

тику их применения. Во-вторых, при рассмотрении вопроса соотношения международных норм с национальным правом, государства чаще признают общепризнанные нормы международного права как часть национального законодательства. В-третьих, в большинстве стран имеется положение, в котором сказано, что в случае противоречия международно-правовых стандартов конституциям стран, невозможно применить нормы международных обязательств без внесения в конституцию соответствующих изменений. В-четвертых, при реализации международных норм в пенитенциарной системе стран можно выделить два направления: совместно с международными нормами и приведение их в соответствие с национальным правом.

Важность международных норм в сфере уголовно-исполнительного права нельзя переоценить, ведь они являются ключевым звеном, способствующим развитию и совершенствованию отечественного законодательства с учетом мирового опыта.

На наш взгляд, чтобы тщательнее разобраться в исследуемом вопросе, необходимо обратиться к законодательству РФ, а именно к положению ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой как раз и отражается индивидуальная позиция автора того или иного кодифицированного источника права по отношению к нетрадиционным источникам права.

В литературе отмечается, что отношение России к международным актам четко выражено в Конституции РФ (ч. 4 ст. 15). Нет никакого умаления государственного суверенитета России в связи с необходимостью соблюдения международных стандартов. Наша страна – полноправный член международного, в том числе европейского сообщества. Эта позиция отражена и в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) [4. С. 92; 5. С. 93–94].

Как отмечает Ф.В. Грушин, нормы, содержащиеся в ст. 3 УИК РФ, фактически противоречат друг другу и вызывают нарекания с точки зрения юридической техники. И для решения данной проблемы, с целью совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, предлагает исключить из УИК РФ ч. 1 ст. 3, а ч. 2 ст. 3 изложить в новой редакции: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации формируется в соответствии с положениями международных договоров Российской Федерации. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора» [6. С. 142].

В результате детального анализа источников российского уголовно-исполнительного права можно отметить, что международно-правовые акты, оказывающие влияние на внутригосударственную правовую систему, формируют в ней своего рода совокупность самостоятельности правовой системы. Влияние международно-правовых актов на правовую систему оказывается как прямое, так и косвенное. Например, косвенное влияние они оказывают на общественное правосознание, где в последующем развиваются и закрепляются в конкретной юридической форме при помощи фактической реализации их норм соответствующими отраслями национального законодательства. Данный алгоритм является более преференциальным, чем простая ратификация различных международных соглашений.

Б.Л. Зимненко отмечает, что включение норм международного права в правовую систему России поднимает правовую систему нашей страны на качественно новый уровень, изменяет ее содержание и структуру, увеличивая нормативный массив правовой системы, оказывает существенное влияние на взаимодействие ее элементов и содержание, превращает правовую систему России из замкнутой, изолированной длительное время в сосуществующую и взаимодействующую с международной правовой системой, что приведет к дальнейшей гуманизации нашего государства [7. С. 245].

Однако имеются и противники данного направления. Так, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин еще в 2015 г. говорил об исключении из Конституции РФ положения о верховенстве норм международного права над национальным. По его мнению, это обосновано тем, что «внедряя международные нормы в РФ, западные оппоненты умело используют их против интересов России» [8].

На наш взгляд, международно-правовые нормы на сегодняшний день имеют особое место в системе источников уголовно-исполнительного права России. Это связано с тем, что в них отражаются основные правила обращения с различными категориями осужденных, а также основные права человека и гражданина. Это не могло не отразиться и на законодательстве Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ признаются и гарантируются права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Во-вторых, общепризнанные принципы и нормы международного права уже сегодня являются частью правовой системы Российской Федерации и реально обеспечивают деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, что находит свое отражение в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. В-третьих, приняв действующий Уголовно-исполнительный кодекс (в ч. 3 ст. 3 УИК РФ), Российская Федерация сняла нерешенные вопросы в области жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными, что как раз и вытекает из положений Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения с заключенными.

Реализовывая международные стандарты во внутреннее законодательство страны, существует достаточное количество проблем для полной их реализации. И для решения проблем необходимо на постоянной основе совершенствовать деятельность уголовно-исполнительной системы путем развития прикладной и фундаментальной науки. Для этого в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации была принята Концепция развития УИС РФ до 2030 г., где

основополагающими принципами данной концепции стали как раз международные правила.

В настоящее время в России создана правовая база, позволяющая относить ее к великим державам. Процессу создания новой более качественной пенитенциарной системы, несомненно, способствует принятие международных стандартов, требующих формирования необходимых условий, по итоговому решению которых

в дальнейшем они будут реализованы в законодательстве. Ведь признания международно-правовых стандартов в уголовно-исполнительном законодательстве выведет Россию на новый уровень, с более эффективным гарантом соблюдения законности прав человека, а также послужит безукоризненным постулатом в правоприменительной и правотворческой деятельности нашего государства в будущем.

Список источников

1. Конституции государств Европейского союза. М. : Инфра-М, 1997. 33 с.
2. Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Мактаков. 2-е изд. М., 1997. 508 с.
3. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1993. 768 с.
4. Уткин В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 90–97.
5. Воронин О.В. Пенитенциарный надзор. М. : Юрлитинформ, 2022. 200 с.
6. Грушин Ф.В. Подзаконные нормативные правовые акты-источники уголовно-исполнительного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 142с.
7. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. 308 с.
8. Александр Баstryкин: «приоритет национального права над международным». URL: <https://rg.ru/2015/04/28/bastrykin.html> (дата обращения: 05.12.2021).

References

1. Okun'kov, L.A. (1997) *Konstitutsii gosudarstv Evropeyskogo soyuza* [Constitutions of the States of the European Union]. Moscow: Infra-M.
2. Maktakov, V.V. (ed.) (1997) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of Foreign States]. 2nd ed. Moscow: BEK.
3. Zhidkov O.A. (ed.) (1993) *Soedinennye Shtaty Ameriki. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [United States of America. Constitution and legislative acts]. Translated from English. Moscow: Progress.
4. Utkin, V.A. (2016) International standards of penal activities and stereotypes of their perception. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (8), pp. 90–97. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/14
5. Voronin, O.V. (2022) *Penitentsiarnyy nadzor* [Penitentiary Supervision]. Moscow: Yurlitinform.
6. Grushin, F.V. (2004) *Podzakonnnye normativnye pravovye akty-istochniki ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Subordinate normative legal acts-sources of penal enforcement law]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
7. Zimnenko, B.L. (2006) *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossiyskoy Federatsii* [International Law and the Legal System of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
8. Kozlova, N. (2015) Aleksandr Bastrykin: “prioritet natsional'nogo prava nad mezhdunarodnym” [Alexander Bastrykin: “the priority of national law over international law”]. *Rossiyskaya gazeta*. [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/04/28/bastrykin.html> (Accessed: 5th December 2021).

Информация об авторе:

Некрасов И.С. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: Vanek-Nekrasov93@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.S. Nekrasov, adjunct, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation); lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Vanek-Nekrasov93@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/13

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО РОЗЫСКУ ОСУЖДЕННЫХ К УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Николай Владимирович Ольховик¹, Екатерина Александровна Малетина², Лидия Петровна Питкевич³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

^{2,3} *Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия*

¹ *lawtsu@rambler.ru*

² *maletina-kat@mail.ru*

³ *lida-19832008@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются правовые проблемы проведения первоначальных мероприятий по розыску осужденных к уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и предлагается их решение.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, альтернативы лишению свободы, наказания без изоляции от общества, первоначальные мероприятия по розыску осужденных, розыск осужденных

Для цитирования: Ольховик Н.В., Малетина Е.А., Питкевич Л.П. Правовое обеспечение первоначальных мероприятий по розыску осужденных к уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 74–77. doi: 10.17223/23088451/19/13

Original article

doi: 10.17223/23088451/19/13

LEGAL SUPPORT OF INITIAL MEASURES OF SEARCH FOR PERSONS SENTENCED TO CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF THE RIGHT TO OCCUPY CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES

Nikolai V. Olkhovik¹, Ekaterina A. Maletina², Lidia P. Pitkevich³

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

^{2,3} *Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation*

¹ *lawtsu@rambler.ru*

² *maletina-kat@mail.ru*

³ *lida-19832008@yandex.ru*

Abstract. The article analyses the legal problems of carrying out initial measures to search for persons sentenced to criminal punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities and proposes their solution. The current penal legislation provides for the penal inspectorate's obligation to carry out initial search activities in respect of specific categories of convicts registered with the inspectorate. With regard to those sentenced to deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, such an obligation is not provided for by law. The aim of this article is to substantiate the need to consolidate in the penal legislation the obligation to conduct initial search activities to establish the whereabouts of persons sentenced to deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, as well as to put them on the wanted list. The problems of establishing the whereabouts of persons sentenced to deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, including the CIS member states' citizens who have fled from the control of penal inspectorates, are considered. Proposals are formulated to improve the legal and organizational framework for the conduct of initial search activities by penal inspectorates in relation to such persons. The implementation of the proposals will improve the conceptual framework, legal regulation and practice of conducting initial measures to search for persons sentenced to deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities.

Keywords: penal law, alternatives to deprivation of liberty, non-custodial sentences, initial measures of search for convicts, search for convicts

For citation: Olkhovik, N.V., Maletina, E.A. & Pitkevich, L.P. (2022) Legal support of initial measures of search for persons sentenced to criminal punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 74–77. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/13

Уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в настоящее время исполняют большую часть предусмотренных уголовным, уголовно-исполнительным законодательством наказаний, а также мер уголовно-правового характера, при этом особенностью является то, что у осужденного, оставаясь на свободе, больше возможности уклониться от отбывания наказания, в том числе скрыться от контроля УИИ.

В соответствии с ч. 1 ст. 18.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), приказом Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», п. 55 приказа Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (далее – ведомственный акт) первоначальные розыскные мероприятия (ПРМ) осуществляются в отношении уклоняющихся от контроля УИИ осужденных к исправительным и обязательным работам, ограничению свободы, а также условно осужденных и осужденных с отсрочкой отбывания наказания.

Одной из основных проблем, возникающих при исполнении уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (далее – ЗЗД), является отсутствие законодательной регламентации осуществления ПРМ осужденных к ЗЗД, скрывшихся от отбывания наказания или контроля либо не прибывших в УИИ после освобождения из исправительного учреждения. Ни УИК РФ, ни ведомственные акты не закрепляют обязанность УИИ проводить ПРМ такого осужденного. При анализе практики применения ЗЗД наблюдается значительный рост осужденных к данному виду наказания, что в немалой степени обусловлено введением в действие с 01.07.2015 ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которая предусматривает уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутому административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Наблюдается увеличение количества совершенных преступлений осужденными к ЗЗД, следствием чего может быть отсутствие закрепленных в УИК РФ действенных мер воздействия к данным осужденным [1. С. 95–100; 2. С. 428–434]. Стоит отметить, что преобладает увеличение преступлений, связанных именно с запрещаемой должностью, деятельностью, а также преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков [3. С. 535–546]. Различные аспекты осуществления розыска осужденных исследовались отечественными учеными [4. С. 239–246]. Однако вопросы осуществления ПРМ, осужденных к ЗЗД, не подвергались самостоятельному исследованию. Актуальность, дискуссионность и недостаточная разработанность проблемных вопросов проведения ПРМ, осужденных к ЗЗД, определили цель и задачи настоящей работы.

В статье исследовались правовые нормы, регулирующие процесс исполнения уголовного наказания в виде ЗЗД, материалы правоприменительной практики, теоретические разработки, имеющиеся в науке, а также использовались результаты проведенного исследования 538 осужденных к ЗЗД в 19 субъектах Российской Федерации.

В данной работе применены общенаучные методы: анализ, обобщение материалов, а также частнонаучные методы формально-логического, системного анализа, исследование документов и иных нормативно-правовых актов в рамках диалектического метода познания.

Для надлежащего исполнения приговора суда о ЗЗД ПРМ в отношении таких осужденных осуществлять необходимо. В УИК РФ и ведомственном акте необходимо закрепить порядок проведения УИИ ПРМ, осужденных к ЗЗД.

ПРМ проводятся по рапорту сотрудника УИИ, утвержденного начальником УИИ со дня установления факта, что местонахождение осужденного неизвестно.

Если при ПРМ будет установлено, что осужденный к ЗЗД скрылся от УИИ, то устанавливаются цели уклонения. Такой целью может быть стремление осужденного скрыть факт замещения им запрещенной должности или факт занятия им запрещенной деятельностью. При этом в УИК РФ следует предусмотреть необходимость установления в ходе проведения ПРМ «уважительности» или «неуважительности» причин уклонения.

Если при ПРМ в срок 30 дней не станет известно о месте нахождения осужденного к ЗЗД, то взысканием может служить лишь незачет срока замещения запрещаемой должности, занятие запрещаемой деятельностью. При отсутствии такового нарушения взыскание не последует и срок будет зачтен, так как взыскание и незачет срока в данном случае не урегулированы действующим законодательством. Материалы ПРМ будут включены в личное дело, но при этом не будут исполнены обязанности осужденного, назначенные ст. 37 УИК РФ. Учитывая вышеизложенное, предлагаем за уклонение от УИИ предусмотреть в УК РФ возможность замены ЗЗД более строгим наказанием, а также дополнить нормой, обязывающей УИИ осуществлять ПРМ в отношении осужденных к ЗЗД, УИК РФ и ведомственный акт.

В случае если в ходе ПРМ местонахождение осужденного к ЗЗД не будет установлено, но установлен факт, что осужденный скрылся в целях уклонения от отбывания наказания, то необходимо закрепить правило, в соответствии с которым злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный к ЗЗД, местонахождение которого неизвестно, объявляется УИИ в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток.

Предлагаемая норма предоставит возможность УИИ объявить в розыск, задержать на 48 часов, при необходимости продлить этот срок судом до 30 суток только осужденному к ЗЗД, в отношении которого будет установлена злостность уклонения от отбывания наказания. Такой вывод должен основываться на материалах ПРМ, собираемых УИИ.

Материалы ПРМ содержат:

- рапорты (справки) о проверке по месту жительства осужденного;
- справки о проверках по учетам территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России, органов внутренних дел, требования информационных центров органов внутренних дел;
- справки из медицинских учреждений, моргов, органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС);
- справки о проверке по месту жительства соучастников преступления, свидетелей (при их наличии);
- объяснения родственников, соседей, знакомых и т.д. (при наличии);
- объяснения соучастников и свидетелей по делу, указанных в обвинительном приговоре суда, их соседей;
- информацию о регистрации осужденного по месту жительства установленным законодательством Российской Федерации порядком либо отсутствию регистрации;
- документы со сведениями о проверке места работы осужденного, при его наличии, с информацией о причинах и дате увольнения и предполагаемом перемещении.

При наличии у осужденного к ЗЗД родственников, проживающих за пределами обслуживаемого района, в материалы ПРМ включаются запросы в органы внутренних дел, филиалы УИИ о проверке имеющейся информации у этих граждан.

Часть 2 ст. 18.1 УИК РФ следует дополнить указанием на то, что оперативные подразделения УИС РФ объявляют осужденных к ЗЗД в розыск.

Возможности УИИ ограничиваются лишь комплексом ПРМ, проведение оперативно-розыскной деятельности самостоятельно не входит в их компетенцию. В решении этого вопроса значительно шире возможности оперативных подразделений. Следует отметить, что розыск осужденных осуществляется, прежде всего, в целях привлечения к исполнению требований соответствующего приговора суда. Однако в вопросе ЗЗД целью розыска нельзя рассматривать замену наказания в связи со злостным его неисполнением, так как такая возможность не предусмотрена уголовным законом.

До объявления в розыск материалы ПРМ изучаются с целью определения полноты мероприятий, направленных на установление места нахождения осужденного. Соответственно, если УИИ провела ПРМ в полном объеме и представила материалы с их результатами, подразделения ФСИН России, осуществляющие розыск, в своих материалах указывают, что осужденный не обнаружен. Таким образом, имеются все основания полагать, что место нахождения осужденного не установлено и осужденный от наказания уклонился. На следующем этапе исследуются материалы об установлении причин такого уклонения.

Факты изменения места нахождения осужденным, которые могут быть связаны со сменой места работы, могут быть установлены из материалов с места работы осужденного. Установлению места жительства осужденного может поспособствовать информация о его

регистрации порядком, установленным законодательством Российской Федерации, либо ее отсутствие. Факт нахождения осужденного на излечении устанавливается из материалов медицинских учреждений, имеющих стационары, о том, что осужденный жив, свидетельствует информация из органов ЗАГС. Возможность установить факт задержания предоставляют проверки по соответствующим учетам правоохранительных структур. При отсутствии в материалах ПРМ информации, подтверждающей уважительную причину отсутствия осужденного по месту проживания, можно полагать, что осужденный к ЗЗД в целях уклонения от наказания скрывается.

Исполнение ЗЗД в отношении осужденных иностранцев и осужденных граждан Российской Федерации, выехавших за ее пределы, требует отдельного внимания. Осуществление контрольных мероприятий и привлечение данных осужденных к отбыванию ЗЗД еще больше осложняются при их выезде или вывороте за пределы Российской Федерации. Факт выезда осужденного из России устанавливается в период проведения ПРМ. Однако установление такого факта свидетельствует о том, что его конкретное местонахождение неизвестно и имеется лишь предположение, на территории какого государства он может находиться.

При этом государство, на чью территорию выехал осужденный, будет его разыскивать (в соответствии с Конвенцией СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам) лишь в случаях:

- получения запроса о выдаче (ст. 68);
- поручения об осуществлении розыска, когда выдача невозможна (ст. 69).

Розыск осужденных, выехавших на свою историческую родину, производиться не будет, так как запрещена выдача своих граждан (ст. 89).

Ратификация Европейской конвенции о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями (1964), Правил Совета Европы о probationi (2010) в связи с вышеизложенным является необходимой.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством УИИ проводит ПРМ в отношении скрывшихся осужденных условно либо к обязательным и исправительным работам, ограничению свободы, а также с отсрочкой отбывания наказания и условно осужденных. В отношении осужденных к ЗЗД такая обязанность законодательством не предусмотрена. В связи с чем в статье обосновывается необходимость закрепления этой обязанности УИИ в ст. 37 УИК РФ.

Предлагается закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве еще одну цель проведения УИИ ПРМ – установление того, что осужденный скрылся, и факта уклонения от наказания. Также имеется необходимость закрепления в УИК РФ норм по розыску осужденных к ЗЗД, их задержания до 48 часов и при необходимости продления этого срока до 30 суток.

В целях надлежащего исполнения мер уголовно-правового характера и наказаний, без изоляции от общества осужденных, скрывшихся за пределами РФ,

необходима скорейшая ратификация Европейской конвенции о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями и Правил Совета Европы о probation.

Реализация указанных предложений, как представляется, является логичным и последовательным продолжением государственной политики по гуманизации

уголовного законодательства, отвечает интересам общества и дальнейшего развития Российской Федерации, представляет собой баланс интересов государства и общества в части соблюдения принципа неотвратимости наказания и создания прогрессивной системы наказаний, позволяющей минимизировать отрицательные результаты от совершенных преступлений.

Список источников

1. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 95–100. doi: 10.17223/22253513/16/11
2. Бородина А.М., Дворянсков И.В. Уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемы предупреждения и регламентации ответственности // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 4. С. 428–434. doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4) 428-434
3. Суходолов А.П., Маренко В.А., Бычкова А.М. Когнитивная модель «распространение наркомании» // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 535–546. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).535-546
4. Елинский В.И., Федоров Р.В., Жиров Р.М. Происхождение отдельных оперативно-розыскных терминов (историко-этимологический подход) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 239–246. doi: 10.17223/15617793/460/29.

References

1. Ol'khovik, N.V. (2015) Recidivism among the convicts deprived of the right to hold specific posts or to engage in specific activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal. Law*. 2 (16). pp. 95–100. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/16/11
2. Borodina, A.M. & Dvoryanskov, I.V. (2019) Evasion of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities: problems of prevention and regulation of liability. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 4 (27). pp. 428–434. (In Russian). DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4) 428-434
3. Sukhodolov, A.P., Marenko, V.A. & Bychkova, A.M. (2019) A cognitive model of the “spread of drug abuse”. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 4 (13). pp. 535–546. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).535-546
4. Elinskiy, V.I., Fedorov, R.V. & Zhirov, R.M. (2020) The origin of certain operational search terms (a historical-etymological approach). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 239–246. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/29

Информация об авторах:

Ольховик Н.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Малетина Е.А. – начальник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: maletina-kat@mail.ru

Питкевич Л.П. – научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: lida-19832008@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Olkhovik, Cand. Sci. (Law), associate professor, head of the Department of Criminal Law of the Law Institute, National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

E.A. Maletina, head of Research Center-2, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: maletina-kat@mail.ru

L.P. Pitkevich, researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: lida-19832008@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.847

doi: 10.17223/23088451/19/14

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Александр Сергеевич Ткач

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, alexandertkach01@gmail.com

Аннотация. Развитие рыночной экономики в постсоветской России привнесло новые организационно-правовые формы занятости: индивидуальное предпринимательство и самозанятость; широко распространенной стала работа по совместительству и в условиях неполного рабочего дня. Проанализированы проблемы порядка исчисления срока наказания в виде исправительных работ применительно к новым реалиям, предложены способы их разрешения.

Ключевые слова: исправительные работы, порядок исчисления исправительных работ, самозанятый, индивидуальный предприниматель

Для цитирования: Ткач А.С. Некоторые особенности исчисления срока исправительных работ в новой социально-экономической реальности // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 78–82. doi: 10.17223/23088451/19/14

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/14

SOME FEATURES OF THE CALCULATION OF THE TERM OF CORRECTIONAL LABOUR IN THE NEW SOCIOECONOMIC REALITY

Aleksandr S. Tkach

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, alexandertkach01@gmail.com

Abstract. The development of a market economy in post-Soviet Russia has introduced new organizational and legal forms of employment: individual entrepreneurship and self-employment; bywork and part-time work became widespread. The author considers the problems of the procedure for calculating the term of punishment in the form of correctional labour in relation to new realities and suggests ways to resolve them; analyses the impact of socioeconomic changes, including the emergence of new forms of employment in modern Russia, on the possibility of executing a criminal penalty in the form of corrective labour; proposes methods for calculating the term of the served sentence for such subjects of market activity as self-employed people and individual entrepreneurs. The author discusses the issues of the execution of correctional labour both in relation to persons doing bywork and those working part-time and overtime. Taking into account the peculiarities of the organization of labour relations, the procedure for recording working time and calculating the taxable base, the author proposes methods for calculating the period of corrective labour in the new economic realities.

Keywords: correctional labour, procedure for calculating correctional labour term, self-employed, individual entrepreneur

For citation: Tkach, A.S. (2022) Some features of the calculation of the period of correctional labour in the new socio-economic reality. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 78–82. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/14

Согласно ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), исправительные работы назначаются от 2 месяцев до 2 лет. В это время лицо либо продолжает трудиться по основному месту работы, либо в случае отсутствия такового направляется уголовно-исполнительной инспекцией для трудоустройства в места, определяемые органами местного самоуправления. При этом из заработной платы осужденного в пользу государства производятся удержания от 5 до 20%.

Истоки данных положений имеют начало в советское время (условия плановой экономики, отсутствие

безработицы, частных предприятий). По прошествии трех десятилетий ситуация изменилась, многие лица трудятся неполный рабочий день, по совместительству, имея различные «подработки». Появились такие организационно-правовые формы занятости, как индивидуальные предприниматели и самозанятые граждане. В этой связи возникает вопрос об особенностях исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ.

В соответствии с ч. 2 ст. 39 Уголовно-исправительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)

осужденные к исправительным работам направляются уголовно-исполнительными инспекциями для отбывания наказания не позднее 30 дней со дня поступления в инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления). Однако на практике фактически невозможно привлечь осужденного к отбыванию наказания, если у него отсутствуют документы, указанные в Трудовом кодексе Российской Федерации (ТК РФ): паспорт, страховой номер индивидуального пенсионного счета, медицинская книжка. В связи с этим ст. 39 УИК РФ целесообразно дополнить ч. 2.1, закрепляющей право уголовно-исполнительной инспекции в случае необходимости сбора документов для трудоустройства продлить срок направления осужденного для отбывания исправительных работ до 45 календарных дней либо в ч. 2 ст. 39 УИК РФ заменить «30 дней» на «30 рабочих дней». Кроме того, следует согласиться с Л.Н. Тарабуевым, предлагаям признавать осужденного, затягивающего получение необходимых документов, злостно уклоняющимся от отбывания наказания [1. С. 223].

Помимо этого, в ч. 1 ст. 43 УИК РФ не определен срок уведомления администрацией организации, где работает осужденный к исправительным работам, инспекции об уклонении лица от отбывания наказания. Хотя обязанность у администрации есть, но срока, обеспечивающего ее исполнение, нет. В этой связи установить данный срок - не позднее трех дней.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 46 УИК РФ, нарушением порядка и условий отбывания осужденным исправительных работ является неявка на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания инспекции. Данное положение также следует уточнить: «в течение пяти рабочих дней», тем самым исключая выходные и праздники. Кроме того, согласно правилам их исчисления, полагаем необходимым производить расчет срока не со дня выдачи предписания, а со следующего рабочего дня. Таким образом, исходя из вышесказанного, у осужденного фактически будет 35 дней со дня постановки на учет в уголовно-исполнительную инспекцию, в течение которых он должен будет трудоустроиться.

По обобщенному мнению В.И. Аммосовой, необходимо закрепить возможность самостоятельного либо при посредничестве государственных органов занятости населения трудоустройства на работу осужденных к исправительным работам, не имеющих постоянного места работы, не ограничиваясь лишь перечнем мест, определенным органами местного самоуправления, как это сделано в уголовно-исполнительном законодательстве республик Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и др. [2. С. 11–12].

Согласно закону, лицо, не имеющее места работы, направляется в места, определяемые органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, расположенные в районе места жительства осужденного. В России ныне допустимо «двухуровневое» строение муниципальных образований, когда одно муниципальное образование – муниципальный район или город, включает другие му-

ниципальные образования – сельские поселения или внутригородские районы, при этом до 2025 г. идет переходный период, связанный с появлением муниципальных округов. В связи с этим может возникнуть вопрос – что является местом жительства? О.Н. Уваров полагает, что «районом места жительства осужденного, по общему правилу, является муниципальный район или городской округ (район)» [3. С. 47–48]. Данный подход, с добавлением к нему «муниципального округа», оправдан в связи с тем, что в небольших сельских поселениях могут отсутствовать возможности для трудоустройства. Целесообразно предоставлять право осужденному трудоустроиться и за пределами муниципального образования по согласованию с инспекцией. Например, если лицо проживает в Томском районе, а трудоустроился в г. Томске.

В соответствии со ст. 42 УИК РФ срок исправительных работ исчисляется в месяцах и годах, в течение которых осужденный работал и из его заработной платы производились удержания. В каждом месяце количество отработанных дней должно быть не меньше количества рабочих дней, приходящихся на данный месяц. Если осужденный не отработал все рабочие дни в течение месяца и нет оснований для зачета неотработанных дней в срок наказания, то отбывание исправительных работ продолжается до полной отработки осужденным положенного количества рабочих дней. При суммарном учете рабочего времени необходимо отработать установленное количество рабочих часов за учетный период.

Ни уголовно-исполнительное, ни трудовое законодательство не устанавливают, что исправительные работы являются основанием для заключения срочного трудового договора. Полагаем, что трудовой договор с осужденным должен заключаться не на определенный срок (например, на 2 года), а до полной отработки положенного количества рабочих дней, так как в противном случае возможно истечение срока трудового договора до полного отбытия наказания. Альтернативным вариантом является закрепление в ТК РФ такого основания для расторжения бессрочного трудового договора, как отбытие срока наказания.

Таким образом, существуют два условия исполнения наказания: 1) осужденный должен отработать все установленное для него рабочее время; 2) из его доходов в пользу государства должны производиться удержания.

В этой связи ключевыми вопросами будут следующие: что считать полной «отработкой» одного рабочего дня, и из каких доходов производить удержания. При классической схеме трудоустройства (восьмичасовой рабочий день при пятидневной рабочей неделе), подобных вопросов возникать не должно, но современный рынок труда и формы трудовой занятости вносят свои коррективы.

Согласно ст. 44 УИК РФ, удержания производятся из заработной платы по основному месту работы осужденного за каждый отработанный месяц при выплате заработной платы, независимо от наличия к нему претензий по исполнительным документам. Удержания не

производятся из пособий, получаемых осужденным в порядке социального страхования и социального обеспечения, из выплат единовременного характера, за исключением ежемесячных страховых выплат по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Таким образом, выплата «больничных» из Фонда обязательного медицинского страхования РФ не облагается удержаниями, в связи с чем время болезни не будет включаться в срок отбытого наказания.

Но как быть, если работник также работает сверхурочно либо по совместительству, при совмещении профессий (должностей), расширении зон обслуживания, увеличении объема работы, при исполнении обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от основной работы? К примеру, в связи с отсутствием возможности полноценного трудоустройства, работник может быть трудоустроен на половину нормальной продолжительности рабочего времени (0,5 ставки) или даже меньше по основному месту работы, а также иметь расширение сферы обслуживания по основному месту работы с доплатой в размере определенной части ставки, кроме того, работать по совместительству на 0,1–0,5 ставки.

Согласно действующему законодательству, удержания производятся по основному месту работы осужденного. Основное место работы обозначается в трудовом договоре, там же хранится и трудовая книжка работника. По мнению О.Н. Уварова, законодатель, в целях надлежащего исполнения наказания, имел в виду трудоустройство на полный рабочий день [3. С. 48]. Вместе с тем если работник уже занят на полный рабочий день, но в целях улучшения своего материального положения решил увеличить свою трудовую нагрузку, работать сверхурочно либо по внешнему совместительству (за пределами установленной продолжительности рабочего времени), справедливым будет не производить удержаний из сумм оплаты за такую работу.

Следующий вопрос – как быть с работниками, чья оплата труда зависит от количества смен или часов, которые они возьмутся отработать. К примеру, таксист за месяц отработал 83 часа, с оплаты за которые были произведены удержания. Можно ли считать, что он отбыл 1 месяц исправительных работ? – Полагаем, что нет, так как 83 часа – это 10 рабочих дней и 3 часа. Тогда при расчете количества неотработанных дней расчет необходимо будет производить в часах либо же вообще не засчитывать 3 часа как день, когда он полностью не работал.

Законом также не урегулирована ситуация, когда осужденный отработал установленное время, но работодатель не выплатил ему заработную плату в связи с экономической ситуацией, банкротством. Полагаем, что в таком случае справедливо, несмотря на отсутствие удержаний, отработанное время засчитать в срок отбытого наказания.

Не менее интересен вопрос, касающийся индивидуальных предпринимателей и самозанятых. В России около 3 млн индивидуальных предпринимателей и около 3,6 млн самозанятых граждан (фотографы, репе-

титоры, строители, перевозчики и пр.). Особенностью, связанной с отбыванием исправительных работ предпринимателями, является то, что для них отсутствует необходимость учета отработанного времени, они сами устанавливают для себя продолжительность рабочего дня, а фактически работают ненормированно, с гибким графиком, в выходные. Каков допустимый объем удержаний с доходов, полученных в результате такой деятельности? Отметим, что процедура удержаний в данном случае во многом определяется налоговым законодательством. Следует ли производить удержания с налогооблагаемой базы или с доходов? Обратим внимание, что предприниматели, в отличие от физических лиц, могут уменьшать налогооблагаемую базу в зависимости от типа налогообложения. К примеру, упрощенная система налогообложения существует в двух разновидностях: налог в размере 6% с доходов либо в размере 15% с суммы доходов, уменьшенной на размер расходов. То есть налогооблагаемая база может быть уменьшена. Исходя из этого, считаем более оправданным рассчитывать процент удержаний из налогооблагаемой базы, а не из доходов. В то же время возможны злоупотребления со стороны предпринимателей, «занижающих» налогооблагаемую базу или принимающих оплату наличными «мимо кассы». В данном случае для зачета в срок отбытого наказания следует ориентироваться на минимальный размер оплаты труда с учетом районного коэффициента. Тогда если налогооблагаемая база в расчете на один месяц получилась меньше минимального размера оплаты труда, отбытый срок наказания необходимо рассчитывать пропорционально рабочим дням (при пятидневной рабочей неделе) и считать оставшийся срок не отбытым. Аналогичный расчет поможет и в случае, если на момент вынесения приговора лицо было безработным, а после зарегистрировалось в качестве индивидуального предпринимателя.

Кроме того, нужно иметь в виду, что в отличие от физических лиц, работающих по трудовому договору, индивидуальные предприниматели не подают данные о размере налогооблагаемой базы ежемесячно. Объем доходов таких лиц Федеральная налоговая служба (ФНС) РФ может отслеживать благодаря контрольно-кассовой технике, в то время как определить ежемесячную налогооблагаемую базу не представляется возможным. Думается, что в данном случае следует опираться на режим налогообложения. Например, если при упрощенной системе налогообложения необходимо производить авансовые платежи ежеквартально, а налог уплачивать по итогам года, то удержания индивидуальный предприниматель должен будет производить ежеквартально. Кроме того, по итогам года ФНС РФ проверяет налоговую декларацию индивидуального предпринимателя, в связи с чем уголовно-исполнительная инспекция может взаимодействовать с ней в целях проверки правильности исчисления налогооблагаемой базы, а следовательно – размера удержаний.

Обратим также внимание на патентную систему налогообложения. Ее суть заключается в том, что по определенным видам деятельности в целях налогооб-

ложения определяется предполагаемый годовой доход, который умножается на ставку налога. Результатом является стоимость патента, который приобретает индивидуальный предприниматель. Представление налоговой декларации здесь не предусмотрено (ст. 346.52 Налогового кодекса Российской Федерации). Таким образом, размер реальной налогооблагаемой базы неизвестен. В целях надлежащего исполнения исправительных работ есть два пути: 1) взять удержания исходя из суммы предполагаемого дохода, разделив его на двенадцать месяцев; 2) использовать сведения ФНС РФ, полученные из данных контрольно-кассовой техники или банков о движении средств по счетам, оформленным на индивидуального предпринимателя.

Обратимся к другой категории лиц – самозанятым, которые самостоятельно формируют чеки в приложении «Мой налог» и после оплаты передают их заказчику различными способами: по электронной почте, в мессенджере или в печатном виде при встрече. Таким образом, удержания в пользу государства самозанятый должен производить лично исходя из размера доходов за месяц. Уголовно-исполнительная инспекция может проверить рассчитанный размер доходов посредством взаимодействия с органами ФНС РФ.

Следующее касается отпуска. В соответствии со ст. 40 УИК РФ осужденным полагается отпуск в размере 18 рабочих дней. Производить ли удержания с отпускных и засчитывать ли время отпуска в отбываемый срок наказания? Для ответа обратимся к трудовому законодательству. В соответствии со ст. 114 ТК РФ работникам предоставляются ежегодные отпуска с сохранением места работы (должности) и среднего заработка. Таким образом, отпускные – это средняя заработная плата, следовательно, из нее также надлежит производить удержания. При этом условия время отпуска включается в срок отбываемого наказания.

Между тем помимо основного отпуска имеются и дополнительные, которые предоставляются работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, работникам, имеющим особый характер работы, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, работникам с ненормированным рабочим днем, а также в других случаях, предусмотренных законом (ст. 116 ТК РФ). Кроме того, работодатели могут самостоятельно устанавливать дополнительные отпуска для работников. По мнению ряда ученых, норма УИК РФ, устанавливающая сокращенный 18-дневный отпуск для осужденных, является императивной, тем самым дополнительные дни отпуска осужденным не предоставляются [4. С. 33]. Таким образом, предоставление им дополнительных отпусков противоречит закону, выплата сред-

него заработка за дополнительный отпуск производиться не должна, а следовательно, и удержания в доход государства тоже. Отпуск «без содержания» также не предполагает выплат, а, следовательно, не засчитывается в срок отбываемого наказания. В данном случае дни такого отпуска переносятся до полной отработки осужденным установленного количества рабочих дней. Например, если осужденный приступил к отбыванию 1 года исправительных работ 18 ноября 2021 г., так как срок наказания исчисляется в месяцах и годах, он истечет 17 ноября 2022 г. Если осужденный с 18 ноября 2021 г. по 17 ноября 2022 г. отработал меньшее количество рабочих дней, чем было установлено на данный период, то после 17 ноября 2022 г. осужденный продолжит обрабатывать не отработанные ранее рабочие дни.

Обратим внимание, что законодатель в качестве заменяющих более строгих видов наказаний для исправительных работ предусматривает только принудительные работы или лишение свободы (ст. 50 УК РФ). Установлена следующая пропорция: один день принудительных работ или лишения свободы за три дня исправительных работ. Если произвести расчеты, то от 2 месяцев до 2 лет будет заменено на от 20 до 243 дней (чуть больше 8 месяцев). Как отмечают ученые, данная пропорция не дает должного исправительного эффекта [5. С. 20]. Полагаем, что подход советского законодателя был более оправданным и стоит рассмотреть возможности возвращения к пропорции 1 : 1. Согласно ст. 28 УК РСФСР 1960 г., «в случае злостного уклонения от отбывания наказания лица, осужденного к исправительным работам без лишения свободы, суд может заменить неотбытый срок исправительных работ наказанием в виде лишения свободы на тот же срок».

Кроме того, Э.С. Рахмаев предлагает установить минимальный срок этого наказания в 6 месяцев [5. С. 21]. Считаем такое предложение оправданным. К примеру, в Томской области за январь–сентябрь 2021 г. средняя заработная плата составила 49 187 руб. [6]. Таким образом, при назначении исправительных работ сроком на 2 месяца с максимальным объемом удержаний (20%), размер удержаний составит: $49\,187 \times 0,2 \times 2 = 19\,674$ руб. Такое краткосрочное наказание с небольшим объемом удержаний не станет эффективным.

Вместе с тем согласимся с позицией ученых, что условно-досрочное освобождение от исправительных работ, существовавшее в советский период, является актуальным и в наши дни [7. С. 21]. Поэтому следует установить, что по общему правилу, за исключением ряда преступлений, для применения условно-досрочного освобождения осужденный должен отбыть не менее половины срока назначенного наказания.

Список источников

1. *Тарабуев Л.Н.* Некоторые вопросы организации исполнения исправительных работ в отношении осужденных, не имевших места работы до осуждения // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития : материалы конф. Псков, 2019. С. 222–225.
2. *Аммосова В.И.* Исправительные работы в России и других странах – участницах Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 214 с.
3. *Уваров О.Н.* К вопросу об исполнении исправительных работ // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 47–52.

4. Дворянсков И.В. Проблемы исчисления срока наказания в виде исправительных работ и производства удержания из заработной платы осужденного в доход государства // Законность и правопорядок. 2019. № 2. С. 32–34.
5. Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 26 с.
6. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций Томской области. URL: [https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ%20НОМИНАЛЬНАЯ%20НАЧИСЛЕННАЯ%20ЗАРАБОТНАЯ%20ПЛАТА\(4\).pdf](https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ%20НОМИНАЛЬНАЯ%20НАЧИСЛЕННАЯ%20ЗАРАБОТНАЯ%20ПЛАТА(4).pdf) (дата обращения: 09.04.2022).
7. Шабанкова О.П. Социально-правовые проблемы исполнения наказания в виде исправительных работ : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 27 с.

References

1. Tarabuev, L.N. (2019) [Some issues of the organization of the execution of correctional labour in relation to convicts who did not have a place of work before conviction]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya* [Penal Enforcement System: Realities and prospects of development]. Proceedings of International Conference. Pskov. 31 May 2019. Pskov: Pskovskiy filial Akademii prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy. pp. 222–225. (In Russian).
2. Ammosova, V.I. (2017) *Ispravitel'nye raboty v Rossii i drugikh stranakh – uchastnitsakh Sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Correctional work in Russia and other member countries of the Commonwealth of Independent States: comparative legal research]. Law Cand. Diss. Ryazan.
3. Uvarov, O.N. (2014) On correctional labour performance. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (4). pp. 47–52. (In Russian).
4. Dvoryanskov, I.V. (2019) Problems of calculating the term of punishment in the form of correctional labour and wage deduction of the convict in favor of the state. *Zakonnost' i pravoporyadok – Legality and Legal Order*. 2 (22). pp. 32–34. (In Russian).
5. Rakhmaev, E.S. (2005) *Ispravitel'nye raboty kak vid ugovornogo nakazaniya* [Correctional labour as a type of criminal punishment]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
6. Tomskstat. (n.d.) *Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov organizatsiy Tomskoy oblasti* [The average monthly nominal accrued salary of employees of the Tomsk region organizations]. [Online] Available from: [https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/SREDNEMESYACHNAYA%20NOMINAL'NAYA%20NACHISLENNAYA%20ZARABOTNAYA%20PLATA\(4\).pdf](https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/SREDNEMESYACHNAYA%20NOMINAL'NAYA%20NACHISLENNAYA%20ZARABOTNAYA%20PLATA(4).pdf). (Accessed: 9th April 2022).
7. Shabankova, O.P. (2004) *Sotsial'no-pravovye problemy ispolneniya nakazaniya v vide ispravitel'nykh rabot* [Socio-legal problems of execution of punishment in the form of correctional labour]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.

Информация об авторе:

Ткач А.С. – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexandertkach01@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Tkach, postgraduate student, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandertkach01@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/15

ДОПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОБАЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРОБАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Олег Николаевич Уваров¹, Андрей Филиппович Любарский²

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

² Томский сельскохозяйственный институт – филиал Новосибирского государственного аграрного университета, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. Создание и развитие в Российской Федерации эффективной системы пробации предусматривают, прежде всего, возложение соответствующих полномочий на уголовно-исполнительные инспекции в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, в первую очередь, освобожденным от отбывания наказания и осужденным к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества.

Ключевые слова: пробация, допениitenciарная пробация, наказания, не связанные с лишением свободы

Для цитирования: Уваров О.Н., Любарский А.Ф. Допениitenciарная пробация в системе пробации Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 83–86. doi: 10.17223/23088451/19/15

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/15

PRE-PENITENTIARY PROBATION IN THE PROBATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Oleg N. Uvarov¹, Andrey F. Lyubarsky²

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

² Tomsk Agricultural Institute – Branch of Novosibirsk State Agrarian University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. The establishment and development of an effective probation system in the Russian Federation provides for the assignment to penal inspectorates of appropriate powers: assistance in matters of employment, housing, psychological and legal support to persons – primarily those released from serving the sentence and those serving non-custodial sentences. With regard to criminal procedural activity, it is possible to single out norms, enshrined in criminal and criminal procedural legislation, that can be called harbingers of conciliation procedures in the Russian criminal process. These are norms providing for: the possibility of reconciliation between the victim and the accused; exemption from criminal liability; termination of the criminal case due to reconciliation with the victim; and norms applied in criminal proceedings against minors and providing for release in connection with the application of coercive measures of educational influence. A number of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation directly provide for the need to explain to the parties the right to reconciliation. The author sees some of the characteristics inherent in conciliation procedures in the fast-track forms of investigation: recognition by the suspect of their guilt, the nature and extent of the harm caused by the crime, agreement with the legal wording of the act; consent of the victim to the use of fast-track investigation procedures. The author stresses that, in criminal proceedings and for the purposes of criminal proceedings, the probation service cannot use mediation technologies: this is interference in a different area. It seems that attempts to “introduce” the probation service directly into crimes investigation or litigation are groundless and inappropriate. At the same time, researchers of this issue note the positive effect of using mediation technologies in working with convicts in penal activities. Mediators assist penal inspectors in working with juvenile offenders and their families. Their job is to advise on resolving conflicts and interpersonal problems, help build relationships with relatives, and teach socially beneficial interaction skills.

Keywords: probation, pre-penitentiary probation, non-custodial sentences

For citation: Uvarov, O.N. & Lyubarsky, A.F. (2022) Pre-penitentiary probation in the probation system of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 83–86. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/15

Создание и развитие в Российской Федерации эффективной системы пробации предусматривает, прежде всего, возложение соответствующих полномочий на уголовно-исполнительные инспекции в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, в первую очередь, освобожденным от отбывания наказания и осужденным к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества [1].

Уже в следующем году в нашей стране появится новая структура – служба пробации. О том, что такая организация необходима, Президент Российской Федерации В.В. Путин говорил 31 января 2022 г. на встрече с министром юстиции К.А. Чуйченко. Создать соответствующую службу, которая будет на системной основе готовить людей к выходу на свободу, заниматься их социальной адаптацией, ресоциализацией и последующей реабилитацией, планируется в рамках структуры Федеральной службы исполнения наказаний России. Причем делаться это будет на основании индивидуальной программы, которая предполагается сроком около года. И это будет не обязанностью, а правом осужденного, т.е. вся эта система заработает только в том случае, если он будет на это согласен [2].

Следует отметить, что в различных источниках существуют разные дефиниции, определяющие то, в каких формах пробация должна реализовываться. Однако, учитывая состоявшиеся концептуальные решения, связанные со службой пробации, к таким формам можно отнести:

- допенициарную пробацию (до назначения наказания);
- пенициарную пробацию (связанную с наказанием);
- постпенициарную пробацию (после отбытия наказания) [3].

В состав допенициарной пробации включают:

- досудебную пробацию (оказание разнообразной квалифицированной помощи подозреваемому); судебную пробацию (обеспечение справедливого ведения судебного разбирательства);
- досудебные функции (предоставление суду необходимой информации о личности подсудимого и помощь суду в вынесении оптимального приговора по делу) [4];
- подготовку отчетов о социальной ситуации правонарушителя: по заказу органов следствия, суда и прокуратуры, а также по запросу суда при рассмотрении вопроса о его условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы [5]; предоставление суду независимого доклада о социальной опасности обвиняемого, на основании чего может быть решен вопрос об избрании вида наказания, меры пресечения, а также рассмотрено заявления осужденного об условно-досрочном освобождении [6. С. 10];
- медиацию [5].

Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что такие функции, как «оказание разнообразной квалифицированной помощи подозреваемому» и «обеспечение справедливого ведения судебного разби-

рательства», лежат в любом случае вне плоскости компетенции органов пробации, так как прямо относятся к деятельности адвокатуры, следствия, прокуратуры и, наконец, суда. А пробация, в свою очередь, не призвана заменять эти органы. «Предоставление суду необходимой информации о личности подсудимого и помощь суду в вынесении оптимального приговора по делу» представляется более приемлемым для организации деятельности пробации. Однако, как представляется, реализация идеи «социального доклада» чревата бюрократизацией уголовно-исполнительных инспекций и недостаточно информативным уровнем предполагаемых «социальных докладов». Также их соответствие действительности вызывает сомнение в связи с обладанием их выводов весьма высоким уровнем вероятностного содержания. Здесь вопрос решается о предстоящем поведении осужденного, а это уже влияет на наказание: лишение свободы или альтернатива [7].

На наш взгляд, допенициарная форма пробации должна выполнять следующие функции:

- обеспечивать контроль за всеми мерами пресечения (за исключением содержания под стражей);
- предоставлять суду информацию о поведении подсудимого в период нахождения под контролем (что будет дополнять информацию о личности подсудимого, предоставляемую суду для вынесения оптимального приговора по делу);
- направлять в суд представления на изменение меры пресечения в связи с поведением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (эта функция должна реализовываться без участия следствия или дознания);
- «доклад о социальном прогнозе поведения осужденного».

Концепция восстановительного правосудия (медиация) может рассматриваться как концепция, дополняющая и усовершенствующая современное уголовное судопроизводство, поскольку она предполагает достижение целей, которые не всегда успешно реализуются в рамках традиционного уголовного процесса [8. С. 12]:

- 1) восстановление общественных отношений, нарушенных противоправным деянием;
- 2) осуждение противоправных поступков и воспитание уважения к общепринятым моральным нормам и ценностям;
- 3) помощь и поддержка лиц, которым противоправным деянием причинен вред, удовлетворение их интересов и потребностей;
- 4) содействие лицу, совершившему деяние, в осознании его последствий и в принятии на себя ответственности за них;
- 5) выявление восстановительного эффекта наказания;
- 6) реинтеграция лиц, совершивших противоправное деяние, в общество и предотвращение рецидива;
- 7) выявление причин преступности.

Использование медиации основано на иной уголовной парадигме, где, в отличие от карательно-воспитательной, основной интенцией является компенсационное содержание. То есть во главе угла находится идея не исправления осужденного, а восстановление

нарушенного общественного отношения, возмещение ущерба нарушенному благу. За рубежом в уголовном судопроизводстве различают три модели медиации (посредничества). В первом случае медиация является частью системы уголовного правосудия. Во втором медиация заменяет процедуру правосудия. В третьей модели программа медиации используется в процедуре уголовного правосудия как дополнительное средство, часто после окончания суда [9. С. 18–21].

Обычно медиация считается пригодной для разрешения частнопубличных конфликтов. Даже в гражданских правоотношениях конфликты, затрагивающие публичный интерес, остаются за рамками отечественного закона о медиации (хотя в странах с развитыми практиками альтернативного разрешения споров медиация применяется и при разрешении конфликтов между гражданами и государственными органами). Понятие же уголовно-правового конфликта, которое используется в литературе при обсуждении медиации по уголовным делам, предполагает рассмотрение довольно сложной конфигурации позиций и структуры взаимоотношений и правоотношений. Определение уголовно-правового конфликта как «столкновения биполярных интересов лица, совершившего преступление (с одной стороны), и потерпевшего, общества, государства (с другой стороны) в сфере гарантирования и реализации общественных отношений, охраняемых уголовным законом» представляется некоторым упрощением. Не всегда интересы потерпевшего и государства совпадают. Как относящийся к сфере публичного права уголовно-правовой конфликт означает (за исключением ограниченного перечня дел частного обвинения) конфликт лица, виновного в совершении преступления, с государством. Соответственно, уголовно-процессуальное право устанавливает правоотношения каждой из сторон с государством, «горизонтальных» правоотношений между обвиняемым и потерпевшим нет. При этом, правда, разрешение конфликта виновного с государством (относящегося к сфере публичного права) предусматривает не только карательные меры, но и поощрительные, предлагаемые в нормах об освобождении от уголовной ответственности и в примечаниях к ряду норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве обвиняемого с государством. Наличие таких норм свидетельствует о признании государством ценности позитивного посткриминального поведения обвиняемого как по отношению к потерпевшему (извинение, заглаживание вреда), так и по отношению к государству – помощь в раскрытии сложных групповых уголовных дел или своего рода «примирение с государством» [10].

Применительно к уголовно-процессуальной деятельности можно выделить нормы, закрепленные в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, которые можно назвать предвестниками примирительных процедур в российском уголовном процессе. Это нормы, предусматривающие возможность примирения потерпевшего с обвиняемым; освобождение от уголовной ответственности; прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим; а также нормы, применяемые при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и предусматривающие освобождение в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Ряд норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прямо предусматривает необходимость разъяснения сторонам права на примирение. Некоторые характеристики, свойственные восстановительным процедурам, усматриваются нами и в сокращенных формах расследования: признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, согласие с юридической формулировкой деяния; согласие потерпевшего на применение сокращенных процедур расследования [10].

Следует подчеркнуть, что в процессе уголовного судопроизводства и в целях уголовного судопроизводства медиативные технологии со стороны службы пробации применяться не могут – это вмешательство «не в свою сферу». Представляется, что попытки «внедрения» службы пробации непосредственно в процесс расследования преступлений или судебное разбирательство безосновательны и нецелесообразны. Вместе с тем исследователи данного вопроса отмечают положительный эффект использования медиативных технологий в работе с осужденными в пенитенциарной деятельности. Медиаторы оказывают помощь специалистам уголовно-исполнительных инспекций в работе с несовершеннолетними нарушителями, а также их семьями. Их работа состоит в консультировании по опросам разрешения конфликтов и межличностных проблем, помощи в налаживании взаимоотношений с родственниками, обучению «навыкам социально-полезного взаимодействия» [11].

Представляется, что как раз в этом и должны реализовывать себя медиаторы службы пробации:

- разрешение конфликтов в семье;
- налаживание взаимоотношений с родственниками;
- привитие навыков социально полезного взаимодействия.

На стадии пенитенциарной и постпенитенциарной пробации все эти функции могут быть реализованы еще и во взаимоотношениях с трудовыми коллективами и соседями.

Список источников

1. *Распоряжение* Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2022).
2. *Совещание* по вопросам борьбы с пожарами. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.05.2022).
3. *Хуторская Н.Б.* Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 193 с.
4. *Ольховик Н.В.* Проблемы исполнения уголовных наказаний // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2 (16). С. 54–60.

5. Овчинникова Н.А. Перспективы формирования службы пробации в РФ: международно-правовой аспект // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 06–07 июня 2012 г. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. С. 379–384.
6. Сарафанникова Л.А. Институт пробации в РФ // Научно-практические исследования. 2020. № 11-5 (34). С. 10–12.
7. Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1 (3). С. 45–50.
8. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
9. Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М. : Центр содействия реформе уголовного правосудия, Penal Reform Intentional, 2004. 90 с.
10. Карнозова М.Л. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2015. 264 с.
11. Самолаева Е.Ю. О состоянии развития медиации и восстановительного правосудия в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 47–51.

References

1. Consultant Plus. (2021) *Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r "On the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030"*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 5th April 2022). (In Russian).
2. President of Russia. Presidential Executive Office. (2022) *Soveshchanie po voprosam bor'by s pozharami* [Meeting on fire fighting]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/68373>. (Accessed: 10th May 2022).
3. Khutorskaya, N.B. (1992) *Institut probatsii v SShA: ugolovno-pravovye, kriminologicheskie i organizatsionno-upravlencheskie aspekty* [Institution of Probation in the USA: criminal law, criminological and organizational and managerial aspects]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Ol'khovik, N.V. (2011) Issues of executing criminal punishment. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2 (16). pp. 54–60. (In Russian).
5. Ovchinnikova, N.A. (2012) [Prospects for the formation of a probation service in the Russian Federation: international legal aspect]. *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS* [Actual problems of the activity of the UIS units]. Proceedings of All-Russian Conference. Voronezh. 06–07 June 2012. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiiy tsentr "Nauchnaya kniga". pp. 379–384. (In Russian).
6. Sarafannikova, L.A. (2020) Institut probatsii v RF [Institution of Probation in the Russian Federation]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya*. 11–5 (34). pp. 10–12.
7. Utkin, V.A. (2012) European rules of probation and problems of their realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1 (3). pp. 45–50. (In Russian).
8. Arutyunyan, A.A. (2012) *Mediatsiya v ugovnom protsesse* [Mediation in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Dvoryanskov, I.V., Sergeeva, V.V. & Batalin, D.E. (2004) *Primenenie al'ternativnykh vidov nakazaniya v Zapadnoy Evrope, SShA i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [The Use of Alternative Forms of Punishment in Western Europe, the USA and Russia (comparative legal research)]. Moscow: ROO "Tsentr sodeystviya reforme ugovnogo pravosudiya", Penal Reform Intentional.
10. Karnozova, M.L. (2015) *Vvedenie v vosstanovitel'noe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie)* [Introduction to Restorative Justice (Mediation in response to a crime)]. Moscow: Prospekt.
11. Samolaeva, E.Yu. (2019) On the state of development of mediation and restorative justice in the Russian criminal process. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 5. pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10252

Информация об авторах:

Уваров О.Н. – доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Любарский А.Ф. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права Томского сельскохозяйственного института – филиала Новосибирского государственного аграрного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Uvarov, Cand. Sci. (Law), professor, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

A.F. Lyubarsky, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk Agricultural Institute – Branch of Novosibirsk State Agrarian University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/19/16

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Ренат Зинурович Усеев

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия, useev@rambler.ru

Аннотация. Перечень субъектов, обеспечивающих исполнение наказания в виде лишения свободы, не исчерпывается соответствующими учреждениями (ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). В состав субъектов, по мнению автора, входят также коллективные и индивидуальные субъекты. Уголовно-исполнительные правоприменительные действия в исправительных учреждениях подразделяются на три самостоятельные группы: 1) действия по установлению фактических обстоятельств дела; 2) действия, выражающие выбор и анализ юридических норм; 3) действия, из которых складывается решение юридического дела.

Ключевые слова: правосубъектность исправительных учреждений, правоприменительная деятельность исправительных учреждений, правоприменительные действия, администрация, акт применения права

Для цитирования: Усеев Р.З. К вопросу о правосубъектности и уголовно-исполнительных правоприменительных действиях исправительных учреждений // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 87–95. doi: 10.17223/23088451/19/16

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/16

ON LEGAL CAPACITY AND PENAL LAW ENFORCEMENT ACTIONS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Renat Z. Useev

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation, useev@rambler.ru

Abstract. The issues of correctional institutions' legal capacity and penal law enforcement activities remain insufficiently studied in the science of penal law. Since correctional institutions are complex social organizations, the composition of subjects providing for the execution of sentences of imprisonment is not limited to correctional institutions. According to the author, taking into account generic and specific concepts, subjects that ensure the execution of custodial sentences should be classified into collective and individual. Penal law enforcement actions in correctional institutions' law enforcement activities are classified into three groups: (1) actions to establish the factual circumstances of the case; (2) actions expressing the choice and analysis of legal norms; (3) actions that ground the resolution of a legal case. Taking into account the implementation of regulatory and protective penal legal relations, the application of each of these groups of actions has its own features.

Keywords: legal capacity of correctional institutions, law enforcement activity of correctional institutions, law enforcement actions, administration, administrative enactment

For citation: Useev, R.Z. (2022) On legal capacity and penal law enforcement actions of correctional institutions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 87–95. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/16

Вопросы правосубъектности и уголовно-исполнительных правоприменительных действий (УИПД) в исправительных учреждениях (ИУ) представляются общеизвестными и изученными. Наука уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права уже достаточно давно подвергла пристальному анализу систему и виды субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, а вместе с ними правоприменение (соответствующие процедуры) в уголовно-исполнительных правоотношениях. Вместе с тем представляется, что указанные вопросы исследованы лишь на обще-

теоретическом уровне. Причин этому мы видим несколько:

1. На протяжении четверти века (с 1997 г.) в центре внимания как уголовно-исполнительного законодательства РФ, так и науки уголовно-исполнительного права находятся правоотношения, связанные с исполнением новых видов уголовных наказаний, определенных Уголовным кодексом Российской Федерации 1997 г. Особый акцент исследователями и заинтересованными лицами сделан на лицах, претерпевающих по решению суда ограничения и лишения, их правовом

положении и вытекающими из этого явлениями, процессами и событиями. Сформировавшийся десятилетиями (до 1980–1990-х гг.) «голод» на все, что связано с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, в приоритетном порядке определил запрос на изучение и исследование проблем реализации их субъективных прав, свобод и законных интересов. В свою очередь, без внимания остается целый пласт знаний, связанных с правосубъектностью и правоприменительной деятельностью в ИУ.

2. Вопросы правосубъектности и особенно правоприменительной деятельности в своем содержании носят теоретико-прикладной характер. Правоприменительная деятельность состоит не только из теоретической начинки, но из системы процедурно-процессуальных форм, практическая реализация которых требует соответствующих знаний, умений, навыков и опыта у правоприменителя и исследователя (при изучении правосубъектности и правоприменительной деятельности). В связи с этим исследование проблем УИПД и правоприменительной деятельности в ИУ в целом требует необходимого объема понимания отношений и процессов, происходящих в практической плоскости деятельности мест лишения свободы.

3. Отдельные нормативно-правовые акты, напрямую связанные с вопросами правосубъектности и правоприменительными действиями, носят характер ограниченного пользования (например, в сфере надзора за осужденными, проведения обысков и досмотров в ИУ и т.д.), при этом, как представляется, не всегда обоснованно. Это может привести (приводит) к затруднению оценки правомерности и законности действий правоприменителя.

В целом же указанные позиции поддерживаются исследователями. Так, В.А. Уткин, изучая отдельные вопросы правосубъектности в ИУ, отмечает, что закон (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ)) «крайне скупо упоминает о «персонале» учреждений, исполняющих наказания. Закономерность либо системность в определении круга субъектов конкретных уголовно-исполнительных правоотношений в Кодексе и Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений отсутствует» [1. С. 95]. Сама же правоприменительная деятельность ИУ как сегмент уголовно-исполнительных правоотношений (не организационно-управленческих отношений) в общетеоретическом и прикладном виде не подвергалась комплексному исследованию с конца 1970-х гг. [2].

Виды субъектов уголовно-исполнительных правоприменительных действий в исправительных учреждениях. В настоящий момент круг субъектов, исполняющих наказания в виде лишения свободы, определен в ч. 9, 10 ст. 16 УИК РФ. Ими являются ИУ разных видов. Несмотря на то, что ст. 16 УИК РФ именуется как «Учреждения и органы, исполняющие наказания» (в нашем случае в виде лишения свободы), вряд ли уместно вести речь о том, что территориальный орган Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России и центральный аппарат ФСИН России являются субъектами, исполняющими наказания в виде лишения свободы. Их полномочия носят обеспечительный ха-

рактер процессу исполнения лишения свободы в (для) ИУ (например, ст. 75.1, 85 УИК РФ, п. 173 Правил внутреннего распорядка ИУ – далее ПВР ИУ). А подзаконная нормативно-правовая основа (например, Типовое положение о территориальном органе ФСИН России, утв. приказом Минюста России от 01.04.2015 № 77) вовсе о таком полномочии «органа, исполняющего наказания» (территориального органа ФСИН России) не упоминает. Что касается полномочий (прав и обязанностей) ИУ, то они уже почти 30 лет находят отражение в Законе РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон РФ № 5473-1) (ст. 13, 14). Их анализ показывает, что по своему содержанию они являются симбиозом уголовно-исполнительных и организационно-служебных правоотношений. В.Н. Орлов, изучая вопросы применения и отбывания уголовного наказания, в своем диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук отмечает, что представленная законодательная регламентация прав и обязанностей ИУ в ст. 13, 14 Закона № 5473-1 не способствует четкой законодательной регламентации порядка и условий исполнения наказания в виде лишения свободы, а также эффективной организации уголовно-исполнительной процедуры [3. С. 342]. В целом же, по его мнению, «ясное определение в законе прав, обязанностей и законных интересов субъектов исполнения наказания позволяет более осознанно исполнять те или иные виды наказаний, понимать, что надо сделать для достижения поставленных целей» [3. С. 342]. В связи с этим он предлагает дополнить УИК РФ ст. 74¹, обозначив в ней права, обязанности и законные интересы ИУ при исполнении наказаний в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы [3. С. 350–351].

В целом же ст. 16 УИК РФ приоритетно ориентирована на организации (учреждения и органы) как юридические лица. Данная норма закона не делает акцента на более мелких и конкретных субъектах, исполняющих наказания. Вместе с тем любое ИУ – это сложная социальная система, имеющая специфический набор компонентов – элементов данной системы [4. С. 7]. Последние представлены подразделениями (отделами, службами, отделениями и т.д.) и конкретными должностными лицами (инспекторами, оперуполномоченными, дежурными, начальниками отряда и т.д.). Функционально речь идет о коллективных и индивидуальных субъектах, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Коллективные, равно как и индивидуальные субъекты (должностные лица), исполняющие наказания в виде лишения свободы, в ст. 16 УИК РФ не представлены. Вместе с тем закон (УИК РФ) и ПВР ИУ коллективных субъектов, исполняющих наказания, преимущественно определяют родовым понятием «Администрация ИУ». В то же время Закон РФ № 5473-1, в большей степени определяя организационные основы деятельности ИУ, в качестве родового выражения для мест лишения свободы использует понятие «Персонал ИУ».

Индивидуальные субъекты (должностные лица), исполняющие наказания в ИУ, в уголовно-исполнительном законодательстве РФ применительно к конкретным общественным отношениям выражены уже в форме видовых понятий. Например, в УИК РФ, ПВР ИУ используются выражения «Начальник ИУ», «Начальник отряда», «Дежурный помощник начальника ИУ», «Ответственный по ИУ», «Младший инспектор» и т.д.

Формально ни УИК РФ, ни Закон РФ № 5473-1 не отражает в одной или нескольких нормах (статьях) четко установленный перечень обязанностей и прав коллективных и индивидуальных субъектов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. По смыслу закона (ч. 1. ст. 26 Закон РФ № 5473-1) он прямо делегирует полномочия (права и обязанности) от ИУ непосредственно сотрудникам уголовно-исполнительной системы в пределах их компетенции. Но выше мы уже отмечали, что полномочия ИУ сегодня – это совокупность уголовно-исполнительных и организационно-служебных правоотношений. В связи с этим В.А. Уткин, учитывая опыт применения Исполнительно-трудового кодекса РСФСР, международных стандартов и российского законодательства, а также в целях укрепления авторитета и социально-правовой защищенности конкретных сотрудников как субъектов уголовно-исполнительной деятельности, отмечает необходимость (в перспективе) урегулирования полномочий персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера в законе [1. С. 100].

Уголовно-исполнительные правоприменительные действия в исправительных учреждениях. Субъекты, исполняющие наказания в виде лишения свободы, естественным образом, равно как и иные субъекты уголовно-исполнительных правоотношений, реализуют право – воплощают в жизнь предписания правовых норм путем правомерного поведения [5. С. 195]. Теория права выделяет четыре формы реализации права (соблюдение, исполнение, использование, применение), где применение права (правоприменительная деятельность) занимает особое место. С.С. Алексеев отмечал, что правоприменительная деятельность фактически предстает в виде правоприменительных действий. Из них и складывается живая ткань применения права [6. С. 332].

Экстраполируя положения теории права о правоприменительных действиях на УИПД, следует выделить три их основных группы:

- 1) действия по установлению фактических обстоятельств дела;
- 2) действия, выражающие выбор и анализ юридических норм;
- 3) действия, из которых складывается решение юридического дела.

Все указанные выше группы УИПД соотносятся с теми или иными уголовно-исполнительными правоотношениями, имея при этом определенные особенности. Рассмотрим реализацию указанных групп УИПД с уче-

том базового деления всех уголовно-исполнительных правоотношений на регулятивные* и охранительные**.

1. *Действия по установлению фактических обстоятельств дела.* В данной группе УИПД устанавливается факт самого случая, события, к которому применяются юридические нормы [7. С. 539]. В случае реализации права осужденных к лишению свободы на передвижение без конвоя или сопровождения (регулятивное правоотношение) под данную группу подпадает заявление осужденного как просьба (желание) и последующее его изучение. При применении к осужденному меры взыскания в виде водворения в ШИЗО ИУ (охранительное правоотношение) данная группа УИПД будет сложнее и их начало – установление (выявление) факта нарушения предоставленного порядка отбывания наказания. Собственно ведомственная нормативно-правовая основа косвенно, но все же определяет, что выявление режимных требований в ИУ – обязанность всех работников ИУ («надзор за осужденными осуществляется всеми работниками колонии»). В связи с этим достаточно справедливым представляется выражение, которое достаточно продолжительное время применялось в деятельности мест лишения свободы в СССР, что «каждый сотрудник – воспитатель и контролер» [8. С. 29].

Действительно контроль есть выявление отклонений фактических параметров деятельности объекта от нормативных. То есть речь идет об установлении фактических обстоятельств нарушения. Однако эта же группа уголовно-исполнительных правоприменительных действий УИПД включает в себя необходимость *доказывания* (курсив мой. – Р.З.) противоправного поведения (нарушения требований режима) со стороны осужденного. Под доказательствами следует понимать фактические данные (сведения, информацию), которые используются для установления обстоятельств дела в соответствии с принципом объективной истины [6. С. 334]. ФСИН России ориентирует на широкий спектр используемых документов, удостоверяющих факт нарушения осужденным установленного порядка отбывания наказания (акты, рапорты, заключения проверки по факту нарушения, объяснения очевидцев совершенного проступка, данные фото- и видеодетекции и т.д.) [9].

Практика доказывания персоналом ИУ факта нарушения установленного порядка отбывания наказания показывает, что презумпция невиновности осужденного в условиях деятельности ИУ может нивелироваться. Собственно, на это указал в одном из своих решений Верховный Суд РФ, отменив решения районного и регионального судов, признав виновность одного из осужденных не доказанной [10].

2. *Действия, выражающие выбор и анализ юридических норм.* Теория права определяет разносторонний

* Далее в содержании статьи в качестве примера будем рассматривать предоставление осужденных к лишению свободы права на их передвижение без конвоя или сопровождения (регулятивное правоотношение).

** Далее в содержании статьи в качестве примера будем рассматривать применение к осужденному меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор (ШИЗО) ИУ (охранительное правоотношение).

характер реализации данной группы УИПД. С.С. Алексеев делает акцент на четырех основных элементах этой группы: а) выбор юридической нормы, подлежащей применению; б) проверка подлинности и юридического действия нормы; в) проверка правильности текста акта, в котором выражена норма; г) уяснение содержания нормативного предписания [6. С. 338].

Выбор юридической нормы, подлежащей применению, связан с отысканием в спектре норм и нормативно-правовых актов нужной нормы, той нормы, которая в максимальной степени соответствует фактическим обстоятельствам дела. П.Е. Недбайло отмечает, что реализация данной группы правоприменительных действий начинается по принципу «от нормы к жизненным фактам» (формула дедуктивного силлогизма) или сначала норма, а уже потом факты [11. С. 221]. С.С. Алексеев в этом случае указывает на ддящийся процесс, когда как бы приходится обращаться поочередно то к фактическим обстоятельствам дела, то к нормативной составляющей [7. С. 544]. То есть должна быть проведена проверка подлинности и юридического действия нормы, правильности текста акта или ее «критика», включающая тщательный всесторонний анализ («придирчивость») возможности применения нормы к тому или иному случаю (делу) [7. С. 544–545].

Уяснение содержания нормативного предписания есть окончательное осмысление и понимание правоприменителем, что правовая норма и фактическая ситуация соответствуют друг другу и сопоставимы между собой.

Данная группа УИПД, учитывая положения двух наших примеров (реализации права осужденных к лишению свободы на передвижение без конвоя или сопровождения (регулятивные правоотношения) и применении к осужденному меры взыскания в виде водворения в ШИЗО ИУ (охранительные правоотношения)), осуществляется следующим образом.

Правоприменитель в ИУ, изучив заявление осужденного о его просьбе и желании передвигаться без конвоя, соотносит данную просьбу с требованиями ч. 1 и 2 ст. 96 УИК РФ, устанавливающую критерии и ограничения по выводу осужденного на передвижение без конвоя или сопровождения. В их числе вид ИУ, характеристика осужденного, характер выполняемой работы, криминальная запущенность, вид рецидива, состояние здоровья и т.д.

В процессе реализации данной группы УИПД с позиции второго примера – применения к осужденному меры взыскания в виде водворения в ШИЗО ИУ, правоприменитель принимает во внимание положения как законов, так и подзаконных актов (например, ст. 116 УИК РФ, пп. 168, 177 ПВР ИУ). Казалось бы, что выбор правовой нормы и его «примерка» на фактическую ситуацию являются не очень сложным делом. Тем не менее, и здесь есть определенные вопросы. Традиционно правоприменитель, разрешая данную группу УИПД, делает акцент на нормах законодательства РФ, подпадающих под выражение «Что нарушил осужденный?». Но подчас в уголовно-исполнительном законодательстве РФ нет прямого ответа на этот вопрос.

Разделяя все нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденных на злостные и простые, можно прийти к выводу, что только злостные нарушения режима четко представлены в законе (ст. 116 УИК РФ). Простые нарушения режима находят отражение через обязанности и запреты, распространяющиеся на осужденных. Если в первом случае выбор и анализ юридических норм для правоприменителя достаточно просты, поскольку фактическое обстоятельство дела (злостное нарушение режима) = соответствующая норма в законе, то применение уголовно-исполнительного законодательства РФ относительно простых нарушений может иметь некоторые сложности. Дело в том, что правоприменитель, производя «примерку» нарушения на норму законодательства, как правило, может допускать два просчета.

Первый просчет условно представляется в виде «ошибочной примерки» нарушения режима на соответствующую норму в законе. В этом случае правоприменитель неверно осуществляет выбор юридических норм (форма правового дилетантизма), неосторожно подменяя одну норму другой (например, ввиду недостаточных знаний об обязанностях и запретах, распространяющихся на осужденных). Например, инспектор отдела безопасности выявил факт нарушения режима осужденным (использование осужденным клички «Губошлеп» в адрес вольнонаемного мастера цеха металлообработки). Он задокументировал (написал рапорт на имя начальника учреждения) указанное нарушение. При этом инспектор в рапорте сослался на неверную норму уголовно-исполнительного законодательства РФ, которую нарушил осужденный (п. 16 ПВР: «Осужденные обязаны <...> быть вежливыми между собой и в общении с сотрудниками УИС и иными лицами» вместо п. 17 ПВР ИУ: «Осужденному запрещается... использовать в речи клички в отношении людей»).

«Ошибочная примерка» может быть осуществлена вследствие совершения «псевдонарушения» (форма правового инфантилизма). Например, младший инспектор по надзору за осужденными в ШИЗО, ПКТ, в рапорте на имя начальника учреждения указал, что осужденный, содержащийся в безопасном месте, открывал форточку для приема пищи в камерной двери. Однако ни УИК РФ, ни ПВР ИУ такого запрета, имеющего отношение к осужденному, содержащемуся в безопасном месте – камере, в своих нормах не отражает.

Второй просчет, когда правоприменитель, квалифицируя нарушение осужденным режима отбывания наказания, «примеряет» исключительно норму подзаконного акта (традиционный просчет, встречающийся в практической деятельности), но не закона в первую очередь, а уже потом, если это необходимо, подзаконного акта. Например, осужденный, пользующийся правом передвижения без конвоя за пределами учреждения, покинул производственный объект в рабочее время. Своими действиями осужденный нарушил норму федерального закона, а именно ч. 2 ст. 11 УИК РФ, согласно которой осужденные обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними

нормативных правовых актов. Конкретизация принятых в соответствии с федеральным законом (УИК РФ) нормативных правовых актов осуществляется в ПВР ИУ. В связи с этим осужденный помимо федерального закона нарушил еще и требования подзаконного акта – ПВР ИУ (п. 177, где осужденным, пользующимся правом передвижения без конвоя за пределами ИУ, запрещается в рабочее время оставлять объект работы).

Казалось бы, что правоприменитель, так или иначе зафиксировав (примерив ситуацию на норму законодательства) нарушение режима, завершил реализацию данной стадии. Тем не менее это спорный момент. По справедливому замечанию В.В. Лазарева, действия правоприменяющего лица или органа должны быть направлены на то, чтобы развитие отношений между людьми и их формированиями шло прежде всего в русле закона [12. С. 210], а значит подзаконный акт вторичен. То есть в законе содержится первичное, изначальное право [7. С. 449]. Представляется, что от данного вида просчета в перспективе практические работники должны уходить и осуществлять примерку на фактическую ситуацию как закона, так и подзаконного нормативно-правового акта. Применимо к вышеуказанной ситуации осужденный нарушил ч. 2 ст. 11 УИК РФ и п. 177 ПВР ИУ.

Данная группа УИПД (напомним, что речь идет о группе «Действия, выражающие выбор и анализ юридических норм») тесно связана с отдельными элементами социального управления – контрольными функциями со стороны руководителей (подразделений) в отношении сотрудников, осуществляющих мероприятия по реализации данной группы.

Для большинства регулятивных отношений в ИУ указанные контрольные функции достаточно просты и сводятся к элементарному контролю со стороны руководящего состава ИУ (начальника учреждения, его заместителей, а также начальников отделов и служб учреждения) за персоналом ИУ, реализующим действия по выбору и анализу юридических норм в правоприменительной деятельности учреждения (например, при предоставлении осужденным свиданий, посылки, передач, телефонных переговоров, просмотра ими кинофильмов, телепередач и т.д.).

Однако реализация некоторых регулятивных отношений в ИУ имеет сложный характер, поскольку функции контроля выполняет не только руководящий состав ИУ, но и территориальный орган ФСИН России и его подразделения. Что не может не свидетельствовать, с одной стороны, об обеспечении дополнительной гарантии законности со стороны ФСИН России и его территориальных органов, а с другой – о забюрократизованности процесса принятия решений. Например, официальный контроль со стороны территориальных органов ФСИН России за некоторыми регулятивными уголовно-исполнительными правоотношениями в ИУ четко проявляется с конца 2016 г., когда были приняты действующие ПВР ИУ. Речь идет о регулятивных правоотношениях, связанных с предоставлением осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, права проживания за ее пределами (п. 181 ПВР ИУ).

Также об аналогичном случае уместно говорить при рассматриваемом нами выше примере предоставления осужденному права на бесконвойное передвижение (п. 173 ПВР ИУ). Закон же (УИК РФ) территориальные органы ФСИН России в настоящий момент прямо не определяет субъектами контроля в указанных правоотношениях.

Что касается охранительных правоотношений, то и здесь данная группа УИПД подвергается контролю. Так, при рассмотренном выше примере охранительных правоотношений (применение к осужденному меры взыскания в виде водворения в ШИЗО ИУ), контроль за этапом выбора правоприменителем (сотрудником, выявившим нарушение режима) юридических норм будет осуществляться несколькими субъектами:

- дежурным помощником начальника ИУ (ДПНУ) (при передаче первичных документов о нарушении осужденным режима, составленных правоприменителем в день их выявления);
- заместителем начальника ИУ, курирующим вопросы безопасности и оперативной работы (контроль качества оформления первичных документов о нарушении осужденным режима);
- заместителем начальника ИУ, курирующим вопросы кадров и воспитательной работы (в случае его отсутствия – начальником отдела по воспитательной работе с осужденными) (контроль за своевременностью принятия мер к осужденным нарушителям режима, а также качеством подготовки документов);
- комиссией ИУ по избранию мер взыскания (проверка правильности и полноты оформления материалов о наложении дисциплинарного взыскания на осужденного).

И вновь данные субъекты контроля на этапе выбора правоприменителем юридических норм не отражены в законе, а определены на уровне практических рекомендаций, разработанных ФСИН России [9].

3. Действия, из которых складывается решение юридического дела. Данная группа УИПД фактически завершает уголовно-исполнительный правоприменительный процесс. Собственно она представляет правоприменение как таковое. Д.А. Липинский отмечает, что именно здесь правоприменитель сводит воедино фактическую и юридическую основы дела, определяя права конкретных субъектов правоотношения [5. С. 198].

Перечень субъектов, принимающих решение по юридическому делу, как правило, ограничен. В первую очередь это руководитель (в ИУ – начальник учреждения). Однако, согласно законодательству, решение по юридическому делу могут принимать иные лица (заместители, ответственные, дежурные и т.д.). Руководитель и иные лица, принимающие решение по юридическому делу, еще раз контролируют правильность реализации предыдущих групп УИПД со стороны предыдущего правоприменителя. Далее, как отмечает С.С. Алексеев, для лица, принимающего решение по юридическому делу, вступают в силу положения формальной логики. Решение юридического дела будет строиться в соответствии с силлогизмом, в котором большой посылкой является юридическая норма, малой посылкой – обстоятельства

дела, а заключением – решение юридического дела [7. С. 549]. С учетом наших примеров из регулятивных и охранительных правоотношений силлогизмы будут строиться по следующей формуле (таблица).

Вынесение решения по юридическому делу имеет волевой компонент, который выражается во властном велении одного лица (руководителя или иного лица). При этом в основе решения такого лица изначально может лежать позиция (решение) коллективного органа (комиссии, совета и т.д.).

Виды силлогизмов на основе регулятивных и охранительных правоотношений

№	Регулятивные правоотношения (предоставление права осужденному на бесконвойное передвижение)	Охранительные правоотношения (применение к осужденному меры взыскания в виде водворения в ШИЗО ИУ)
1	«Осужденные имеют право на бесконвойное передвижение (с учетом соответствующих критериев)» (большая посылка)	«Нарушения режима, совершенные осужденными, – наказуемы (применяются меры взыскания)» (большая посылка)
2	«Условный Иванов, отбывающий наказание в ИУ, – осужденный» (малая посылка)	«Условный осужденный Иванов совершил нарушение режима» (малая посылка)
3	«Иванов имеет право на бесконвойное передвижение» (с учетом соответствующих критериев) (заключение)	«К осужденному Иванову будет применена мера взыскания» (заключение)

В регулятивных правоотношениях таким лицом преимущественно выступает начальник ИУ или лицо, его замещающее. Так, решение о предоставлении осужденному права бесконвойного передвижения есть веление начальника. При реализации охранительных правоотношений (применение к осужденному меры взыскания в виде водворения в ШИЗО ИУ) веление осуществляется со стороны двух субъектов: комиссии ИУ (коллективный субъект) и начальника учреждения (индивидуальный субъект). Так, комиссия ИУ устанавливает виновность лица, совершившего нарушение, а также с учетом обстоятельств совершения нарушения, личности виновного и его предыдущего поведения определяет меру взыскания. Начальник учреждения, являясь председателем комиссии, принимает итоговое решение.

Государственно-властное веление – окончательное решение индивидуального субъекта, оно завершает действия, из которых складывается решение юридического дела. Такое решение должно быть формально закреплено. Традиционно решение юридического дела закрепляется на бумажном носителе и именуется актом применения права.

Собственно, *вынесение акта применения права* (курсив мой. – Р.З.) есть несколько обособленный компонент группы УИПД, из которых складывается решение юридического дела. В то же время сам акт применения права выступает как средство организации правового регулирования общественных отношений и связующее звено между целым рядом юридических норм и их осуществлением в действиях субъектов правоотношений [13. С. 138].

Уголовно-исполнительная правоприменительная деятельность показывает, что в настоящий момент акты применения права естественным образом выносятся

как в рамках охранительных правоотношений (ниже первая группа актов), так и в рамках регулятивных правоотношений (ниже вторая группа актов).

К *первой группе* с практической точки зрения мы относим правоприменительные акты по применению к осужденным мер дисциплинарного воздействия (мер поощрения и взыскания). Ко *второй группе* – акты применения права, связанные с обеспечением и сопровождением основных средств исправления осужденных (в качестве примера обратимся к установленному порядку отбывания осужденными наказания – режиму).

Как показывает анализ ключевых регуляторов уголовно-исполнительных правоотношений (например, УИК РФ, ПВР ИУ, Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, утвержденная приказом Минюста России от 20.05.2013 № 72 и т.д.), они достаточно часто не устанавливают конкретную форму и вид акта применения права. Поэтому в данных нормативно-правовых актах форма акта применения права носит преимущественно определенное текстовое выражение:

1. «Разрешение», «решение», «предоставление», «утверждение», «применение» являются, на наш взгляд, упрощенными формами актов применения права.

«Разрешение», «решение», «предоставление», «утверждение», как правило, обеспечивают и сопровождают установленный порядок отбывания наказания (режим).

«Разрешение», «предоставление» по установленным правилам определяются в виде резолюции на письменных заявлениях заинтересованных лиц или осужденных. Например, заявление осужденного/гражданина на краткосрочное (длительное) свидание. При этом состав должностных лиц, уполномоченных обеспечивать такой формат реализации актов применения права, не ограничивается начальником учреждения или лицом, его замещающим. Так, разрешение на свидание и телефонные разговоры в выходные и праздничные дни может даваться ответственным по ИУ.

«Решение» в уголовно-исполнительном законодательстве РФ предстает как универсальная форма разрешения той или иной ситуации. Фактическое выражение данной категории предстает в различном виде. Во-первых, как процесс выполнения действий или мыслительных операций (например, начальник отряда совместно с сотрудниками центра трудовой адаптации осужденных в ИУ проводит индивидуальную воспитательную работу с осужденными, направленную на решение социальных задач, связанных с их трудовой адаптацией). Во-вторых, «решение» находит выражение в виде документа, который в том числе формально и законодательно может быть не установлен, а выработан многолетней практикой. Таким документом может быть:

– приказ (ст. 85 УИК РФ: введение режима особых условий в ИУ; ст. 77 УИК РФ: оставление осужденных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию следственного изолятора или тюрьмы; п. 10 ПВР ИУ: распределение осужденных по отрядам (камерам));
– постановление (ст. 13 УИК РФ: решение о переводе осужденного в безопасное место);

– протокол (п. 39 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: решение о постановке (снятии) на профилактический учет, отказе в постановке (снятии) на профилактический учет).

«Утверждение» как упрощенная форма акта применения права в уголовно-исполнительных правоотношениях определяет перечень мероприятий хронологического характера, в которых задействованы осужденные в процессе отбывания ими наказания. Например, распорядок дня, личный прием осужденных администрацией ИУ, предоставление свиданий, длительные выезды на время ежегодного оплачиваемого отпуска, уборка в камерах штрафных изоляторов и помещений камерного типа и прогулочных двориках и т.д. Практически реализуют указанную форму актов применения права начальник учреждения и его заместитель, курирующий вопросы безопасности и оперативной работы.

«Применение» как упрощенная форма акта применения права в уголовно-исполнительных правоотношениях характерна для реализации отдельных мер дисциплинарного воздействия, не связанных с изданием постановлений или приказов в отношении осужденных. Речь идет о вынесении мер поощрения и взыскания в устном порядке (ст. 119 УИК РФ). Актом применения права в этом случае выступает упрощенная форма его реализации – отметка в «Журнале начальника отряда» и в дневнике индивидуальной воспитательной работы с осужденным.

2. «Постановление» и «приказ» (собственно, используется при упоминании наименований официальных формальных документов). Данные виды актов применения права в условиях деятельности ИУ являются наиболее сложным не только по своему содержанию, но и относительно общественных отношений, к которым они применяются. Несмотря на это, постановление (как документ) является решением как по вопросам, относящимся не только к первой группе актов применения права, так и ко второй группе, о которых мы упоминали выше.

Казалось бы, вид обоих документов должен найти отражение в определенных требованиях. Относительно приказа так и есть. Инструкция по делопроизводству в учреждениях и органах УИС, утвержденная приказом ФСИН России от 10.08.2011 № 463 (далее – Инструкция), в разделах 4.2 и 4.3 предъявляет требования к оформлению приказов, в том числе по осужденным (п. 37). Однако требования к постановлению (как форме документа вообще) указанной Инструкцией не определены. Инструкция об этом виде документа не упоминает вовсе. Думается, что в перспективе требования к подготовке и оформлению постановления как важнейшему документу, сопровождающему оперативно-исполнительные и охранительно-поощрительные процедуры в уголовно-исполнительных правоотношениях, должны быть отражены в Инструкции.

В первой группе актов («Применение к осужденным мер дисциплинарного воздействия (мер поощрения и мер взыскания)») относительно назначения мер поощрения закон не оговаривает вид документа – решения. Часть 1 ст. 114 УИК РФ устанавливает лишь форму

документа: устная или письменная. Видимо поэтому практика оформления назначенной меры поощрения идет разными путями, начальником учреждения могут быть изданы как постановления, так и приказы о поощрении. В то же время аналогичный вопрос относительно назначения мер взыскания четко установлен законом. Форма документа о взыскании может быть как устной, так и письменной. Однако на уровне учреждения взыскание налагается только постановлением начальника ИУ или лицом, его замещающим (ч. 2 ст. 117 УИК РФ).

В целом же постановление сопровождается юридическим фактом, связанным с управлением поведением осужденного, его призыву со стороны администрации ИУ к определенному поведению. Известно, что стимулирование правопослушного поведения может вести к серьезному изменению статуса осужденного, особенно при назначении самых строгих мер взыскания (водворение осужденного в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа и т.д.). Поэтому начальник учреждения, вынося такое решение, выступает словно арбитр, судья, в то время как постановление является своего рода командой для претворения в жизнь – исполнения со стороны персонала учреждения той или иной меры дисциплинарного воздействия.

Во второй группе актов постановление как решение по делу применяется при обеспечении и сопровождении условий и установленного порядка отбывания наказания (режима). И вновь постановление выступает как важнейший регулятор правового статуса осужденного и соответствующих юридических фактов. К таким случаям относятся:

- уничтожение изъятых у осужденных запрещенных предметов, веществ и продуктов питания;
- контроль писем, почтовых карточек, телеграфных и иных сообщений в ИУ;
- передвижение осужденных без конвоя или сопровождения за пределами ИУ;
- выезды осужденных к лишению свободы за пределы ИУ;
- признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;
- увеличение осужденным времени прогулки (до 3 часов в день на срок до 1 месяца), не допускающим нарушения режима в период их нахождения в помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа;
- проживание и работа осужденных под надзором администрации исправительной колонии общего режима за пределами учреждения;
- содержание осужденных в одиночных камерах исправительных колоний особого режима и тюрем;
- проживание осужденных колоний-поселений с семьями на арендованной или собственной жилой площади;
- проживание осужденных воспитательных колоний в общежитии за пределами учреждения без охраны, но под надзором администрации воспитательной колонии;
- досрочное освобождение осужденного воспитательной колонии из дисциплинарного изолятора;
- оставление осужденных, достигших возраста 18 лет, в воспитательной колонии;

– перевод осужденных, достигших возраста 19 лет, для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной колонии либо из изолированного участка воспитательной колонии, функционирующего как исправительная колония общего режима, в исправительную колонию общего режима;

– перевод осужденного в безопасное место;

– временное водворение осужденного в штрафной изолятор, перевод в безопасное место до прихода начальника учреждения.

Субъектный состав должностных лиц, выносящих постановления в учреждениях, относительно обеспечения и сопровождения условий и установленного порядка отбывания наказания – режима (вторая группа актов) несколько разнится с соответствующим субъектным составом должностных лиц первой группы актов.

Относительно второй группы актов постановление как вид акта применения права выносит начальник учреждения или лицо, его замещающее. Однако указанный субъектный состав в виду объективных обстоятельств расширен. Учитывая, что изоляция осужденных в ИУ осуществляется круглосуточно, Минюст России предоставляет ДПНУ в экстренных случаях при отсутствии начальника ИУ обеспечить временную изоляцию отдельных категорий осужденных

(примечание к § XXIV ПВР ИУ). ДПНУ в этом случае полномочен выносить два самостоятельных акта применения права: постановление о временном водворении осужденного в штрафной изолятор до прихода начальника учреждения и постановление о переводе осужденного в безопасное место до прихода начальника учреждения. Вместе с тем постановление как вид документа полномочен выносить заместитель начальника учреждения. Это может быть осуществлено в целях контроля писем, почтовых карточек, телеграфных и иных сообщений, если администрация ИУ располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц (п. 58 ПВР ИУ).

Еще одной группой УИПД является исполнение решения по юридическому делу. Отдельные авторы отмечают, что это дополнительная группа правоприменительных операций, выходящая за рамки применения права [7. С. 553], другие, наоборот, признают ее как элемент структуры примирения права [5. С. 198]. Поэтому данный вопрос, равно как иные вопросы правосубъектности и УИПД ИУ, нуждаются в дальнейшем анализе и исследовании.

Список источников

1. Уткин В.А. Администрация и персонал исправительного учреждения как субъекты уголовно-исполнительной деятельности // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 95–101.
2. Пинчук В.И. Правоприменительная деятельность и управленческая документация в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1979. 115 с.
3. Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГЮА им. О.Е. Куцакова, 2015. 605 с.
4. Мелентьев М.П. Функции и структура управления исправительно-трудовыми учреждениями (общие проблемы) : учеб. пособие. Рязань : НИиРИО РВШ МВД СССР, 1975. 55 с.
5. Теория государства и права : учебник / А.А. Гогин и др.; под ред. А.В. Малько и Д.А. Липинского. М. : Проспект, 2017. 328 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.
7. Алексеев С.С. Общая теория права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 576 с.
8. Исправительная (пенитенциарная) педагогика. Учебник для слушателей и курсантов учебных заведений МВД РФ / Г.П. Байдаков, А.В. Буданов, В.В. Васильев, Ю.Л. Григорьев и др. ; под ред. А.И. Зубкова, М.П. Стуровой. Рязань : РВШ МВД РФ, 1993. 398 с.
9. Практические рекомендации о работе комиссии исправительного учреждения по избранию мер взыскания и изменению условий отбывания наказания осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы // Указание ФСИН России от 21.12.2021 № исх-03-88044.
10. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 49-КА20-1 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.04.2022).
11. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. М. : Госюриздат, 1960. 511 с.
12. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 1996. 472 с.
13. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских социалистических отношений. М. : Госюриздат, 1961. 172 с.

References

1. Utkin, V.A. (2017) Administration and personnel of corrective institutions as subjects of criminal and executive activity. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 4 (33). pp. 95–101. (In Russian).
2. Pinchuk, V.I. (1979) *Pravoprimeritel'naya deyatel'nost' i upravlencheskaya dokumentatsiya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Law Enforcement and Management Documentation in Correctional Labour Institutions]. Moscow: Akademiya MVD SSSR.
3. Orlov, V.N. (2015) *Primenenie i otbyvanie ugovornogo nakazaniya* [Application and serving of criminal punishment]. Law Dr. Diss. Moscow.
4. Melent'ev, M.P. (1975) *Funktsii i struktura upravleniya ispravitel'no-trudovymi uchrezhdeniyami (obshchie problemy)* [Functions and Structure of Management of Correctional Labour Institutions (General problems)]. Ryazan: NIiRIO RVSh MVD SSSR.
5. Godin, A.A. et al. (2017) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.

6. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 2. Moscow: Yurid. lit.
7. Alekseev, S.S. (2009) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
8. Baydakov, G.P. et al. (1993) *Ispravitel'naya (penitentsiarnaya) pedagogika* [Correctional (penitentiary) pedagogy]. Ryazan: RVSh MVD RF.
9. Federal Penitentiary Service of Russia. (2021) *Practical recommendations on the work of the correctional institution commission on the selection of penalties and changing the conditions of serving a sentence for convicts serving a sentence of imprisonment. Instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia of December 21, 2021 no. ex-03-88044*. (In Russian).
10. Consultant Plus. (2020) *Cassation ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49-KA20-1 of June 30, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 2nd April 2022). (In Russian).
11. Nedbaylo, P.E. (1960) *Primenenie sovetskikh pravovykh norm* [Application of Soviet Legal Norms]. Moscow: Gosyurizdat.
12. Lazarev, V.V. (ed.) (1996) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and the State]. 2nd ed. Moscow: Yurist.
13. Yavich, L.S. (1961) *Problemy pravovogo regulirovaniya sovetskikh sotsialisticheskikh otnosheniy* [Problems of Legal Regulation of Soviet Socialist Relations]. Moscow: Gosyurizdat.

Информация об авторе:

Усеев Р.З. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России (Самара, Россия). E-mail: useev@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.Z. Useev, Cand. Sci. (Law), associate professor, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Samara, Russian Federation). E-mail: useev@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/19/17

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ ДОСТАВКЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ТЕРРИТОРИЮ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМИ

Роман Анатольевич Филипов

Кузбасский институт ФСИН, Новокузнецк, Россия, Filipiev@live.ru

Аннотация. Контрабанда запрещенных предметов и веществ в исправительные учреждения началась со времен их создания и будет существовать до тех пор, пока будут функционировать эти учреждения. Технический прогресс ставит перед режимными учреждениями все новые задачи, не остаются в стороне и учреждения Федеральной службы исполнения наказаний. В пенитенциарных учреждениях в последние годы фиксируются десятки попыток доставки дронами на закрытую территорию запрещенных предметов: наркотических средств, мобильных устройств, спиртных напитков и т.д.

Ключевые слова: запрещенные предметы, подавление сигналов, беспилотный летательный аппарат

Для цитирования: Филипов Р.А. Использование беспилотных летательных аппаратов при доставке запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений и возможные способы борьбы с ними // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 96–101. doi: 10.17223/23088451/19/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/17

USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES FOR DELIVERING PROHIBITED ITEMS TO CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND POSSIBLE WAYS TO COMBAT THEM

Roman A. Filipiev

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, Filipiev@live.ru

Abstract. Prohibited items and substances have been smuggled into correctional institutions since their inception and will be smuggled as long as these institutions continue to function. Technological progress sets ever new challenges for restricted access facilities, including the institutions of the RF Federal Penitentiary Service. In recent years, penitentiary institutions have recorded dozens of attempts to deliver prohibited items (drugs, mobile devices, alcohol, etc.) by unmanned aerial vehicles to a closed area. Currently, the Federal Penitentiary Service of Russia is developing and implementing equipment that will allow detecting and blocking drones, quadcopters and other unmanned aerial vehicles near correctional facilities and pre-trial detention centers. Protection against the quadcopter's unwanted penetration into the restricted access area is to take control over it and land it in a designated place. When an unmanned aerial vehicle (UAV) approaches the territory of the correctional facility, the detection system is triggered, it determines the UAV's unique identification number and then proceeds to seize control over it. At any time of the day and regardless of weather and other conditions, excluding the influence of the human factor, the protection system is able to independently detect the UAV and land it in a designated place. The system is able to intercept it not only when it is trying to cross the perimeter, but also when it is approaching a restricted access facility at a distance of several hundred meters. The fight against small-sized quadcopters has long been massive; there are dozens of ready-made solutions for protecting any objects, including correctional facilities. One of these solutions may be a perimeter security radar complex: the control of airspace over a facility and its adjacent territory with the help of radar stations is a traditional way of detecting air targets.

Keywords: prohibited items, signal suppression, unmanned aerial vehicles

For citation: Filipiev, R.A. (2022) Use of unmanned aerial vehicles for delivering prohibited items to correctional institutions and possible ways to combat them. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 96–101. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/17

Бурное развитие технологий в последние 10 лет позволило дронам – беспилотным летательным аппаратам (БПЛА) – стать важной составляющей различных неприятных действий, в том числе и промышленного шпионажа. Если в начале своей «карьеры» дроны вы-

полняли вспомогательные функции разведки, то сегодня они являются самостоятельной силой, становятся меньше, умнее и дешевле в производстве. Активно растет рынок гражданских аппаратов. Поэтому вопросы защиты от дронов очень актуальны.

История беспилотников началась в далеком XIX в. Первым принцип радиоуправления продемонстрировал ученый и изобретатель Николай Пильчиков. В 1898 г. он показал, как можно с помощью радиосигнала зажечь маяк, выстрелить из пушки, подорвать модель яхты и переключить железнодорожный семафор. Как выглядели его приборы – информации нет. Возможно, они стали сразу секретными, так как Николай Дмитриевич предложил эти разработки военному ведомству царской России.

Параллельно в этом же году гениальный изобретатель Никола Tesla придумал радиоуправляемый кораблик. Лодка контролировалась дистанционно при помощи радиоуправления. Tesla продемонстрировал эту лодку в 1898 г. на выставке электротехники в «Мэдисон-сквер-гарден». Там она произвела фурор. Люди не понимали, каким образом Tesla управляет лодкой, приказывая ей плыть в том или ином направлении. Кроме слова «магия» обывателям сложно было что-то подобрать [1].

В 1900 г. журнал *Centure* взял интервью у Н. Теслы, в котором он сообщил, что целью его изобретения является попытка создать «искусственный интеллект», так как современные автоматы попросту заимствуют разум человека и откликаются только на его приказы.

Впрочем, по-настоящему прорывным для беспилотников стал 1933 г., который официально считается началом всех дальнейших разработок. Именно в этот год силами инженеров в Великобритании был создан беспилотный летательный аппарат многократного использования, который представлял собой отреставрированные модели бипланов, управляемые дистанционно.

Согласно воздушному кодексу Российской Федерации, беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой от 0,25 до 30 кг, ввезенные в Российскую Федерацию или произведенные в Российской Федерации, подлежат учету в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [2].

Также необходимо отметить Постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 № 658, в котором подробно расписаны правила учета беспилотных летательных аппаратов. В случае если было нарушено постановление о регистрации летательных аппаратов, то следует наказание за административное нарушение по ст. 11.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3].

К перечню вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандералях либо приобретать, относятся [4]:

1. Предметы, изделия и вещества, изъятые из гражданского оборота.
2. Все виды оружия, боеприпасы.
3. Транспортные и летательные средства передвижения.
4. Взрывчатые, отравляющие, пожароопасные и радиоактивные вещества, зажигалки.
5. Деньги, ценные вещи.
6. Ценные бумаги, валюта зарубежных стран.
7. Оптические приборы.

8. Продукты питания, требующие тепловой обработки (кроме чая и кофе, сухого молока, пищевых концентратов быстрого приготовления, не требующих кипячения или варки), продукты домашнего консервирования, дрожжи.

9. Все виды алкогольной продукции, пиво.

10. Духи, одеколон и иные изделия на спиртовой основе.

11. Наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры либо аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их прекурсоры, а также новые потенциально опасные психоактивные вещества, кальяны, табачная продукция или никотинсодержащая продукция (за исключением табачных изделий, предназначенных для курения) и устройства для ее потребления, без медицинских показаний – лекарственные препараты, изделия медицинского назначения.

12. Электронно-вычислительные машины, пишущие машинки, множительные аппараты, электронные носители информации и другая компьютерная и оргтехника.

13. Ножи, опасные бритвы, лезвия для безопасных бритв.

14. Колюще-режущие и остроконечные предметы, в том числе предметы и тара, изготовленные из стекла, керамики и металла (за исключением алюминиевых ложек, вилок, кружек, тарелок и консервированных продуктов в металлической таре).

15. Топоры, молотки и другой инструмент.

16. Игральные карты.

17. Фотоаппараты, фотоматериалы, химикаты, кинокамеры, видео-, аудиотехника (кроме телевизионных приемников, радиоприемников общего пользования), телевизионные приемники с выходом в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и с встроенными медиаплеерами, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу (исключения на пронос и использование адвокатым (защитником) при свиданиях с осужденным фотоаппаратов, видео-, аудиотехники, электронных носителей и накопителей информации, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектующих к ним, обеспечивающих их работу согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № АКПИ17-867).

18. Любые документы (кроме документов установленного образца, удостоверяющих личность осужденного, медицинских документов, их копий и выписок из медицинских документов, копий приговоров и определений судов, ответов по результатам рассмотрения предложений, заявлений, ходатайств и жалоб, квитанций на сданные для хранения деньги, вещи, ценности).

19. Топографические карты, компасы, литература и обучающие видеофильмы по топографии, служебному собаководству, единоборствам, подготовке бойцов специальных подразделений, горной подготовке и паркуру, устройству оружия, изготовлению взрывчатых, ядовитых, отравляющих, наркотических и сильнодействующих веществ.

20. Литература, документы либо информация на любых носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности.

21. Военная и другая форменная одежда, принадлежности к ней.

22. Одежда, головные уборы, обувь и постельное белье (за исключением одного комплекта тапочек, спортивного костюма и спортивной обуви темных расцветок) неустановленных образцов.

23. Порнографические материалы, предметы и видеofilмы.

24. Татуировочные машинки и принадлежности к ним.

25. Электробытовые приборы (за исключением электробритв, бытовых электрокипятильников заводского исполнения мощностью не более 0,5 кВт).

26. Вещи и предметы, продукты питания, полученные либо приобретенные в не установленном Уголовно-исправительным кодексом Российской Федерации и Правилами порядке.

Исходя из данного перечня, абсолютно любой пункт возможно доставить в исправительное учреждение при помощи неконтролируемых БПЛА. В этой связи был принят Приказ Министерства юстиции РФ от 13 ноября 2020 г. № 282 [5], согласно которому Минюст определил основания и процедуру принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов над исправительными учреждениями, следственными изоляторами (СИЗО) и прилегающими к ним территориями, на которых установлены режимные требования.

Согласно данному документу, нежелательное местонахождение указанных объектов в воздушном пространстве над пенитенциарными учреждениями может быть пресечено путем подавления или преобразования сигналов дистанционного управления ими, воздействием на их пульта управления, а также повреждением или уничтожением таких объектов.

При выборе способа устранения «беспилотников» из воздушного пространства над режимными объектами сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России могут применить спецсредства и огнестрельное оружие в отсутствие иных эффективных средств для борьбы с ними. Информация о происшествии (в частности, обстоятельства, способ и результаты пресечения нахождения дронов в воздушном пространстве) будет фиксироваться в журнале регистрации информации о происшествиях.

В настоящее время ФСИН России разрабатывает и внедряет в свою деятельность оборудование, которое позволит выявлять и блокировать дроны, квадрокоптеры и другие БПЛА возле исправительных колоний и СИЗО. Защита от нежелательного проникновения на режимную территорию квадрокоптера состоит в том, чтобы перехватить управление и посадить его в обозначенном месте. При подлете БПЛА к территории исправительного учреждения происходит срабатывание системы обнаружения, она определяет уникальный идентификационный номер беспилотника и после это-

го приступает к захвату управления над ним. В любое время суток и независимо от погодных и иных условий, исключая влияние человеческого фактора, защитная система способна самостоятельно засесть и приземлить в обозначенном месте любой беспилотник. При этом система способна перехватывать его не только при попытке пересечь периметр, но и при подлете к режимному объекту на расстоянии нескольких сотен метров.

Борьба с малогабаритными квадрокоптерами уже давно поставлена на поток, существуют десятки готовых решений для защиты любых объектов, в том числе и исправительных учреждений. Одним из таких решений может быть радиолокационный комплекс охраны периметра. Как известно, контроль воздушного пространства над учреждением и его прилегающей территорией при помощи радиолокационных станций является традиционным способом обнаружения воздушных целей.

Контроль техническими средствами за протяженными территориями и охраняемыми объектами, расположенными на них, обычно реализуется в виде известных многоуровневых автоматизированных систем, включающих в себя технические средства обнаружения нарушителя, информационно связанных проводными или беспроводными каналами связи и обмена информацией с центральным постом наблюдения. При импульсной мощности передатчика радиолокационных станций с широкополосным излучаемым сигналом с линейно-частотой модуляцией в когерентном режиме радиолокационные станции системы обеспечивают контроль воздушного пространства для обнаружения малых БПЛА до дальностей порядка 2,0–2,2 км, а для обнаружения наземных движущихся объектов типа «человек» – до дальностей порядка 5–6 км. Указанное техническое решение позволяет осуществлять обнаружение объектов указанного типа на территориях и в воздушном пространстве, прилегающих к охраняемому объекту, а также, используя когерентную обработку отраженных сигналов, определять параметры движения нарушителя (курс, скорость, траекторию его перемещения в охраняемой зоне) [6].

По существу, обнаружению подлежит не сам БПЛА, а радиоканал его управления с помощью радиопеленгатора. Одним из внедряемых в деятельность ФСИН России может быть комплекс «Тревога-Щит» [7. С. 13]. Данный комплекс обеспечивает обнаружение, идентификацию и блокирование БПЛА на расстоянии от 30 до 2 000 м. Определение траектории перемещения БПЛА и места нахождения оператора производится в масштабе реального времени с выводом на электронную карту монитора.

Еще одним из способов борьбы с доставкой запрещенных предметов, доставляемых при помощи летательных аппаратов, является сеть. Конструкция применяемых сетей для дронов совсем не то же самое, что рыболовная. Особенностью данной сети является то, что у нее нет поперечных нитей, которые бы сделали сеть жесткой, поэтому когда дрон подлетает, то он заворачивает нить на себя и наматывает на двигатель.

Пойманный дрон надежно закрепляется в сети и садится вместе с перехватчиком [8. С. 182].

Рассмотрим другие варианты борьбы с нежелательными над территорией учреждения летательными аппаратами. В качестве примера предприятия Ростеха предлагают свои варианты решения проблемы. Российские предприятия делают ставку на комплексы электромагнитного подавления, которые помогают обнаружить вредоносные дроны, идентифицировать их и вывести из строя.

Специалисты ZALA AERO GROUP, подразделения холдинга «Калашников», лидера отечественного рынка беспилотных средств, разработали электромагнитное ружье REX 1 для защиты от дронов. Внешне устройство похоже на привычный автомат, вес устройства – чуть более 4 кг. Ружье активируется нажатием одной кнопки и способно работать без подзарядки 3 часа. Суть работы заключается в подавлении сигнала систем навигации и связи, которыми пользуются дроны. В оружие встроены блок, который в радиусе 2 км заглушает сигналы спутниковой навигации ГЛОНАСС и аналогичных зарубежных систем. Также устройство способно блокировать на расстоянии 1 км сигналы GSM, 3G, LTE и ставить помехи на частотах 900 МГц, 2,4; 5,2–5,8 ГГц. При этом дрон физически не уничтожается, но теряет связь с пультом управления и приземляется.

Следующими примерами являются технические средства концерна «Автоматика» против БПЛА: «Пищаль-ПРО» и «Таран-ПРО». Специалисты данного концерна создали носимый комплекс противодействия БПЛА «Пищаль-ПРО», который также визуально напоминает автомат [9. С. 42]. Ручной комплекс можно использовать как стационарно, так и в движении. Вес оружия – около 3,5 кг. Работа с «Пищалью-ПРО» не требует подготовки и также основана на подавлении сигналов навигационных систем и систем связи и управления. С ее помощью можно поражать дроны на расстоянии до 2 км в условиях прямой видимости.

Для исключительно стационарной защиты разработчики «Автоматики» предлагают использовать комплекс «Таран-ПРО». Принцип работы «Таран-ПРО» такой же, как у «Пищали-ПРО», – это воздействие на каналы навигации и управления БПЛА в пределах защищаемой территории. При этом над объектом создается непроницаемый для дронов «купол» радиусом не менее 2,7 км. Комплекс «Таран-ПРО» может работать при ветровых нагрузках и в условиях температурного режима от –40 до +50°C. Дополнительно оборудование детально исследует радиосигналы, локализует их источники, а также создает и ведет архивы радиоизлучений беспилотных летательных аппаратов.

Продолжая рассматривать современные российские средства по борьбе с беспилотными летательными аппаратами, хотелось бы отметить решение концерна «Созвездие» холдинга «Росэлектроника» – «Солярис-Н».

«Солярис-Н» – это первый в России автоматический комплекс радиоэлектронной борьбы с беспилотными летательными аппаратами. Новейшая разработка обеспечивает защиту от дронов на площади до 80 км². Особенностью «Соляриса-Н» является применение совре-

менных принципов искусственного интеллекта. Это означает, что комплекс будет самообучаться, чтобы максимально четко выделять дроны среди всех воздушных объектов. Аппаратура комплекса обнаруживает объект, анализирует его движение и исходящие сигналы, на основании этой информации определяет его тип и дальнейшие действия относительно объекта.

После того как дрон идентифицирован, аппаратура комплекса начинает воздействовать на него радиопомехами, блокировать сеть передачи данных и навигационное оборудование. Затем беспилотник теряет управление, падает или садится. Стоит отметить, что комплекс может работать в автоматическом режиме, исключая участие людей и человеческий фактор.

Еще одним примером борьбы с дронами над территорией исправительных учреждений является комплекс «Атака-DBS», разработанный в НПП «Алмаз» холдинга «Росэлектроника». Оборудование доступно для приобретения без лицензии. Важно отметить, что действует комплекс избирательно, не нарушая работу окружающих систем связи и навигации. Это позволяет свободно использовать его в условиях города, в аэропортах и на других технологически сложных объектах. Комплекс «Атака-DBS» может работать автоматизированно, вычисляя дроны и блокируя каналы связи и спутниковую навигацию. Беспилотник теряет управление и либо возвращается в точку запуска, либо садится в аварийном режиме. Владелец комплекса будет оповещен о зафиксированной атаке посредством SMS или электронной почты.

«Атака-DBS» обнаруживает и подавляет каналы управления в диапазоне частот, который используется БПЛА общегражданского применения, – от 2 до 6 ГГц. Одно устройство отслеживает работу дронов в радиусе 1,5 км и может обезвредить дрон на расстоянии 1 км. Каждый модуль может использоваться как самостоятельная ячейка или включаться в целую систему, обеспечивающую безопасность заданной территории. При этом настройки системы позволяют штатным дронам работать в обычном режиме. Комплекс будет реагировать только на чужие беспилотники.

Использование рассматриваемых систем борьбы с беспилотными летательными аппаратами, при помощи которых доставляются запрещенные предметы в исправительные учреждения, помогут в дальнейшем предотвратить потенциальный вред как сотрудникам учреждений, так и осужденным [10. С. 46].

Борьба с БПЛА в настоящее время приобретает новые аспекты в связи с развитием и совершенствованием технического прогресса [11]. Эта гонка в направлении борьбы с доставкой запрещенных предметов в исправительные учреждения при помощи беспилотных летательных аппаратов должна быть выиграна Федеральной службой исполнения наказаний для поддержания охраны и надзора за лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, а также личной безопасности осужденных и персонала. Представленные в работе комплексы являются достойными разработками, позволяющими в настоящее время решать задачи по противодействию доставке запрещенных предметов на территорию учреждений.

Список источников

1. URL: <https://patentimages.storage.googleapis.com/6b/b5/5d/3dc49d9a2758de/US613809.pdf> (дата обращения: 04.04.2022).
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2022).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2022).
4. Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 года № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (с изменениями на 29 января 2021 года) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2022).
5. Приказ Министерства юстиции РФ от 13 ноября 2020 г. № 282 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве над исправительными учреждениями, следственными изоляторами уголовно-исполнительной системы и прилегающими к ним территориями, на которых установлены режимные требования, а также Перечня должностных лиц уголовно-исполнительной системы, уполномоченных на принятие такого решения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2022).
6. Патент № 2724805 С1 Российская Федерация, МПК G08B 25/00. Радиолокационно-лучевая система охраны периметров протяженных объектов и контроля за прилегающей территорией : № 2019116038 : заявл. 24.05.2019 : опубл. 25.06.2020 / В.А. Первуниных, Ю.М. Зотов, В.Э. Иванов ; заявитель Акционерное общество «Федеральный научно-производственный центр Производственное объединение “Старт” им. М.В. Проценко» (АО «ФНПЦ ПО “Старт” им. М.В. Проценко»).
7. Гришанина Д.С., Кольцов А.С., Дмитриев Е.В. Применение радиолокационных комплексов охраны периметра учреждений УИС // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Воронеж, 20–21 мая 2020 г. Воронеж : Научная книга, 2020. С. 10–14.
8. Макаренко С.И., Тимошенко А.В. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 2. Огневое поражение и физический перехват // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 1. С. 147–197.
9. Путренкова А.А., Черников Р.С. Возможность применения устройств перехвата беспилотных летательных аппаратов в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России. 2021. Вып. 3. С. 41–44.
10. Костарев Д.Ф. Предупреждение поступления запрещенных предметов в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. Актуальные вопросы юридической науки. 2019. Вып. 2 (33). С. 41–47.
11. MdShah Alamal, Jared Oluoch. A survey of safe landing zone detection techniques for autonomous unmanned aerial vehicles (UAVs) // Expert Systems with Applications. Vol. 179. 1 October 2021. 115091.

References

1. Tesla, N. (1898) *Patent No. 613,809. Method of and apparatus for controlling mechanism of moving vessels or vehicles*. Patented November 8, 1898. [Online] Available from: <https://patentimages.storage.googleapis.com/6b/b5/5d/3dc49d9a2758de/US613809.pdf>. (Accessed: 4th April 2022).
2. Consultant Plus. (2021) *The Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 No. 60-FZ (ed. of July 02, 2021)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 22nd March 2022). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2001) *The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (ed. of July 01, 2021)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 22nd March 2022). (In Russian).
4. Consultant Plus. (2021) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 295 of December 16, 2016 “On Approval of the Internal Regulations of Correctional Institutions” (as amended on January 29, 2021)*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 22nd March 2022). (In Russian).
5. Consultant Plus. (2020) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 282 of November 13, 2020 “On Approval of the Procedure for Making a Decision on the Suppression of the Presence of Unmanned Aircraft in the Airspace over Correctional Institutions, Pre-Trial Detention Facilities of the Penal Enforcement System and Adjacent Territories where Regime Requirements are Established, as Well as the List of Officials of the Penal Enforcement System Authorised to adopt such a decision”*. Moscow: Consultant Plus. (Accessed: 22nd March 2022). (In Russian).
6. Pervuninskikh, V.A., Zotov, Yu.M. & Ivanov, V.E. (2019) *Patent No 2724805 C1 Russian Federation, MPK G08B 25/00. Radar-beam system of perimeter protection of extended objects and control of the adjacent territory: No 2019116038*. Issued May 24, 2019. Published June 25, 2020. Penza: Aktsionernoe obshchestvo “Federal’nyy nauchno-proizvodstvennyy tsentr “Proizvodstvennoe ob”edinenie “Start” im. M.V. Protsenko” (AO “FNPTs PO “Start” im. M.V. Protsenko”).
7. Grishanina, D.S., Kol’tsov, A.S. & Dmitriev, E.V. (2020) [Application of radar complexes for perimeter protection of UIS institutions]. *Tekhnika i bezopasnost’ ob”ektov ugovolno-ispolnitel’noy sistemy* [Technique and safety of objects of the penitentiary system]. Proceedings of the International Conference. Voronezh. 20–21 May 2020. Voronezh: Izdatel’sko-poligraficheskiy tsentr “Nauchnaya kniga”. pp. 10–14. (In Russian).
8. Makarenko, S.I. & Timoshenko, A.V. (2020) Counter unmanned aerial vehicles. Part 2. Rocket and artillery fire, physical interception. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti – Systems of Control, Communication and Security*. 1. pp. 147–197. (In Russian). DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10106
9. Putrenkova, A.A. & Chernikov, R.S. (2021) *Vozможность primeneniya ustroystv perekhvata bespilotnykh letatel’nykh apparatov v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel’noy sistemy* [The possibility of using devices to intercept unmanned aerial vehicles in institutions of the penal system]. *Vestnik FКУ NIИIT FSIN Rossii*. 3. pp. 41–44.
10. Kostarev, D.F. (2019) Prevention of delivering prohibited items in correctional institutes of penal system of the Russian federation. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. Aktual’nye voprosy yuridicheskoy nauki – Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*. 2 (33). pp. 41–47. (In Russian).
11. Alamal, MdSh. & Oluoch, J. (2021) A survey of safe landing zone detection techniques for autonomous unmanned aerial vehicles (UAVs). *Expert Systems with Applications*. 179. 1 October. 115091.

Информация об авторе:

Филиппьев Р.А. – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Кузбасского института ФСИН (Новокузнецк, Россия). E-mail: Filipiev@live.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.A. Filipiev, Cand. Sci. (Engineering), senior lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: filipiev@live.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/19/18

О СОДЕРЖАНИИ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Олег Викторович Воронин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. Осуществление правозащитной прокурорской деятельности не образует отдельной функции прокуратуры, а представляет собой один из видов реализации прокурорского надзора в рамках традиционных отраслей и иных направлений прокурорской деятельности. В общем виде правозащитную деятельность прокуратуры можно определить как деятельность, включающую в себя обеспечение, охрану, защиту и восстановление средствами прокурорского надзора нарушенных прав и свобод личности со стороны поднадзорных прокуратуре субъектов.

Ключевые слова: прокурор, правозащитная прокурорская деятельность, права и свободы человека и гражданина

Для цитирования: Воронин О.В. О содержании правозащитной деятельности прокуратуры // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 102–104. doi: 10.17223/23088451/19/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/18

ON THE CONTENT OF THE HUMAN RIGHTS PROTECTION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Oleg V. Voronin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. Human rights protection activities do not form a separate function of the prosecutor's office, but are one of the types of prosecutor's supervision within the traditional branches and other areas of prosecutor's activities. In general, the human rights protection activities of the prosecutor's office can be defined as activities that include the provision, security, protection and restoration of violated rights and freedoms of individuals by means of prosecutor's supervision, by subjects that the prosecutor's office supervises. The general legal status of individuals within a separate branch (prosecutor's supervision over the observance of the rights and freedoms of man and citizen) is ensured at four main levels. At the first – general (basic) – level, the prosecutor ensures all persons' legal status enshrined in generally recognised international standards and national legislation, regardless of their nationality. Traditionally, it is the ensuring of individuals' fundamental rights on the territory of the country within the individuals' international legal and constitutional status. The means of prosecutor's supervision ensure the rights and freedoms of all persons residing in the Russian Federation. At the second – national – level, the prosecutor ensures the personal, political, social, economic and other rights of citizens of the Russian Federation. These rights and freedoms are established by the Constitution of the Russian Federation and by other laws in force in the Russian Federation. The main subject of prosecutor's protection at this level are the citizens of the Russian Federation. At the third – special – level, the prosecutor ensures the legal status of socially protected categories of citizens of the Russian Federation: veterans, disabled people and other persons who are subject to special legislation regarding the provision of social protection, additional guarantees and benefits, or other preferences. Finally, at the fourth – exceptional – level, the prosecutor ensures the legal status of persons (citizens) who are in a difficult life situation, who cannot exercise their rights on their own due to their state of health, age, dependent position, special physical and mental condition under the circumstances prevailing at a particular moment.

Keywords: prosecutor, prosecutorial activity on human rights protection, rights and freedoms of man and citizen

For citation: Voronin, O.V. (2022) On the content of the human rights protection activities of the prosecutor's office. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 102–104. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/18

В общем виде правозащитную деятельность прокуратуры можно определить как деятельность, включающую в себя обеспечение, охрану, защиту и восста-

новление средствами прокурорского надзора нарушенных прав и свобод личности со стороны поднадзорных прокуратуре субъектов. Она полностью охватывается

прокурорским надзором и, согласно п. 2 ст. 1 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), служит его составной частью.

Обеспечение правового положения личности означает создание реальных условий и осуществление конкретных мер для реализации прав, свобод и законных интересов лица. Под охраной, как правило, понимается обеспечение правомерного состояния поднадзорной среды, при котором невозможно нарушение правового положения человека и гражданина путем принятия мер, направленных на предупреждение нарушений прав и свобод, на устранение причин, их порождающих, и условий, им способствующих. Защита, в свою очередь, предполагает деятельность по противодействию нарушению прав, свобод и законных интересов лица, в отличие от охраны, носит производный характер и возникает в качестве ответной реакции на произошедшее нарушение правового положения личности. Наконец, восстановление представляет собой деятельность по приведению нарушенного правового положения в прежнее правомерное состояние.

Применительно к прокурорской деятельности охрана выражается в предупреждении возможного нарушения правового положения личности, наблюдении за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также готовности реагировать на возможное нарушение. В таком понимании эта деятельность входит в содержание прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, однако этим не исчерпывается. В свою очередь, защита нарушенных прав и свобод, осуществляемая различными средствами прокурорского реагирования, составляет правозащитное направление прокурорской деятельности. Она осуществляется как путем применения прокурорско-надзорных средств, так и с помощью реализации иных восстановительных возможностей.

Подобное деление условно в силу того, что конкретное прокурорское производство может протекать как в форме охранительной, так и восстановительной деятельности, являться отражением реализации нескольких функций прокуратуры и предусматривать реализацию различных средств прокурорского реагирования. Однако если взять за основу направленность деятельности и форму ее осуществления, то возможно выделить деятельность прокурора, где основной задачей будет являться создание условий для реализации правового положения личности – прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, и деятельность, направленную на защиту нарушенных прав личности – правозащитная деятельность прокурора. При этом первое направление будет реализовываться исключительно в форме прокурорского надзора, второе – в рамках всех функций прокуратуры. С учетом того, что прокурорский надзор является определяющей функцией прокуратуры, можно заключить следующее: правозащитная деятельность по отношению к нему носит производный характер.

Наличие нескольких направлений, связанных с обеспечением правового положения личности, позволяет некоторым ученым вести речь о реализации отечествен-

ной прокуратурой отдельной правообеспечительной или правозащитной функции [1. С. 18; 2. С. 36].

Для того чтобы признать правообеспечительную или правозащитную деятельность в качестве отдельной функции, необходимо, чтобы они обладали единым содержанием и формой реализации. Однако они имеют неодинаковое правовое содержание и реализуются в рамках различных направлений. Поэтому ни правообеспечение, ни правозащита не являются теми видами деятельности, которые отражают сущностную природу современных прокурорских органов. В этой связи не стоит определять их в качестве отдельных функций современной прокуратуры. В определенном смысле можно вести речь об осуществлении прокуратурой отдельной правообеспечительной или правозащитной функции, но исключительно на уровне обобщающего понятия. В этой связи между терминами «прокурорская правозащитная деятельность» и «прокурорская правообеспечительная деятельность» не усматривается принципиальной разницы, и в данном случае они используются в качестве синонимичных понятий.

Поскольку даже соответствующая закону деятельность поднадзорных лиц может создавать угрозу или приводить к нарушению правового положения личности, в прокурорском надзоре в целом и рамках его отдельных отраслей наряду с надзором за исполнением законов практически всегда выделяется прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод личности, который как раз и служит формой реализации правозащитной прокурорской деятельности. В этой связи существуют следующие направления реализации правозащитной деятельности прокуратуры: отдельная отрасль – прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; отдельные направления правозащитной деятельности в рамках специальных отраслей прокурорского надзора; и правозащитная прокурорская деятельность, реализуемая в рамках ненадзорных направлений деятельности прокуратуры. Так, правозащитная прокурорская деятельность, осуществляемая при реализации ненадзорных функций прокуратуры, охватывает обеспечение прокурором прав и свобод человека и гражданина в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, а также при реализации полномочий в ходе уголовного преследования и поддержания государственного обвинения, координации деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, международного сотрудничества и прочих направлений деятельности отечественной прокуратуры.

В предмет отдельной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – входит обеспечение (защита) прав и свобод человека и гражданина (личности) со стороны всех поднадзорных прокуратуре субъектов. В свою очередь, предметом в специальных отраслях также выступает надзор за соблюдением прав и свобод личности, однако уже исключительно со стороны субъектов, входящих в предмет надзора данных отраслей.

Обеспечение общеправового положения личности в рамках отдельной отрасли – прокурорского надзора за

соблюдением прав и свобод человека и гражданина – происходит на четырех основных уровнях.

На первом – общем (базовом) – уровне прокурор обеспечивает правовое положение всех лиц, закрепляемое в общепризнанных международном стандартах и национальном законодательстве, независимо от их гражданской принадлежности. В этом случае, как правило, речь идет об обеспечении на территории страны основных прав личности в рамках международно-правового и конституционного статуса личности. Здесь средствами прокурорского надзора обеспечиваются права и свободы всех лиц, пребывающих на территории Российской Федерации.

На втором – национальном – уровне прокурор обеспечивает личные, политические, социальные, экономические и прочие права граждан РФ. Эти права и свободы устанавливаются Конституцией РФ, а также иными законами, действующими на территории РФ. Основным субъектом прокурорской охраны и защиты на этом уровне выступают граждане РФ.

На третьем – специальном – уровне прокурор обеспечивает правовое положение социально охраняемых и социально защищаемых категорий граждан РФ: ветеранов, инвалидов и прочих лиц, в отношении которых действует специальное законодательство в части предоставления социальной защиты, дополнительных гарантий и льгот или иных преференций.

Наконец, на четвертом – исключительном – уровне прокурор обеспечивает правовое положение лиц (граждан), находящихся в трудной жизненной ситуации, которые самостоятельно не могут реализовать свои права в силу состояния здоровья, возраста, зависимого положения, особого физического и психическо-

го состояния при сложившихся на конкретный момент обстоятельствах.

В рамках правозащитной прокурорской деятельности в специальных отраслях прокурор надзирает за обеспечением прав лиц, обладающих специальным правовым статусом, со стороны поднадзорных субъектов, входящих в предмет надзора соответствующей специальной отрасли. Здесь прокурор обеспечивает те права, которые не охватываются отдельной отраслью надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Как правило, в этом случае они отдельно определяются в Законе о прокуратуре в предмете надзора соответствующей отрасли, например, так, как это делается в ст. 32 применительно к лицам, отбывающим принудительную изоляцию. Таким образом, в рамках специальных отраслей прокурорского надзора можно выделить еще один уровень обеспечения правового положения личности – обеспечение прав лиц, обладающих специальным правовым статусом, поведение которых регулируется поднадзорными прокуратуре субъектами или же которые находятся в зависимом от них положении.

В этой связи, к примеру, прокурорская правозащитная деятельность в местах принудительной изоляции включает в себя обеспечение прав и свобод и лиц, содержащихся в местах пенитенциарной изоляции, и может реализовываться как в рамках основной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод гражданина, так и специальной отрасли – прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу [3. С. 166–178].

Список источников

1. Бессарабов В.Г. Правозащитная деятельность российской прокуратуры (1722–2002 гг.): история события, люди. М., 2003. 416 с.
2. Гушчин В.З. Правозащитные функции военной прокуратуры в современных условиях // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 36–38.
3. Воронин О.В. Пенитенциарный надзор. М.: Юрлитинформ, 2022. 200 с.

References

1. Bessarabov, V.G. (2003) *Pravozashchitnaya deyatel'nost' rossiyskoy prokuratury (1722–2002 gg.): istoriya sobytiya, lyudi* [Human Rights Activities of the Russian Prosecutor's Office (1722–2002): The history of the event, people]. Moscow: [s.n.].
2. Gushchin, V.Z. (2000) *Pravozashchitnye funktsii voennoy prokuratury v sovremennykh usloviyakh* [Human rights functions of the military prosecutor's office in modern conditions]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4 (41). pp. 34–42.
3. Voronin, O.V. (2022) *Penitentsiarnyy nadzor* [Penitentiary Supervision]. Moscow: YurLitinform.

Информация об авторе:

Воронин О.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Voronin, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.91

doi: 10.17223/23088451/19/19

КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ПРЕСТУПНИКОВ-РЕЦИДИВИСТОВ

Ольга Валерьевна Филиппова

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия, ovalfilippova@yandex.ru

Аннотация. В криминологии на основе обобщения данных о лицах, совершивших преступление, проводится их классификация и типология. Классификация преступников предполагает их группировку по единичному, индивидуальному признаку; типология обобщает совокупность типичных для рецидивных преступников социальных особенностей. На основе анализа статистики судимости выделены критерии классификации рецидивистов и показано их распределение по группам; сделан обзор типологий рецидивистов и определены их основания.

Ключевые слова: рецидив преступлений, личность преступника, типология рецидивистов

Для цитирования: Филиппова О.В. Классификация и типология преступников-рецидивистов // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 105–109. doi: 10.17223/23088451/19/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/19

RECIDIVIST CRIMINALS: CLASSIFICATION AND TYPOLOGY

Olga V. Filippova

East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation, ovalfilippova@yandex.ru

Abstract. In criminology, data on persons who have committed a crime are generalised, and, based on it, classified and typologised. Classification of criminals involves their grouping on a single, individual basis; typology summarises the totality of social features typical of recidivist criminals. Based on the analysis of criminal record statistics, the article identifies the criteria for classifying recidivists and shows their distribution by groups, reviews typologies of recidivists and determines their bases. Recidivists' classification and typology allow systematising knowledge about their composition and determining the dynamics of their criminogenicity. Criminal statistics provide a number of classification criteria: statistical reporting forms contain data on the socio-demographic and criminal legal characteristics of convicts who had a criminal record at the time of the commission of a new crime. The typology of recidivists is based on the following criteria: the type of the crime, socio-psychological and pathopsychological features, reasons for a person's return to criminal activity, impact of the situation on recidivism. Recidivists are primarily criminogenic types since they repeatedly commit crimes. The most common is the mercenary type of recidivists: they commit thefts to solve financial problems in any suitable situation. The most common reasons for recidivism are the lack of a permanent job and alcohol abuse.

Keywords: recidivism of crimes, criminal's personality, typology of recidivists

For citation: Filippova, O.V. (2022) Recidivist criminals: Classification and typology. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 105–109. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/19

В криминологии на основе обобщения данных о лицах, совершивших преступление, принято осуществлять их классификацию и типологию. Не является исключением и исследование личности рецидивиста. Систематизация знаний о составе рецидивистов способствует более глубокому их изучению, определению среди них групп, представляющих особую опасность и требующих повышенного внимания, содействует разработке средств и методов индивидуальной профилактики рецидива преступлений.

Личность преступника-рецидивиста выделяется из обобщенного понятия лица, совершившего преступле-

ния, тем, что лицо уже привлекалось к уголовной ответственности за ранее совершенное преступление, подвергалось мерам уголовно-правового воздействия. Совершение лицом нового преступления свидетельствует об устойчивости его криминальной направленности. Личность рецидивиста характеризуется особенными социально-психологическими свойствами и проявлениями, обусловленными продолжительностью антисоциального образа жизни.

При исследовании личности рецидивиста авторы по-разному определяют его понятие. Одни авторы изучают в числе рецидивистов всех лиц, ранее совершав-

ших преступления, независимо от наличия судимости за прежнее преступление; формы вины и категории предшествующего и последующего преступления; возраста, в котором лицо совершило преступление; меры уголовно-правового воздействия за ранее совершенное преступление (криминологический рецидив) [1. С. 36]. Другие понимают рецидивиста как лицо, совершившее преступление повторно, имея неснятую и непогашенную судимость за ранее совершенное преступление [2. С. 9]. В настоящем исследовании личность рецидивиста рассматривается как совокупность социально-демографических, социально-ролевых и нравственно-психологических свойств, характерных для лиц, совершивших повторные преступления при наличии судимости.

При группировке рецидивистов следует иметь в виду, что классификация и типология представляют собой разные уровни обобщения. Классификация группирует лиц по единичному, индивидуальному признаку; типология обобщает совокупность типичных для рецидивных преступников социальных особенностей. Как отмечают исследователи, «самым важным отличием классификации от типологии является то, что первая дает описание изучаемого объекта, а вторая (наряду с другими методами) его объяснение, т.е. с помощью типологии можно успешнее вскрыть его природу, причины, закономерности зарождения и развития, составить прогноз» [3. С. 115]. Как правило, классификация осуществляется перед типологией.

В уголовной статистике (форма № 11 – Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления [4]) можно встретить классификации рецидивистов:

а) по социально-демографическим признакам: пол, возраст, гражданство, место жительства, образование, род занятий (социальное положение);

б) уголовно-правовым признакам: место и время совершения преступления, категория преступления, состав ранее совершенного и нового преступления, вид рецидива, меры уголовно-правового воздействия за ранее совершенное преступление, количество судимостей.

Анализ статистических данных о количестве и характеристиках рецидивистов (осужденных, ранее совершавших преступления, имеющих на момент совершения нового преступления неснятые и непогашенные судимости) позволил установить их распределение по классификационным группам. Так, по полу около 90% рецидивистов – мужчины. По возрасту – наименьшую долю лет занимает группа 14–17 лет (1,6%), наибольшую – 30–49 лет (60%); 18–24 лет – 14,0%, 25–29 лет – 18,0%, 50 лет и старше – 6,4%.

По гражданству: рецидивисты, как правило, являются гражданами РФ – 97,7%; граждане государств СНГ составляют менее 1–0,83%, граждане других государств (кроме СНГ) – 0,15%, лица без гражданства – 0,3%.

По месту жительства: это – постоянные жители – 93,0%, другие жители иной местности – 5,3%, без определенного места жительства – 1,6%, беженцы и вынужденные переселенцы – 0,05%.

По образованию: среди рецидивистов лиц с высшим профессиональным образованием всего 3,3%, со средним профессиональным – 37,3%, средним общим – 36,7%, основным общим, начальным и без образования – 22,6%.

По социальному положению: подавляющее большинство рецидивистов являются трудоспособными, но не имеющими определенных занятий (72,9%); рабочие занимают 18%, служащие коммерческой или иной организации – 3,3%, учащиеся и студенты – 1,4%, предприниматели – 0,8%, нетрудоспособные и не работающие (3,3%), отбывающие лишение свободы в исправительном учреждении – 1,35%, военнотрудовые – 0,06%, имеющие прочие занятия – 0,85%.

По месту совершения преступления: более $\frac{3}{4}$ рецидивистов (75,6%) совершили преступление в городе, из них 32,9% – в административных центрах субъектов РФ и только 24,4% – в сельской местности.

Основанием для классификации рецидивистов служит также время совершения нового преступления – во время или после применения мер уголовно-правового воздействия. Осужденных, совершивших преступление в процессе отбывания наказания за предыдущее, относят к пенальным рецидивистам, после отбытия наказания – к постпенальным. Среди последних выделяют постпенитенциарных, т.е. допустивших рецидив после отбытия реального лишения свободы.

В зависимости от вида уголовно-правового рецидива, предусмотренного ч. 2 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, осужденных классифицируют на тех, которые признаны:

– совершившими преступление при простом рецидиве (по статистике судимости таких 42,0%);

– совершившими преступление при опасном рецидиве (6,1%);

– совершившими преступление при особо опасном рецидиве (2,4%).

Рецидивистов также делят по количеству судимостей на допускающих однократный (имеющие одну судимость, они составляют 57,1%) и многократный рецидив (две и более – 42,9%).

Таковы критерии классификации рецидивистов и их распределение по группам.

Переходя к типологии, подчеркнем, что типология лиц, совершивших преступления, проводится по признакам, причинно связанным с преступным поведением. Типология вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и тем самым способствует обнаружению закономерностей, свойственных типу преступника [5. С. 55]. Между тем следует иметь в виду, что всякая типология носит условный характер, поскольку отнести то или иное лицо, совершившее преступление, к конкретному типу не всегда возможно. На практике также встречаются смешанные, промежуточные типы преступников, для которых характерны черты разных типов.

Типологические группы преступников в криминологии строятся по характеру и содержанию мотивации (преступники с политической, корыстной, насильственно-эгоистической (агрессивной), анархическо-индивидуалистической, легкомысленно-безответ-

ственной мотивацией [6. С. 112]); по соотношению позитивной и негативной направленности личности (профессиональный, привычный, неустойчивый, небрежный и случайный [7. С. 66–67]); степени криминогенности (криминогенный тип и случайный преступник) [8. С. 360–362].

Наиболее распространенной типологией рецидивистов является их типология по характеру преступной направленности. Данная типология учитывает криминологически значимую межпреступную связь, состоящую в одинаковой мотивации [1. С. 44]. По данному основанию выделяют рецидивистов корыстной, корыстно-насильственной, насильственной и порочно-потребительской направленности. Рецидивисты корыстной направленности – лица, неоднократно совершающие кражи, мошенничества для решения материальных проблем в любой подходящей ситуации, составляют наибольшую группу. Они действуют в большинстве случаев в одиночку и в трезвом состоянии. Тип рецидивистов корыстно-насильственной направленности объединяет лиц, повторно совершающих грабежи, вымогательства, разбои нередко с использованием оружия; для разбойников более характерна групповая преступная деятельность. Рецидивисты насильственной направленности – наиболее опасны для общества, поскольку совершают посягательства на личность насильственным способом, как правило, в состоянии опьянения и в отношении лиц из их семейно-бытового окружения (убийцы, причинители вреда здоровью разной степени тяжести, насильники, хулиганы). К типу рецидивистов порочно-потребительской направленности относят лиц, совершающих наркопреступления, употребляющих наркотические средства и зависимых от них.

В литературе встречается типология рецидивистов на основе социально-психологических и патопсихологических черт личности [9. С. 22]. Согласно данной типологии, выделяются следующие типы рецидивистов:

– деструктивный тип – совершает повторные преступления вследствие деформации морально-этических характеристик, враждебности и негативизма к общественным нормам; агрессивность выступает как форма психологической защиты;

– дефицитарный тип – отличается инфантильностью, импульсивностью поступков, возбудимым и истерическим типом реагирования на происходящие события, обусловленным психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в том числе алкоголизмом, наркозависимостью;

– дезадаптивный тип – характеризуется такой нравственной деформацией, при которой он все воспринимает в плоскости своих потребностей и страстей. Экспрессивно-насильственное поведение реализуется в преступных посягательствах;

– смешанный тип рецидивиста включает различные деструктивные черты указанных типов.

С.М. Иншаков выделяет типы рецидивистов в зависимости от причин их возвращения к преступной деятельности. Такая типология, по мнению автора, иллюстративна в плане анализа причин рецидивной пре-

ступности, на основе чего можно разработать основные направления ее профилактики [10. С. 182]. Так, автор различает следующие типы рецидивистов:

– криминально целеустремленный тип, для которого множественность преступлений – стремление к преступному профессионализму, вступлению в организованное преступное сообщество;

– безнаказанный тип, совершающий преступление повторно вследствие того, что его предшествующее опасное деяние не выявлено;

– маниакальный тип, совершающий новые преступления в силу психического расстройства;

– случайный тип, совершающий повторные преступления по причине неумения противостоять негативному влиянию криминогенных ситуаций, возникающих, как правило, в межличностных конфликтах;

– конформистский тип, совершающий рецидив из-за отрицательного воздействия неформальных групп (лица, с которыми отбывал наказание или ранее совершал преступления);

– ситуативный тип, оказавшийся в ситуации отсутствия иных источников к существованию кроме совершения преступлений;

– неустойчивый тип – дезадаптированная личность, не обладающая навыками устойчивого правомерного поведения, не реализованная в социальных ролях, не связанных с преступной деятельностью;

– маргинальный тип – деградированная личность, страдающая алкогольной, наркотической зависимостью, не имеющая семьи, жилья, социальных связей.

Как показали результаты проведенного в ходе исследования опроса рецидивистов о причинах повторного совершения преступления* (таблица), наиболее часто лицо вновь нарушает уголовно-правовой запрет в условиях отсутствия постоянной работы и в результате злоупотребления алкоголем (73,5 и 47,5% соответственно).

Результаты опроса лиц, обвиняемых в совершении рецидива преступлений

Укажите причину, по которой, на ваш взгляд, вы повторно совершили преступление (возможно несколько вариантов)	%
Влияние друзей	24,6
Конфликты в семье	29,7
Потеря семьи	10,1
От меня отвернулись родственники и близкие	6,4
Отсутствие жилья	3,8
Отсутствие постоянной работы	73,5
Злоупотребление алкоголем	47,5
Употребление наркотических веществ и психотропных средств	28,6
Не считаю совершение преступлений предосудительным	4,1

Е.А. Антонян предлагает следующую типологию рецидивистов [2. С. 179]:

– с антиобщественной установкой универсального характера;

* Показаны результаты опроса обвиняемых в совершении рецидива преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в 2021 г. в Республике Бурятия. Всего опрошено 1 033 чел.

– с антиобщественной установкой корыстной направленности;

– с антиобщественной установкой насильственного характера;

– асоциального типа;

– ситуативного типа.

Вместе с тем автор не поясняет, какой критерий положен в основу данной типологии, в связи с чем она выглядит довольно противоречиво: при определении типов присутствует указание на мотивацию преступного поведения, антиобщественную направленность личности, влияние ситуации на совершение преступления.

Представляется, что при типологии рецидивистов следует учитывать, прежде всего, то, что рецидивисты – это лица, имеющие судимость за ранее совершенное преступление; они вновь совершают опасные посяательства, несмотря на принятые к ним меры. Поэтому их можно отнести к криминогенному типу личности, для которого характерны:

– отчуждение от ценностно-нормативной системы общества и государства;

– адаптация к отрицательной оценке своего поведения со стороны общества, самооправдание;

– активное использование криминогенной ситуации или создание условий совершения преступлений;

– формирование в условиях активного антиобщественного поведения окружающих (членов семьи, друзей) [8. С. 362].

Криминогенный тип в зависимости от влияния на его поведение конкретной жизненной ситуации

дифференцируется на три подтипа: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный и ситуативный. Последовательно-криминогенный подтип формируется в негативной среде, представителям которой присущи противоправное поведение, устойчивая криминальная направленность; преступное поведение вытекает из всего его образа жизни; характеризуется активностью поведения в ситуации совершения преступления [6. С. 118]; совершает преступления, как правило, без внешних поводов или в ситуации, затрудняющей преступную деятельность [11. С. 253]. Ситуативно-криминогенный подтип формируется в противоречивой среде (имеется как позитивное, так и негативное социальное воздействие), допускает нарушения непроступного характера; совершает преступление при значительном влиянии неблагоприятной жизненной ситуации [11. С. 254]. Ситуативный подтип формируется в благоприятной среде, безнравственные элементы которой выражены незначительно; характеризуется общей положительной направленностью личности. Преступление совершается при решающем влиянии криминогенной ситуации, возникшей не по вине данного лица, к решению которой оно оказывается не готовым [8. С. 362].

Указанная типология представляется наиболее подходящей для группировки рецидивистов, поскольку учитывает степень их криминализации и позволяет определить содержание и интенсивность мер профилактического воздействия.

Список источников

1. Моргунов С.В. Криминологическая характеристика и типология рецидивистов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 4 (18). С. 36–46.
2. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.
3. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М. : Норма-Инфра-М, 2010. 368 с.
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 04.04.2022).
5. Игошев К.А. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
6. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
7. Криминология : учеб. пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
8. Криминология / под общ.ред. А.И. Долговой. М. : Издательская группа Норма-Инфра-М, 2001. 848 с.
9. Антонян Ю.М., Калманов Г.Б., Ножкина Т.А. Личность рецидивиста и типология рецидивистов // Сборник научных трудов Института гуманитарного образования. М., 2007. Вып. 8. С. 22–30.
10. Иншаков С.М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 432 с.
11. Социальные отклонения. М., 1989. 365 с.

References

1. Morgunov, S.V. (2011) Criminological characteristics and typology of recidivists. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 4 (18). pp. 36–46. (In Russian).
2. Antonyan, E.A. (2014) *Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie* [Recidivist's personality: Criminological and penal research]. Law Dr. Diss. Moscow.
3. Antonyan, Yu.M. & Eminov, V.E. (2010) *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie* [The Identity of the Criminal. Criminological and psychological research]. Moscow: Norma-InfraM.
4. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii* [Summary statistical data on the state of criminal record in Russia]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>. (Accessed: 4th April 2022).

5. Igoshev, K.A. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of Criminal Personality and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky: Izd-vo GVSh MVD SSSR.
6. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General part)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Burlakova, V.N. & Kropachev, N.M. (eds) (2013) *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg: Piter.
8. Dolgovaya, A.I. (ed.) (2001) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA.
9. Antonyan, Yu.M., Kalmanov, G.B. & Nozhkina, T.A. (2007) Lichnost' retsidivista i tipologiya retsidivistov [The personality of a recidivist and the typology of recidivists]. *Sbornik nauchnykh trudov In-ta gumanitarnogo obrazovaniya*. 8. pp. 22–30.
10. Inshakov, S.M. (2000) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurisprudentsiya.
11. Kudryavtsev, V.N. (1989) *Sotsial'nye otkloneniya* [Social Deviations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Информация об авторе:

Филиппова О.В. – доцент, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Filippova, Cand. Sci. (Law), associate professor, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/20

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ РЕЕСТРА КОМПАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНУ РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Павел Александрович Григорьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, pav96gri@yandex.ru

Аннотация. Приводится сравнительно-правовое исследование российских, британских и североамериканских уголовно-правовых запретов, направленных на охрану реестров юридических лиц от преступных фальсификаций. Рассмотрены положения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовно-правовые нормы законодательства Великобритании о компаниях, уголовное законодательство США и отдельных штатов. Особое внимание уделено особенностям правовых систем и правоприменительным проблемам.

Ключевые слова: охранительная функция, реестр, экономическое преступление

Для цитирования: Григорьев П.А. Фальсификация реестра компаний по уголовному закону России, Великобритании и США: сравнительное исследование // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 110–116. doi: 10.17223/23088451/19/20

Original article
doi: 10.17223/23088451/19/20

FALSIFYING THE REGISTER OF COMPANIES UNDER THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA, UK, AND USA: A COMPARATIVE STUDY

Pavel A. Grigoriev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, pav96gri@yandex.ru

Abstract. The article examines the current criminal law prohibitions on falsification of registers of legal entities adopted in the Russian Federation, the United Kingdom, and the United States (at the federal and state levels). The topic of the article seems to be relevant, since such a study allows carrying out a wider – through contrast and comparison of existing regulations – study of the advantages and disadvantages of domestic experience in legal regulation and, if necessary, putting forward proposals for borrowing foreign countries' experience. The degree of scientific elaboration of the topic is low; Russian lawyers have not previously conducted similar studies. At the same time, crimes in the sphere of economic activity under Anglo-American law were studied earlier by N.E. Krylova, N.N. Polyansky, E.V. Chuprova, and other domestic researchers. Thus, the novelty of the article consists in the fact that it is the first Russian-language comparative legal study of the criminal falsification of the register of legal entities under the law of the Russian Federation, the United Kingdom, and the United States. The author of the article compares the norms of criminal law of the Russian Federation, the United Kingdom, and the United States, particularly focusing on the criminal law regulation of the falsification of the register of companies under the law of different states. The basis of the methodology is a combination of general scientific and specific legal research methods. The general scientific methods are: analysis, analogy, induction, interpretation, and others. The main specific legal methods are: the comparative legal method and the formal legal method. At the beginning of the article, the author gives introductory provisions on the role of criminal law in the protection of public relations in the field of economic activity and indicates the problem of the lack of scientific development of the topic. In the main part, the author analyses the criminal law prohibitions in force in the Russian Federation, the United Kingdom, and at the federal level and at the level of individual states in the USA. In the final part of the article, the author presents the main conclusions of the study. The article has theoretical and practical significance. Thus, the conclusions of the article enrich the scope of theoretical knowledge about the criminal law of the United Kingdom and the United States on the analysed criminal law prohibitions. With regard to the practical plane, the conclusions of the article can become the basis for future changes in Russian legislation.

Keywords: protective function, register, economic crime

For citation: Grigoriev, P.A. (2022) Falsifying the register of companies under the criminal law of Russia, UK, and USA: A comparative study. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 110–116. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/20

Во всех национальных правовых системах отрасль уголовного права выполняет охранительную функцию, уголовно-правовые запреты устанавливаются и применяются в качестве *ultima ratio* государственно-принудительной реакции на противоправное поведение людей. Существующий в государствах порядок регистрации и учета юридических лиц обеспечивается как диспозитивными предписаниями отраслей частного права, так и через реализацию охранительной функции уголовного права. Таким образом, нормы уголовного права, запрещающие искажать, фальсифицировать и иным образом оказывать негативное воздействие на реестры компаний*, защищают гражданские, торговые и административные правоотношения и выступают важным элементом механизма правовой охраны коммерческой деятельности и экономики в целом.

Российская Федерация. В отечественном уголовном законодательстве рассматриваемые уголовно-правовые запреты на фальсификацию реестра компаний закреплены в «предпринимательской» ч. 1 ст. 170.1 (Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета) и в «должностной» ст. 285.3 (Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений) действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ [1]. Обе статьи не содержались в Кодексе на момент его принятия, а были введены в 2010 г. в рамках так называемых антирейдерских поправок, инициированных Президентом РФ. В то время как в ч. 1 ст. 170 УК РФ установлено наказание за предоставление в регистрирующий орган (орган учета прав на ценные бумаги) документов, содержащих заведомо ложные данные, положения ст. 285.3 УК РФ запрещают под страхом наказания умышленное внесение заведомо недостоверных сведений должностным лицом в один из единых государственных реестров, предусмотренных действующим российским законодательством.

Таким образом, неслучайно расположение ст. 170.1 и ст. 285.3 в Главе 22 (Преступления в сфере экономической деятельности) и в Главе 30 (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) УК РФ соответственно. Вводя в УК РФ рассматриваемые статьи, российский законодатель стремился обеспечить всестороннюю защиту отношений в сфере ведения реестра компаний.

Научное исследование российского уголовного права не было бы полным и всеобъемлющим без применения сравнительно-правового метода. Этот метод подразумевает проведение различных (асинхронных, исторических, синхронных и т.п.) сравнений права отдельного государства (в данном случае – норм УК РФ) с правом государств, в которых общественные отношения находятся на схожем уровне развития. В этой связи

представляется целесообразным провести сравнительный анализ преступных фальсификаций реестров компаний по праву России и англо-американскому праву. Поскольку к англо-американскому праву относится более десятка национальных правовых систем бывших колоний Британской империи**, то изначально необходимо обозначить исследуемые правовые порядки. Выбор Великобритании и США как государств с высоким уровнем экономического развития и с высокоразвитым корпоративным правом видится оптимальным для проводимого исследования. Такой выбор подкрепляется и доступностью исследовательских источников этих государств для российского правоведа, что также признается немаловажным фактором при выборе юрисдикций для сравнительно-правового исследования [3. Р. 19].

Ранее отечественными учеными не проводились аналогичные сравнительно-правовые изыскания по теме уголовно-правовой охраны реестров компаний, хотя свет и увидел несколько сравнительных исследований общего характера. Например, Е.В. Чупрова проводит подробный анализ экономических преступлений и приходит к выводам о системных отличиях английского уголовного права от уголовного права России***, описывает традиционные экономические преступления вроде хищений, но никак не затрагивает преступления в отношении реестров компаний. А.Н. Ильешенко и А.С. Горловым в сравнительно-правовом ключе анализируется уголовное законодательство об охране государственных реестров, действующее в Израиле, Казахстане, Норвегии, Польше, Франции, Швейцарии и в ряде иных государств, но ни одно из государств общего права учеными не упоминается [5. С. 20–30]. В подобных условиях нормы англо-американского уголовного права об охране реестров компаний остаются полностью не исследованными в отечественной доктрине, и настоящая статья – первая попытка исправить эту ситуацию.

Великобритания. Уголовно-правовые запреты, аналогичные российским запретам, выраженным в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, установлены в ст. 1112 (Совершение ложного заявления) раздела 35 (Регистратор компаний) Закона о компаниях 2006 г. [6].

Такое расположение норм, на первый взгляд кажущееся несколько экзотическим, в парадигме английского права является совершенно естественным. В английской правовой системе отсутствует единый законодательный акт уголовно-правового профиля, в то же время в иных сферах правового регулирования (корпо-

** В.Н. Додонов, характеризуя распространенность англо-американского права, указывает, что «в настоящее время англо-американская система действует более чем в 60 странах всех без исключения континентов». В определенной мере расширению сферы влияния правовой системы, по мнению ученого, способствовала и захватническая политика Соединенных Штатов [2. С. 38].

*** Интересен вывод Е.В. Чупровой, что «преступления, так или иначе затрагивающие сферу предпринимательской деятельности, в английской правовой системе можно отнести к экономическим, независимо от того, посягает ли преступник на правоотношения в сфере производства, распределения, обмена товаров, работ, услуг или же на правоотношения, складывающиеся на финансовых рынках, или же в регулируемых государством областях, таких как процедура банкротства, банковская деятельность и др.» [4. С. 42].

* Здесь и далее термин «реестр компаний» используется как обобщенное название для российского Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), реестра юридических лиц Великобритании и реестров юридических лиц, которые ведутся в США.

ративное право, семейное право и т.д.) существует тенденция к систематизации норм в рамках единых статутов. Применительно к английскому уголовному праву учеными отмечается, что составы преступлений и их основные элементы предусмотрены в основном в специальных законодательных актах и правообразующих прецедентах [4. С. 48], или, говоря немного по-другому, уголовно-правовые запреты встречаются в различных отраслевых актах [7. С. 15].

Закон о компаниях 2006 г., регулирующий широкий круг вопросов корпоративного права, является отраслевым нормативным актом, объединяющим как регулятивное законодательство, так и нормы охранительного характера*. Л. Джонс, комментируя историю принятия Закона о компаниях 2006 г., приходит к выводу, что этот закон стал самым объемным актом парламента в истории; причем только незначительная часть его положений начала действовать сразу после принятия, большинство же норм получали юридическую силу в течение последующих трех лет с момента принятия [9. С. 48].

Согласно ст. 1112 Закона о компаниях 2006 г., объективную сторону фальсификации реестра компаний образуют следующие действия: подача регистратору компаний для любых целей, предусмотренных Законом о компаниях 2006 г., документа или совершение в адрес регистратора компаний заявления, которые являются ложными, вводящими в заблуждение или вводящими в заблуждение в отношении какого-либо конкретного обстоятельства. Субъективная сторона выражается в одной из форм вины – совершение лицом преступления сознательно или по неосторожности. Виновное лицо подлежит уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок до двух лет или штрафа (или тому и другому) – следует из пп. «а» п. 2 ст. 1112 Закона о компаниях 2006 г.

Функции органа, ответственного за ведение реестра компаний, в Великобритании возложены на Регистратор компаний (оригинальное название – the Companies House) – структурную единицу правительственного Департамента бизнеса, энергетики и промышленного развития (BEIS) [10. Р. 166]. Современная британская система регистрации компаний прошла длительную историю развития, но свои основные характеристики приобрела в 1840-х гг., когда парламент принял нормы о регистрации, ведении реестра и о функциях Регистратора компаний [11. Р. 16]. В настоящее время основы деятельности Регистратора компаний закреплены в указанной главе 35, включающей статьи с 1059А по 1120 Закона о компаниях 2006 г. На основе анализа положений этой главы можно сделать вывод, что по функциям, статусу и основным задачам британский Регистратор компаний аналогичен российской Федеральной налоговой службе (ФНС). Как указано в п. 1

Постановления Правительства РФ от 30.09.2004 № 506, в числе прочего ФНС является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц [12].

Уголовно-правовые запреты из ст. 1112 Закона о компаниях 2006 г., несмотря на их «затерянность» в сложной структуре английского законодательства, уже применялись на практике, причем происходило это в контексте значительного общественного резонанса, в который были вовлечены высокопоставленные представители государственной власти. Так, в марте 2018 г. вышел короткий пресс-релиз Правительства Великобритании, в нем сообщалось следующее: «...директор компании был оштрафован за умышленную фальсификацию информации о своих компаниях, что стало первым в истории обвинением такого рода» [13]. Дело представляет интерес не только тем, что оно стало первым случаем применения положений ст. 1112 Закона о компаниях 2006 г., но и фактическими обстоятельствами фальсификации реестра компаний.

Суд признал виновным в фальсификации сведений о двух компаниях предпринимателя К. Бревера, приговорил его к штрафу и обязал компенсировать расходы в суммарном размере свыше 12 тыс. фунтов стерлингов. В первом случае обвиняемый зарегистрировал компанию, указав в качестве ее учредителя члена Палаты общин В. Кейбла. Сделано это было без какого-либо ведома народного представителя из нижней палаты парламента. Во втором случае лжеучредителями компании, помимо выдуманного израильянина, стали член Палаты общин Д. Клеверли и чиновница баронесса Л. Невилл-Рольф. Последняя на момент регистрации фиктивной компании занимала правительственную должность и непосредственно контролировала работу Регистратора компаний.

Своими ироничными действиями К. Бревер стремился публично заявить о недостатках британской регистрационной системы и губительной простоте включения в реестр практически любого юридического лица, в том числе и компаний, создаваемых исключительно с преступным умыслом для «отмывания денег». Сейчас в Великобритании электронная регистрация компании с ограниченной ответственностью и с типовым уставом обходится в 15 фунтов стерлингов и занимает 24 часа, а такая же регистрация в день подачи заявления стоит 30 фунтов стерлингов [10. Р. 168]. Несмотря на состоявшееся обвинение и уголовное преследование, дело К. Бревера не стало рядовым, а вновь заставило британские деловые круги говорить о проблемах массового использования реестра компаний Великобритании в преступных целях [14]. После дела К. Бревера о подобных прецедентах публично уже не сообщалось.

Стоит заметить, что в России статьи УК РФ, защищающие ЕГРЮЛ от преступных фальсификаций, применяются на практике значительно чаще – об этом свидетельствует статистика Верховного Суда РФ. Благодаря доступности судебной статистики (и с поправкой на латентную преступность) возможно судить о мас-

* Р. Давид и К. Жоффре-Спинози так комментировали несистемность и запутанность английского права: «...в то время как система романских правовых систем – это система относительно рациональная и логичная, так как она создана в основном трудами университетов и законодателей, английское право, напротив, создавалось без забот о логике, в рамках, навязанных судебной процедурой» [8. С. 228].

штабе распространенности таких деяний в нашем государстве. В частности, ч. 1 ст. 170.1 УК РФ за 2020 г. была применена 40 раз, а ст. 285.3 – всего один раз (в обоих случаях – по количеству осужденных по основной статье) [15]. В предыдущие годы правоприменительная динамика была примерно на таком же уровне – по несколько десятков приговоров в год по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и не более пяти приговоров в год по ст. 285.3 УК РФ.

США. Исследование североамериканского права представляется более затруднительным по сравнению с изучением права Великобритании. Причина тому не в размерных диспропорциях двух государств и не столько даже в историко-правовых различиях, выраженных антагонизмом монархического (Великобритания) и республиканского (США) характеров правовых систем. По мнению Р. Давида, Англия всегда была очень централизованной в вопросах отправления правосудия; США – государство федеральное, в котором необходимо примирять общенациональные интересы и партикулярные интересы штатов [8. С. 275]. Таким образом, основные затруднения вызываются децентрализованностью правовой системы США.

Действительно, параллельное сосуществование в США полусотни правовых систем субъектов и федеральной правовой системы вынуждает иметь дело со значительным объемом уголовно-правовых запретов. Уголовное право не кодифицировано, нормы по структуре казуистичны, конкретны, объемны, излагаются в пространственных предложениях. Американские исследователи, сравнивая право штатов с континентальными юрисдикциями, отмечают, что хотя в отдельных штатах приняты акты, которые именуются «кодексами» (например, в Калифорнии действует так называемый *codes*), такие штаты не являются частью континентальной правовой семьи. Кодификация трактуется не как техническое воплощение правовых предписаний, когда предписания инкорпорированы под заголовком «кодекс», а в виде некоей идеологии всей правовой системы [16. Р. 168]. Вплоть до 1960-х гг., пока Американский институт права (American Law Institute, ALI) не разработал Типовой уголовный кодекс (Model Penal Code), под кодексами в американском праве понимались простые собрания законодательных поправок в области уголовного права, которые лишь в самых удачных случаях упорядочивались по алфавиту [17. Р. 564]. Несмотря на усилия Американского института права, до настоящего времени ни федеральное уголовное право США, ни уголовное право штатов не обладают системным единообразием.

На федеральном уровне в США уголовно-правовое противодействие фальсификациям реестров компаний традиционно ведется через установление и применение норм о подделке (*forgerу, counterfeiting* и иные термины общего права). Подделка понимается как мошенническое изготовление или изменение письменной информации для причинения вреда правам другого лица. Еще одним применимым составом преступления является опубликование поддельного документа (часто обозначается как *uttering a forged instrument*). Составы

подделки традиционно являются фелониями, т.е. относятся к разряду тяжких преступлений [18. Р. 160].

По содержанию гипотезы и диспозиции аналогом отечественной ч. 1 ст. 170.1 УК РФ в федеральном уголовном законе США выступает § 495 (Договоры, акты и доверенности) гл. 25 (Подделки) т. 18 (Преступления и уголовное судопроизводство) Свода законов США. В положениях данного параграфа, несмотря на несколько исчерпывающий характер его заголовка, установлена уголовная ответственность за подделку как отдельных документов, так и за опубликование подделанных сведений [19]. Объективная сторона преступления включает либо ложное создание, изменение, подделку любого акта, доверенности, приказа, сертификата, квитанции, контракта или другого письменного документа, либо опубликование такого документа, либо передачу такого документа в уполномоченные органы США или должностным лицам.

Близкими по содержанию к российской «должностной» ст. 285.3 УК РФ являются положения § 1021 (Записи о правах) гл. 47 (Мошенничество и ложные заявления) этого же нормативного правового акта. Так, является федеральным преступлением, когда кто-либо, действующий в должности лица, уполномоченного по закону США на совершение регистрации перехода прав на недвижимость или любых других прав, которые в соответствии с законом могут быть зарегистрированы, умышленно и заведомо ложно регистрирует такой переход прав.

В § 495 предусматривается санкция в виде штрафа или тюремного заключения на срок до 10 лет либо штрафа и тюремного заключения в совокупности. Санкция за совершение деяний, предусмотренных § 1021 Свода законов США, значительно мягче, – штраф или тюремное заключение на срок до 5 лет либо штраф и тюремное заключение в совокупности. Таким образом, в целом уголовная ответственность за преступные фальсификации реестров компаний по закону США значительно тяжелее, чем в российском уголовном праве. Впрочем, подобный вывод не может быть безусловным, так как нормы законодательства США по своей конструкции существенно отличаются от норм УК РФ, а возможность их применения значительно шире, чем применение только в связи с фальсификациями сведений о зарегистрированных компаниях.

Анализ законодательства отдельных субъектов США (штатов) позволяет прийти к выводу, что во многих из них действуют специальные уголовно-правовые предписания, запрещающие фальсифицировать и искажать сведения как отдельных официальных документов, так и публичных реестров компаний. В основном, как и в федеральном уголовном праве, регулирование осуществляется через уголовно-правовые запреты на подделку и фальсификацию документов, записей и иных юридических инструментов. Как отмечается в учебной литературе по американскому уголовному праву, большинство штатов восприняло утвердившуюся на федеральном уровне дефиницию подделки, но штаты пошли еще дальше, расширили перечень сведений, которые могут быть подделаны, и включили такие перечни в законодательные акты [18. Р. 161].

К примеру, в разделе «К» (Мошеннические преступления) гл. 40 (Отдельные виды преступлений) Свода законов штата Нью-Йорк предусмотрено несколько составов преступлений, обеспечивающих уголовно-правовую охрану публичных записей в коммерческой сфере: § 175.05 (Фальсификация коммерческих записей второй степени) – «простая» фальсификация, § 175.10 (Фальсификация коммерческих записей первой степени) – более тяжкое преступление, когда фальсификация совершается с целью совершить другое преступление либо для сокрытия иного преступления. В штате Нью-Йорк, кроме этого, действуют специальные запреты на фальсификацию публичных записей – § 175.20 (Фальсификация публичных записей второй степени), § 175.25 (Фальсификация публичных записей первой степени) [20]. Например, объективную сторону фальсификации публичных записей второй степени по праву штата Нью-Йорк образуют следующие действия: удаление, искажение, уничтожение, сокрытие записи, совершение ложной записи, искажение письменного документа.

Аналогичные запреты на подделку публичных записей действуют в Пенсильвании: ст. 4103 (Мошенническое уничтожение, удаление или сокрытие записей), ст. 4104 (Фальсификация записей и идентификаторов) Собрания законов штата Пенсильвания [21] и в ряде иных штатов. Однако цитирование законодательства всех субъектов США представляется излишним и не отвечающим индуктивной природе научного исследования. Достаточно выделить основные характеристики и закономерности правового регулирования, проиллюстрировать их отдельными примерами, что и было осуществлено.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития уголовно-правовых систем России, Великобритании и США законодательными органами указанных государств введены в целом идентичные, хотя и отличающиеся по своему содержанию уголовно-правовые запреты на неправомерные фальсификации публичных реестров, включающих юридически значимые записи о субъектах корпоративного права. В то время как нормы законодательства США характеризуются казуистичностью, детальностью, лексической громоздкостью и довольно широкой потенциальной применимостью (запреты касаются фальсификаций почти всех видов документов, включая публичные записи), нормы закона Великобритании и России являются более конкретными и определенными.

Во всех случаях сравнений российского УК РФ с британским Законом о компаниях 2006 г. и с североамериканскими правовыми актами обнаруживаются различия и антагонизмы, обусловленные характеристиками и особенностями, отличающими континентальную правовую семью от семьи общего права: кодифицированный характер запретов vs консолидация предписаний; интегрированность положений кодекса в систему национального законодательства vs неочевидная и часто изменчивая связь англо-американских законов с иными источниками общего права, включая массив прецедентов. Указанные особенности, впрочем, не отменяют основной тезис: в рассмотренных правовых системах уголовно-правовое регулирование участвует в охране правоотношений по поводу регистрации и учета компаний в публичных реестрах, выполняя охранительную функцию.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2009. 448 с.
3. *Stiems M.* Comparative Law. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 506 p.
4. Чупрова Е.В. Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии. М. : Волтерс Клувер, 2007. 208 с.
5. Ильищенко А.Н., Горлов А.С. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере ведения единых государственных реестров. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2013. 140 с.
6. *Companies Act 2006 (Chapter 46)* // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения 25.02.2022).
7. Уголовное право зарубежных стран : в 3 т. Т. 1: Общая часть. Англия. США : учеб. для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Н.Е. Крылова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 240 с.
8. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М. : Междунар. отношения, 1998. 400 с.
9. *Jones L.* Introduction to Business Law. Oxford : Oxford University Press, 2019. URL: <https://www.oxfordlawtrove.com/view/10.1093/he/9780198824886.001.0001/he-9780198824886> (дата обращения: 25.02.2022).
10. *Gerner-Beuerle C., Schillig M.* Comparative Company Law. Oxford : Oxford University Press, 2019. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780199572205.001.0001/oso-9780199572205> (дата обращения: 25.02.2022).
11. *Dignam A., Lowry J.* Company Law. Oxford : Oxford University Press, 2020. URL: <https://www.oxfordlawtrove.com/view/10.1093/he/9780198848455.001.0001/he-9780198848455> (дата обращения: 25.02.2022).
12. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.
13. UK's 'first ever' successful prosecution for false company information // GOV.UK. 23 March 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uks-first-ever-successful-prosecution-for-false-company-information> (дата обращения: 07.12.2021).
14. *Bullough O.* Britain, headquarters of fraud // The Guardian. 22 April 2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/22/the-sunday-essay-britain-headquarters-of-fraud> (дата обращения: 27.12.2021).

15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 28.12.2021).
16. Head J.W. Great Legal Traditions: Civil Law, Common Law, and Chinese Law in Historical and Operational Perspective. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2011. 676 p.
17. *The Handbook of Comparative Criminal Law* / ed. by K.J. Heller, M. Dubber. Redwood City : Stanford University Press, 2010. 660 p.
18. Scheb J.M., Scheb II J.M. Criminal Law. 4th ed. Belmont : Thomson Wadsworth, 2006. 420 p.
19. Title 18 of the United States Code. Crimes and Criminal Procedure // Legal Information Institute. June 25. 1948. Ch. 645. § 1. 62 Stat. 683. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18> (дата обращения: 24.02.2022).
20. Consolidated Laws of New York. Chapter 40. Penal. Part 3. Specific Offenses // The New York State Senate. July 20. 1965. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN> (дата обращения: 25.02.2022).
21. Statutes of Pennsylvania. Consolidated Statutes. Title 18. Crimes and Offences // Pennsylvania General Assembly. November 25. 1970. URL: <https://www.legis.state.pa.us/cfdocs/legis/LI/uconsCheck.cfm?txtType=HTM&yr=1970&sessInd=0&smthLwInd=0&act=0230> (дата обращения: 25.02.2022).

References

1. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
2. Dodonov, V.N. (2009) *Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Comparative Criminal Law. The general part]. Moscow: YurLitinform.
3. Siems, M. (2018) *Comparative Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Chuprova, E.V. (2007) *Otvetstvennost' za ekonomicheskie prestupleniya po ugolovnomu pravu Anglii* [Responsibility for Economic Crimes under the Criminal Law of England]. Moscow: Volters Kluver.
5. Il'yashenko, A.N. & Gorlov, A.S. (2013) *Ugolovno-pravovaya okhrana otnosheniy v sfere vedeniya edinykh gosudarstvennykh reestrov* [Criminal and Legal Protection of Relations in the Sphere of Maintaining Unified State Registers]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
6. Legislation.gov.uk. (2006) Companies Act 2006 (Chapter 46). *Legislation.gov.uk*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents>. (Accessed: 25th February 2022).
7. Krylova, N.E. (ed.) (2019) *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran* [Criminal Law of Foreign Countries]. Vol. 1. 5th ed. Moscow: Yurayt.
8. David, R. & Jauffret-Spinosi, C. (1998) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic Legal Systems of Modernity]. Translated from French by V.A. Tumanova. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Jones, L. (2019) *Introduction to Business Law*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://www.oxfordlawtrove.com/view/10.1093/he/9780198824886.001.0001/he-9780198824886>. (Accessed: 25th February 2022).
10. Gerner-Beuerle, C. & Schillig, M. (2019) *Comparative Company Law*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780199572205.001.0001/oso-9780199572205>. (Accessed: 25th February 2022).
11. Dignam, A. & Lowry, J. (2020) *Company Law*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://www.oxfordlawtrove.com/view/10.1093/he/9780198848455.001.0001/he-9780198848455>. (Accessed: 25th February 2022).
12. Russian Federation. (2004) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.09.2004 № 506 "Ob utverzhenii Polozheniya o Federal'noy nalogovoy sluzhbe" [Resolution of the Government of the Russian Federation of September 30, 2004 No. 506 "On approval of the Regulations on the Federal Tax Service"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 40. Art. 3961.
13. GOV.UK. (2018) UK's 'first ever' successful prosecution for false company information. *GOV.UK*. 23 March. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/news/uks-first-ever-successful-prosecution-for-false-company-information>. (Accessed: 7th December 2021).
14. Bullough, O. (2018) Britain, headquarters of fraud. *The Guardian*. 22 April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/apr/22/the-sunday-essay-britain-headquarters-of-fraud>. (Accessed: 27th December 2021).
15. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii* [Summary statistical data on the state of criminal record in Russia]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>. (Accessed: 28th December 2021).
16. Head, J.W. (2011) *Great Legal Traditions: Civil Law, Common Law, and Chinese Law in Historical and Operational Perspective*. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press.
17. Heller, K.J. & Dubber, M. (eds) (2010) *The Handbook of Comparative Criminal Law*. Redwood City: Stanford University Press.
18. Scheb, J.M. & Scheb, J.M. II. (2006) *Criminal Law*. 4th ed. Belmont: Thomson Wadsworth.
19. Legal Information Institute. (1948) Title 18 of the United States Code. Crimes and Criminal Procedure. *Legal Information Institute*. June 25. Ch. 645. § 1. 62 Stat. 683. [Online] Available from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>. (Accessed: 24th February 2022).
20. The New York State Senate. (1965) Consolidated Laws of New York. Chapter 40. Penal. Part 3. Specific Offenses. *The New York State Senate*. July 20. [Online] Available from: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN>. (Accessed: 25th February 2022).
21. Pennsylvania General Assembly. (1970) Statutes of Pennsylvania. Consolidated Statutes. Title 18. Crimes and Offenses. *Pennsylvania General Assembly*. November 25. [Online] Available from: <https://www.legis.state.pa.us/cfdocs/legis/LI/uconsCheck.cfm?txtType=HTM&yr=1970&sessInd=0&smthLwInd=0&act=0230>. (Accessed: 25th February 2022).

Информация об авторе:

Григорьев П.А. – аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: pav96gri@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.A. Grigoriev, postgraduate student, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: pav96gri@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*

Научная статья
УДК 347.97

doi: 10.17223/23088451/19/21

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ЛИХТЕНШТЕЙНА: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Александр Анатольевич Трефилов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, trefilovaa1989@gmail.com

Аннотация. На основе нормативных и доктринальных источников рассматривается историческое развитие института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве немецкоязычных государств на примере классических правовых памятников, а также современных кодификаций XIX–XX в. Изначально система мер принуждения выглядела в данных правовых порядках достаточно примитивной и архаичной (например, в период действия Саксонского зеркала 1230 г.), однако со временем начала усложняться, в ней выделились общая и особенная часть.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, задержание, заключение под стражу, домашний арест, привод, подписка о невыезде, обвиняемый, права личности, судебный контроль, Каролина, Терезиана

Для цитирования: Трефилов А.А. Меры принуждения в уголовном процессе Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна: историческое развитие // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 117–125. doi: 10.17223/23088451/19/21

Original article

doi: 10.17223/23088451/19/21

MEASURES OF COERCION IN THE CRIMINAL PROCEDURE IN GERMANY, AUSTRIA, SWITZERLAND, AND LICHTENSTEIN: HISTORICAL DEVELOPMENT

Aleksandr A. Trefilov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, trefilovaa1989@gmail.com

Abstract. Based on normative and doctrinal sources, the author examines the historical development of procedural coercion measures in the criminal proceedings of the German-speaking states on the example of classical legal monuments and modern codes of the 19th–20th centuries. Initially, the system of coercive measures in these legal orders looked rather primitive and archaic (for example, during the period of the Saxon Mirror of 1230), but over time it began to become more complicated, a general part and a special part separated in it. In the states under consideration, there is a tendency to expand the list of measures of procedural coercion, to establish additional guarantees of the rights and freedoms of the person to whom they apply. An analysis of the Carolina of 1532 shows that the legislator sought to clearly regulate the grounds and conditions for choosing a measure of coercion in the form of detention for the accused, since this form most seriously interferes with the sphere of their personal rights. The Theresiana of 1769 for the first time provided for house arrest, which was used along with imprisonment in a fortress and in prison. In the transition from an inquisitorial criminal procedure to a mixed one, coercive measures become the object of judicial control. The legislator seeks to find a balance between the interests of the accused and the interests of justice in criminal cases. This article may be useful to anyone interested in criminal proceedings and in the history of the state and law of foreign countries.

Keywords: measures of procedural coercion, detention, remand, house arrest, compulsory attendance, recognizance, accused, rights of individual, judicial control, Carolina, Theresiana

For citation: Trefilov, A. A. (2022) Measures of coercion in the criminal procedure in Germany, Austria, Switzerland, and Lichtenstein: Historical development. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 117–125. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/21

Меры принуждения – древнейший процессуальный институт, возникший вместе с первыми памятниками права. Он существовал даже в те исторические эпохи, когда еще строго не разграничивались уголовное и гражданское судопроизводство. Это связано с тем, что принуждение – важный признак любого государства, ибо оно не может осуществлять свои функции, в том

числе по отправлению правосудия, исключительно методом убеждения*.

* Вспомним, что в Дигестах Юстиниана содержался титул III кн. 2, озаглавленный «Если кто-либо не подчинится лицу, производящему суд» [1. С. 199–201]. Законодатель в данном случае не использует понятие «меры принуждения», но подразумевает его.

В этой связи понять современное состояние данного правового института и выявить основные тенденции его развития позволяет применение историко-правового метода.

В качестве общего замечания отметим, что Саксонское зеркало 1230 г. действовало не только в Саксонии, но и во многих других немецких землях. Каролина 1532 г. имела юридическую силу на территории нынешней Германии, Швейцарии, Лихтенштейна и в других землях, входивших в состав Священной Римской империи. Терезиана 1769 г. применялась не только в Австрии, но и в Богемии. При этом данные правовые памятники оказали влияние на развитие законодательства даже тех стран, в которых они не действовали.

Проанализируем историческое формирование современной системы мер принуждения в уголовном процессе Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна.

§ 1. Меры принуждения в состязательно-обвинительном процессе. Памятники средневекового раннефеодального права, действовавшие в немецких землях, содержат указание на различные меры принуждения. Рассмотрим данный институт на примере Саксонского зеркала (*Sachsenspiegel*) 1230 г., «глубокие и прогрессивные идеи которого с учетом их дальнейшего развития сохранили свое значение для ряда последующих эпох» [2. С. 5]. В отдельных немецких землях оно действовало более 600 лет.

Привод применялся в случае задержания лица с полным (§ 1 ст. 66 кн. 1 ч. 1). Уклонение от явки на заседание суда влекло не только привод, но и наложение денежного взыскания (штрафа). Последняя мера принуждения применялась также к лицам, которые «на суде говорят или действуют противоправно» (§ 1 ст. 53 кн. 1 ч. 1). По сути, речь идет о привлечении данных лиц к процессуальной ответственности.

Залог регламентируется в Саксонском зеркале более подробно: «Кто не уплатит штраф и возмещение в надлежащий срок, у того судебный исполнитель должен взять залог и этот залог немедленно обратить на покрытие штрафа или возмещения или продать залог» (§ 3 ст. 53 кн. 1 ч. 1). Как мы видим, данная норма устанавливает основания для обращения взыскания на соответствующее имущество.

«Лен (земельное владение) должен служить залогом в обеспечение штрафа» (п. 9 гл. 2 ч. 2). Таким образом, подчеркивается, что меры принуждения могут быть направлены на обеспечение исполнения не только процессуальных обязанностей, но и обвинительного приговора суда.

Обратим внимание, что одни и те же статьи регламентировали институт залога в уголовном и гражданском процессе. Правда, последние еще не строго различались.

Поручительство во времена Саксонского зеркала рассматривалось в первую очередь как альтернатива заключению под стражу: «Если рассмотрение жалобы по обвинению арестованного будет отложено до следующего судебного дня, то его нужно освободить под поручительство» (§ 3 ст. 9 кн. 2 ч. 1 ч. 1). По смыслу закона замена более строгой меры принуждения на

более мягкую была обязательной. Также оговаривалась невозможность применить поручительство, если обвиняемый был задержан непосредственно на месте преступления (*in flagrante delicto*).

Иные меры принуждения. В Саксонском зеркале фрагментарно описаны полномочия судебного исполнителя, который «имеет право брать обеспечение, арестовывать, налагать запрещение в отношении любого человека и его имущества» (§ 2 ст. 56 кн. 3 ч. 1). «Его право – разрешить каждому десятому преступнику, который должен быть осужден, освободиться за выкуп» (§ 3 ст. 56 кн. 3 ч. 1)*. В данном перечне, помимо залога, можно усмотреть заключение под стражу и запрет совершения определенных действий.

Анализ мер принуждения по Саксонскому зеркалу позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в ранний период состязательно-обвинительного уголовного процесса нормы, относящиеся к данному правовому институту, излагались кратко и с высокой степенью обобщения. Не предусмотрены общие условия избрания мер принуждения и не обозначен четкий круг лиц, к которым они могут быть применены.

Во-вторых, в системе мер принуждения центральное место занимают привод, залог и поручительство. Упоминаются также заключение под стражу (арест) и запрет совершения определенных действий, но отсутствуют нормы, которые бы их регламентировали. Весьма интересно, что мягкие меры принуждения урегулированы подробно, а наиболее строгие – лишь названы, но не конкретизированы.

В-третьих, данный правовой памятник не упоминает подписку о невыезде и надлежащем поведении, домашний арест, а также меры принуждения, рассчитанные на отдельные категории лиц, в отношении которых ведется производство по делу (наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым).

§ 2. Меры принуждения в инквизиционном процессе. Поскольку с переходом от состязательно-обвинительного уголовного процесса к инквизиционному возрастает значение публичного начала судопроизводства, меры принуждения, применяемые государством при отправлении правосудия, начинают регулироваться более подробно и обстоятельно.

Ценным источником для изучения мер принуждения в период раннего инквизиционного уголовного процесса является «Молот ведьм» (*Hexenhammer*) 1468 г. – наиболее известная средневековая работа по демонологии. В данном литературном произведении среди прочего Яков Шпренгер и Генрих Инститорес подробно описывают уголовные дела того времени, затрагивая интересующие нас вопросы. Действие книги разворачивается преимущественно на территории современной Германии и Швейцарии.

Каролина (*Peinliche Gerichtsordnung*) 1532 г. была принята в период расцвета средневекового инквизиционного уголовного судопроизводства. По словам про-

* Не до конца понятно, в данном фрагменте идет речь об освобождении от меры принуждения или от уголовного наказания.

фессора Тюбинского университета Александр Бехтеля, она «одновременно представляет собой и кодекс, и учебник по уголовному праву и уголовному процессу» [3. С. 641]. Институт мер принуждения занимает в ней далеко не последнее место.

Уголовное уложение Марии Терезии, или Терезиана (*Constitutio Criminalis Theresiana*) 1769 г., – правовой акт, изданный в поздний период развития инквизиционного уголовного процесса. К этому времени основные институты судопроизводства, в том числе меры принуждения, приобретают завершённую форму. Во многом Терезиана также похожа на учебник для судей (например, в ст. 3 приводятся примеры к различным правовым институтам)*. К настоящему моменту она не переведена на русский язык, но доступна для анализа на латыни и на австрийском диалекте немецкого языка.

Поскольку Каролина и Терезиана не используют категорию «меры принуждения», профессор Александр Бехтель считает более уместным вести речь об «обеспечительных механизмах» (*Sicherungsmechanismen*) [4. С. 26]. Тем не менее в данной статье мы будем использовать современную терминологию, привычную российскому читателю.

Заключение под стражу занимает центральное место в системе мер принуждения во всех трех рассмотренных выше источниках, что вполне соответствует общей логике инквизиционного уголовного процесса.

I. Основания для заключения под стражу и его цели. Каролина устанавливает, в каком случае можно заключить лицо под стражу: «...если кто-либо будет опорочен дурной молвой или другими заслуживающими доверия доказательствами...» (ст. 6); при этом требовались «доброкачественные доказательства, признаки истины, подозрения и улики преступления» (ст. 18). Подчеркивается, что в силу публичного характера уголовного процесса заключение под стражу происходит *ex officio (von Amtes wegen)*, т.е. по долгу службы. При этом законодатель делает акцент не только на основаниях заключения под стражу, но и на условиях, при наличии которых к нему перед этим могла быть применена пытка (ст. 18, 21, 23, 27, 28 и др.).

Терезиана, не вдаваясь в подробности, в ст. 25 § 11 лаконично предусматривала: «...поскольку обвинения против определенного лица обоснованы, суд, имея на то веские основания, в целях предосторожности предписывает заключение лица в тюрьму» (*zur gefänglichen Verhaftung*). Такие основания не требовались, если обвиняемый «сбежал из страны, является бездельником или другим плохим человеком» (*Landlaufer, Faulenzer, oder in anderweg schlechte, und dergleichen Person*), а также если он обвинялся ранее и уже был наказан (ст. 25 § 14). Следовало максимально осторожно применять данную меру принуждения «к человеку честному, благовоспитанному, дворянского происхождения или имеющему гражданский статус» (ст. 25 § 15). Несложно заметить в данных нормах нарушение равенства всех перед зако-

ном и судом, которого, впрочем, и не могло быть в условиях сословного строя эпохи позднего феодализма.

Любопытно, что хотя основатель классической школы уголовного права Чезаре Беккариа критиковал инквизиционный уголовный процесс, он предлагал установить основания задержания и заключения под стражу весьма близкие к тем, которые предусматривали Каролина и Терезиана: «Народная молва, побег, внесудебное признание, признание сообщника в преступлении, угрозы и постоянная вражда с потерпевшим и тому подобные улики...» [6. С. 131]. Этническая немка Екатерина II, продолжая в «Наказе...» цитату Беккариа, добавляет: «...самое действие преступления и другие подобные знаки довольную могут подать причину, чтобы взять гражданина под стражу» [7. С. 51].

Авторы «Молота ведьм», повествуя о мерах принуждения, указывают основную цель заключения под стражу: «Если судья будет действовать вышеуказанным способом при судопроизводстве и обвиняемую заключит в тюрьму на некоторое время, при отсутствии очевидных улик, но при наличии сильного подозрения, то она, сломленная тяжким заключением, признается. Такое поведение судьи можно назвать справедливым». Заметим, что в данном фрагменте ничего не сказано о воспрепятствовании побегу, воздействию на свидетелей, уничтожению доказательств и т.д. Заключение под стражу имело главную цель – побудить виновного признать свою вину.

II. Укрепление законности при заключении под стражу. Автор Каролины с сожалением констатирует, что «иной раз также власти без достаточных улик хватают и сажают в тюрьму** честных людей, ранее не опороченных и не имеющих дурной славы, и действуют при таких арестах наскоро и опрометчиво» (ст. 318). Следственным судьям дается указание прекратить подобную практику. Таким образом, подчеркивается недопустимость произвольного заключения под стражу без учета фактических обстоятельств дела, серьезности подозрений и имеющихся доказательств.

Терезиана также предостерегает правоприменителя от произвольных арестов, чтобы «честный и невиновный человек не был вовлечен в расследование (дословно: “в инквизицию”) и заключен под стражу с ущербом для его чести» (ст. 25 § 12). При избрании меры принуждения следовало в особенности учитывать статус, достоинство, репутацию лица (ст. 25 § 13).

Осуждая практику произвольных арестов, женеvский и французский мыслитель Жан-Жак Руссо последовательно проводит мысль о необходимости соблюдения установленной законом процедуры заключения под стражу (наличие приказа, весомые доказательства вины и т.д.) и эмоционально осуждает «отвратительное право совершать аресты без соблюдения соответствующих формальностей» [8. С. 374]. В контексте его учения необоснованное заключение под стражу ставит под

* Любопытно, что Мария Терезия требовала устранять из НПА все, что «чуждо для языка законодателя, а произносится с университетской кафедры, как то: определения, классификации и тому подобное» [5. С. 342–343].

** Каролина понятивно не разграничивает категории «следственный изолятор» и «тюрьма», обозначая их *das Gefängnis*. В данном правовом памятнике нет указаний на необходимость раздельного содержания лиц, обвиняемых в совершении преступления, и лиц, ранее осужденных.

сомнение демократическое устройство государства и представляет собой акт произвола и тирании, дающий народу право на сопротивление угнетению, вплоть до расторжения общественного договора.

III. Советы законодателя, как избежать заключения под стражу. Каролина, руководствуясь благими намерениями, дает простые рекомендации подданным Священной Римской империи, как не оказаться под стражей и не подвергнуться пыткам: «Надлежит избегать не только совершения преступления, но и самой видимости зла, создающей дурную славу или вызывающей подозрения в преступлении. Тот, кто не делает этого, является сам причиной собственных страданий» (ст. 61). Иначе говоря, нужно тщательно заботиться о своей репутации, быть добропорядочным человеком, заслужить уважение окружающих, прилагая для этого все необходимые усилия.

Данная норма, с одной стороны, отрицает презумпцию невиновности и исходит из возможности объективного вменения, с другой – доброжелательно и заботливо подсказывает, как по ошибке не попасть в орбиту уголовного судопроизводства, в его жернова.

«Молот ведьм» и Терезиана не дают подобных рекомендаций.

IV. Заключение под стражу потерпевшего и других лиц. Законодатели Древнего мира и Средних веков допускали возможность заключения под стражу не только обвиняемого. Например, эдикт короля Теодориха Остготского (конец V – начало VI в.) устанавливал: «Вплоть до окончания суда и обвиняемый, и *обвинитель* содержатся под одинаковой охраной. Исключения составляют мелкие преступления, при которых должен быть представлен поручитель, а также, если обвиняемый – знатное или высокопоставленное лицо» (ст. 13) [9. С. 453]. Таким образом, законодатель дифференцировал применение наиболее строгой меры принуждения в зависимости от категории преступления и от социального положения лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Каролина обстоятельно рассматривает ситуацию, когда заявитель (потерпевший)* требует заключить другого человека под стражу. В этом случае на него возлагалась обязанность «предоставить прямые улики и подозрения в совершении преступления, влекущем уголовные наказания» (ст. 11). Такой заявитель в условиях инквизиционного уголовного процесса сам рисковал отправиться в места лишения свободы, поскольку его могли туда поместить вместе с обвиняемым. По всей видимости, цель данной нормы – предотвратить заведомо ложные доносы, а также обеспечить полное равенство данных участников уголовного процесса.

Если рассмотренная выше норма предполагает заключение заявителя (потерпевшего) под стражу в качестве альтернативного варианта развития событий, то следующая за ней ст. 12 предусматривает *обязательность* его

ареста: «Как только обвиняемый будет заключен в тюрьму, заявитель или его уполномоченный *должен быть взят под стражу*, доколе он не представит надлежащие залог, имущество и обеспечение поручительства, которое, как будет ниже сего указано, судья и четыре шеффена признают достаточным, соответственно обстоятельствам дела и достоинству обоих лиц». При буквальном толковании этой нормы мера принуждения в виде залога и поручительства могла применяться только к заявителю (потерпевшему), но не к обвиняемому, поскольку они имели обеспечительный характер и были связаны с возможным возмещением ущерба оправданному лицу.

Интересный исторический пример. Исаак, отец Жан-Жака Руссо, в 1722 г. скрылся в соседнем кантоне после вооруженного конфликта с французским военным Готье. Мыслитель пишет в «Исповеди»: «Мой отец, которого хотели заключить в тюрьму, *настаивал, чтобы, по закону, вместе с ним заключили и обвинителя*. Не добившись своей цели, он предпочел покинуть навсегда Женеву...» [10. С. 15]. Как мы видим, данный правовой акт применялся не в каждом случае.

Любопытно, что, по Каролине, на заявителя (потерпевшего) ложились и другие серьезные обременения, обуславливающие его дополнительную виктимизацию. Например, он должен был заплатить «не более семи крейцеров на кормление обвиняемого и караульной страже за день и ночь» (абз. 2 ст. 204). Данная сумма, имея обеспечительный характер, покрывала возникающие издержки судопроизводства. Однако запрещалось «взимать с него особую плату за каждого злодея, подвергнутого наказанию» (ст. 205). В Каролине повествуется о том, что в прежней судебной практике потерпевший был обязан заплатить за сооружение виселицы для казни осужденного. Констатируется несправедливость такого положения, в связи с чем проживающие в окрестностях *плотники* должны были воздвигнуть ее бесплатно (абз. 1 ст. 215).

Обратим внимание, что Каролина допускает заключение под стражу вместо заявителя другого лица, которое вообще не имело отношения к уголовному делу: «Если же обвинение исходит от князей, духовных лиц, представителей общин или прочих высоких особ против людей низшего сословия, то в сем случае можно допустить, чтобы вместо них было заключено в тюрьму или взято под стражу другое лицо, примерно того же звания, что и обвиняемый» (абз. 2 ст. 14). Данный подход противоречит принципу личной и виновной ответственности, исключает индивидуализацию мер принуждения, не совместим с презумпцией невиновности – словом, гармонично вписывается в логику инквизиционного уголовного процесса.

P.S.: в отличие от английского *Habeas corpus act* 1679 года, рассмотренные выше правовые акты не допускали заключение под стражу судебного чиновника в качестве санкции за ненадлежащее исполнение им процедуры ареста обвиняемого**.

* С.Я. Булатов термин *der Klager* переводит как «истец», но, представляется, что в данном случае применительно к уголовному судопроизводству более точно вести речь о заявителе или о потерпевшем. При этом мы осознаем, что в рассматриваемый период уголовный и гражданский процесс еще строго не разграничивались.

** По ст. 2 Habeas corpus act, «судебный приказ должен быть выполнен чиновником либо арестованный должен быть оставлен в тюремной крепости или тюрьме *вместе* с любым из указанных выше чиновников».

Домашний арест в «Молоте ведьм» и в Каролине не упоминается, однако мы встречаем его в Терезиане. Статья 6 § 10 предусматривает возможность поместить обвиняемого под арест в крепость, в городское укрепление или *под домашний арест* (*Schloss-, Stadt- oder Hausarrest*). Для XVIII в. это было большим прогрессом и, по всей видимости, связано, с одной стороны, с гуманизацией уголовного судопроизводства, с другой – с процессуальной экономией, поскольку государство не тратило средства на содержание обвиняемого под стражей. Он жил у себя дома и кормился за собственный счет.

Подписка о невыезде. И хотя Каролина не использует данный термин, но в отдельных статьях речь идет именно об этой мере принуждения. В силу ст. 18, «после заключения обвиняемого в тюрьму заявитель (потерпевший) не должен удаляться от судьи, доколе не укажет ему своего местопребывания в надежном и безопасном городе или поселении, куда судья мог бы посылать ему впрямь необходимые судебные повестки». Интересно, что на него возлагается обязанность по невыезду, но ничего не сказано о необходимости надлежащего поведения.

В «Молоте ведьм» в Терезиане подписка о невыезде не упоминается.

Поручительство и залог. Если ст. 12 Каролины допускала применение данной меры принуждения только к заявителю (потерпевшему), то ст. 195 – также и к обвиняемому. В соответствии с ней лицо, в отношении которого ведется расследование, в целях установления истины содержится в тюрьме, «доколе оно не представит достаточное надлежащее *поручительство и залог*». Обращает на себя внимание союз «и», позволяющий сделать вывод, что данные меры пресечения должны применяться не альтернативно, а одновременно.

Если заявитель утверждал, что у другого человека находится похищенное имущество, и требовал его передачи в свою пользу, то судья должен был потребовать «залог с поручительством или по меньшей мере присягу о том, что данное лицо возместит убытки противоположной стороне», если не докажет свои требования (ст. 307). Данные меры принуждения приобретают явно выраженный обеспечительный характер.

Авторы «Молота ведьм» пишут о дискуссии, которая велась в Средние века по интересующему нас вопросу: «Некоторые канонисты и юристы полагают возможным при наличии худой молвы, улик и обличающих показаний свидетелей, считать обвиняемых, упорно отрицающих свою вину, заслуживающими немедленного заключения до тех пор, пока они не признаются. Канонисты считают возможным *отпустить ведьму на поруки до суда*. В случае бегства ее преступление должно считаться доказанным». Как мы видим, даже при подозрении в совершении тяжкого преступления, которое наказывалось сожжением на костре, некоторые средневековые авторы допускали и иные меры принуждения, помимо заключения под стражу.

Приведем любопытный исторический пример, относящийся к судопроизводству в Лихтенштейне. Так, профессор Манфред Тшайкнер в монографии «Преследование ведьм в Тризене» (*Hexenverfolgung in Triesen*)

указывает, что в 1680 г. местному священнику удалось собрать деньги для того, чтобы Катарину Гасснерин, обвиняемую в колдовстве, отпустили до рассмотрения дела в суде *под залог* [11. S. 371].

Пытки. В «Молоте ведьм» о них говорится почти на каждой странице. Каролина предусматривала условия применения пыток, которые сопровождали производство различных следственных действий, прежде всего, допроса обвиняемого (ст. 6, 8 и др.), а также являлись частью исполнения приговора, например, предшествовали сожжению на костре (ст. 193, 194 и др.). Терезиана не только предписывала пытки, но и содержала многочисленные иллюстрации (рисунки), на которых изображено их применение.

В этой связи уместно поставить вопрос о том, какова правовая природа пыток в инквизиционном уголовном процессе? По всей видимости, если они сопровождают производство следственного действия (например, допроса), их обоснованно можно причислить к *мерам принуждения*, поскольку в предусмотренном законом порядке обвиняемый *помимо своей воли* понуждался исполнить такую обязанность, как дача показаний*.

Данная мера принуждения исчезла из уголовного процесса немецкоязычных стран вместе с утверждением принципа гуманизма и с отменой Каролины, которая в некоторых немецких землях действовала вплоть до начала XIX в., а в Швейцарии – еще дольше**. В Пруссии пытки были окончательно отменены указом Фридриха Великого в 1740 г., в Баварии – на основании Уголовного кодекса 1813 г., в Австрии – по указу 1787 г.

Анализ мер принуждения по Каролине и Терезиане позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, законодатель гораздо подробнее и обстоятельнее начинает регулировать заключение под стражу, что отражает возрастание публичных начал уголовного процесса. Постепенное обособление *мер принуждения* в уголовном процессе и *обеспечительных мер* в гражданском процессе во многом обусловило разделение данных видов судопроизводства. Указаны условия применения мер принуждения. Применительно к отдельным видам преступлений определено, какие доказательства являются достаточными для заключения под стражу.

Во-вторых, законодатель констатирует нарушения принципа законности при применении мер принуждения и пытается искоренить практику произвольного заключения под стражу. Каролина и Терезиана стремятся к правовой определенности и посредством формальной теории оценки доказательств вырабатывают механизм защиты обвиняемого от произвола со стороны следственного судьи.

В-третьих, в данный период перечень мер принуждения в немецкоязычных государствах становится более разнообразным. Каролина впервые предусмотрела подписку о невыезде, а Терезиана – домашний арест.

* Каролина и Терезиана не наделяют обвиняемого правом на отказ от дачи показаний и не содержат принцип *nemo tenetur se ipsum accusare*.

** «В Швейцарии Каролина в начале XIX в. все еще применялась по уголовным делам в отношении военнослужащих» [12. С. 191].

И хотя соответствующие нормы были весьма лаконичными, сам факт появления данного правового института представляет собой значительный прогресс.

В-четвертых, по сравнению с состязательно-обвинительным процессом, расширен перечень лиц, к которым может применяться заключение под стражу. Заявитель (потерпевший) рисковал отправиться в места лишения свободы вместе с обвиняемым, что отражает представления законодателя XVI в. о справедливости в уголовном судопроизводстве. Можно предположить, что при таком подходе лицо, ставшее жертвой преступления, часто не обращалось в правоохранительные органы, опасаясь применения по отношению к себе суровых мер принуждения.

§ 3. Формирование современной системы мер принуждения в смешанном уголовном процессе. Модернизация уголовного процесса в данный период предполагала существенное реформирование мер принуждения, которые больше не могли применяться в прежнем виде и с учетом конституционализации уголовного процесса не отвечали новым стандартам защиты прав и свобод человека.

Германия. В данном правовом порядке формирование современной системы мер принуждения связано с принятием Уголовно-процессуального кодекса (УПК) 1877 г. Рассмотрим основные особенности данного института, приняв во внимание первоначальную редакцию данного кодекса.

Во-первых, УПК содержит самостоятельную главу «Заключение под стражу и предварительное задержание» (§ 112–132). Более мягкие меры принуждения не выделены в самостоятельный раздел, их регулирование в первоначальной редакции кодекса было достаточно фрагментарным. Например, нормы о залоге содержатся в § 122, который находится внутри указанной выше главы.

Во-вторых, законодатель перечисляет основания для заключения под стражу, центральное место среди которых занимает опасность побега. При этом «подозрение побега не требует никакого дальнейшего мотивирования, когда предмет расследования есть преступление^{*}; когда обвиняемый – человек бездомный или бродячий; когда обвиняемый иностранец и существует основательное сомнение в том, что он явится в суд по вызову и подчинится приговору» [13. С. 505]. Таким образом, в ряде случаев заключение под стражу происходило автоматически, без учета обстоятельств дела.

В-третьих, предусмотрено, что заключение под стражу может быть предписано только судом (§ 114). По сути, данная норма не внесла ничего нового, поскольку даже в период инквизиционного уголовного процесса эту меру принуждения применял следственный судья – носитель судебной власти. Вместе с тем отныне допускалось обжалование заключения под стражу в вышестоящий суд, что было значительным прогрессом в сравнении с инквизиционным уголовным судопроизводством.

В-четвертых, «заключенный под стражу не позднее следующего дня по доставлении его в тюрьму должен быть по предмету обвинения допрошен судьей» (§ 115). Данная норма направлена на реализацию принципа следствия и обеспечение выполнения разумных сроков судопроизводства. Также она позволяет лицу осуществить право на защиту (так называемое право быть выслушанным, которое немцы обозначают *das Recht auf richterliche Gehör*).

В-пятых, «обвиняемому, заключенному под стражу, дозволяются устные и письменные сношения с защитником» (§ 148). В предшествующем инквизиционном судопроизводстве такого быть не могло. Данная норма конкретизирует положение § 137, в силу которого «обвиняемый во всяком положении дела имеет право пользоваться помощью защитника». Во второй половине XIX в. далеко не все европейские правовые порядки содержали такую прогрессивную норму.

Дореволюционный профессор Иван Соболев, который впервые перевел УПК Германии 1877 г. на русский язык (издание 1878 г.), выделяет в предисловии к нему 18 особенностей кодекса. Под 11-м номером мы можем прочитать: «Допущение в обширном объеме замены подследственного заключения под стражу предоставлением обеспечения». В качестве альтернатив заключению под стражу Кодекс называет поручительство и залог (§ 118), причем последний могли внести как обвиняемый, так и любые другие лица. Интересно, что в системе мер принуждения отсутствует подписка о невыезде. По смыслу кодекса возможна ситуация, когда к обвиняемому не применяется никакая мера принуждения и он не ограничивается в своих правах до вступления в силу обвинительного приговора.

Австрия. В данном правовом порядке^{**} формирование современной системы мер принуждения связано с принятием УПК 1873 г.^{***} Уместно обратить внимание на следующие особенности данного института.

Во-первых, Кодекс также содержит отдельный раздел XIV «О вызове, приводе, задержании и заключении под стражу обвиняемого», что свидетельствует о законодательной и доктринальной автономизации данного института общей части уголовного процесса.

Во-вторых, УПК перечисляет основания заключения обвиняемого под стражу, связанные с наличием доказательств его вины, но вместе с тем устанавливает, что если ему грозит наказание свыше 10 лет лишения свободы или смертная казнь, то данная мера принуждения предписывается и без этих оснований (§ 175).

В-третьих, в австрийском законодательстве впервые было установлено, что следственный судья вручает обвиняемому постановление о заключении под стражу либо при задержании, либо в течение 24 часов после этого (§ 175). Таким образом, данный участник судопроизводства мог ознакомиться с основаниями ареста и узнать, какие уголовно наказуемые деяния ему инкриминируются. Расширяются так называемые информационные права стороны защиты.

* Уголовный кодекс Германии 1877 г. подразделяет уголовно наказуемые деяния на *преступления и уголовные проступки*.

** В период с 1867 по 1918 г. Австрия входила в состав Австро-Венгрии.

*** Кодекс действовал до принятия нынешнего УПК 1975 г.

В-четвертых, предусмотрено, что если обвиняемый заключен под стражу органом безопасности, он имеет право требовать, чтобы в течение 48 часов его доставили к следственному судье (§ 178). В этом можно усмотреть зарождение судебного контроля за законностью применения мер принуждения в уголовном процессе. Обратим внимание и на то, что в Австрии, в отличие от Германии, заключение под стражу мог предписать и внесудебный орган.

В-пятых, в качестве альтернативы заключению под стражу УПК рассматривает внесение залога (*Sicherheitsleistung*), а также подписку о невыезде. Согласно § 191, «если обвиняемый освобожден и оставлен на свободе, следственный судья может потребовать принести присягу, что он не покинет свое место жительства до окончательного завершения уголовного судопроизводства без согласия следственного судьи, а также не будет скрываться и не будет пытаться помешать судебному разбирательству. Нарушение этой присяги влечет за собой заключение обвиняемого под стражу» (по смыслу закона – безальтернативно).

Лихтенштейн. В данном правопорядке формирование современной системы мер принуждения связано с принятием УПК 1913 г.* Можно выделить следующие особенности данного института.

Во-первых, в систему мер принуждения входят привод, задержание, заключение под стражу и залог. В случае бегства и уклонения от следствия обвиняемый заключается под стражу (ч. 1 § 135). Ничего не говорится про подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Во-вторых, как и в Австрии, допускалось автоматическое заключение под стражу: «Если речь идет о преступлении, за совершение которого предусмотрена смертная казнь или по меньшей мере 10 лет лишения свободы, следственный судья немедленно издает в отношении обвиняемого приказ об заключении под стражу» (ч. 2 § 117).

В-третьих, УПК предписывает немедленный допрос задержанного лица в целях установления оснований для его освобождения или заключения под стражу (§ 119). Производство данного следственного действия было обязательным и не зависело от дискреционного усмотрения следственного судьи.

В-четвертых, прогрессивно выглядит норма, в силу которой заключение под стражу может быть назначено только *обвиняемому*, который после его допроса следственным судьей остается *под подозрением* (§ 121). Как показано выше, в период инквизиционного уголовного процесса допускалось заключение под стражу и других участников судопроизводства.

В-пятых, УПК допускает массовое задержание людей, что не вполне соответствует презумпции невиновности и современным взглядам на основания применения мер принуждения. В силу § 122, «если в ходе восстания или мятежа, публичных актов насилия или других уголовно наказуемых деяний, предполагающих их совершение большим числом лиц, *невозможно немед-*

ленно отыскать виновных, то все, кто присутствовали при происшествии и не свободны полностью от подозрения в соучастии, могут быть временно задержаны». При этом в течение трех дней необходимо освободить тех лиц, подозрения в отношении которых не подтвердились.

Швейцария. Если франкоязычные кантоны (Женева, Юра, Невшатель и др.) испытали заметное влияние Кодекса уголовного следствия Наполеона 1808 г., предполагавшего смешанную модель судопроизводства, то в немецкоязычных кантонах (Цюрих, Гларус, Золотурн и др.) инквизиционный процесс существовал очень долго – до начала XX в. включительно. Исторически первый единый УПК Швейцарии был принят лишь в 2007 г., а до этого каждый кантон самостоятельно осуществлял правотворчество в рассматриваемой сфере.

Обратимся к УПК Ааргау 1958 г. и УПК Берна 1995 г., чтобы рассмотреть интересующий нас правовой институт.

1. Система мер принуждения. По УПК Ааргау она включает в себя задержание, заключение под стражу, а также так называемые альтернативные меры принуждения. Согласно § 83, если цель заключения под стражу может быть достигнута посредством таких более мягких мер, как наложение ареста на бумаги, регулярные личные сообщения в служебное учреждение, запрет покидать определенное место, то необходимо распорядиться об их применении. Альтернативные меры принуждения могут быть соединены с внесением обеспечения, которое рассматривается в качестве института *sui generis*.

УПК Берна относит к мерам принуждения заключение под стражу (судебное и досудебное), а также альтернативные меры. Согласно ст. 177, от заключения под стражу следует отказаться, его цель может быть достигнута посредством более мягких мер: 1) внесение обеспечения; 2) изъятие документов; 3) предписание в определенные периоды времени направлять сообщения в официальное учреждение; 4) предписание, обязывающее пройти медицинское лечение. Если обвиняемый уклоняется от альтернативной меры принуждения, следственный орган распоряжается о заключении под стражу.

2. Задержание. Согласно УПК Ааргау, *каждый* уполномочен произвести уголовно-процессуальное задержание: 1) если лицо застигнуто по горячим следам при совершении преступления или при покушении на него; 2) если подозреваемый в таком уголовно-наказуемом деянии застигнут после его совершения с инструментами, украденными вещами или с другими предметами, указывающими на его участие в преступлении; 3) если лицо, настоятельным образом подозреваемое в совершении уголовно-наказуемого деяния, поймано при побеге. При этом государство несет ответственность за вред, причиненный частными лицами при оказании помощи при преследовании подозреваемого. Любопытно и то, что УПК Ааргау не определяет срок задержания. При этом по общему смыслу Кодекса он должен быть *разумным*.

* Кодекс действовал до принятия нынешнего УПК 1988 г.

По УПК Берна, любой желающий может задержать лицо, «пойманное при совершении преступления или уголовного проступка или убегающее непосредственного после этого с места происшествия» (ч. 1 ст. 170). Как и в Ааргау, кантон ответствен за дальнейший вред, который причинен частным лицам вследствие такого содействия (ч. 4 ст. 172). Кантональная полиция имеет право задержать любое лицо, которое в настоящий момент осуществляет уголовно наказуемое деяние или застигнуто немедленно после этого (ч. 2 ст. 172). При подозрении в совершении уголовно наказуемого деяния кантональная полиция может задержать лицо, произвести его идентификацию и установить, находится ли в розыске он сам, транспортные средства или другие вещи, находящиеся у него на хранении. В УПК Берна мы находим интересное исключение из обязанности не свидетельствовать против самого себя: задержанное лицо должно по требованию властей сообщить свои фамилию, имя, отчество, предъявить документы, показать находящиеся при нем вещи и открыть с этой целью транспортное средство и другие хранилища (ч. 3 ст. 172). Полицейское заключение⁵ не может длиться более 24 часов с момента задержания.

3. Свободное передвижение. УПК Ааргау устанавливает, что следственный судья, прокуратура и суд, в производстве которого находится дело, могут гарантировать отсутствующему в стране обвиняемому или свидетелю неприменение заключения под стражу при определенных условиях. Свободное передвижение отменяется, если приглашенное лицо их не выполняет (§ 84). По сути, речь идет об иммунитете от заключения под стражу. Законодатель исходит из того, что уж лучше скрывающийся обвиняемый явится и при этом его не поместят в следственный изолятор, чем если он и дальше будет находиться в бегах и ничем не поможет следствию. Вспоминается красивое немецкое выражение *der Beschuldigte ist längst über alle Berge* – обвиняемый далеко за горами.

УПК Берна в ст. 198 устанавливает, что отсутствующему в стране обвиняемому, осужденному, свидетелю, лицу, являющемуся источником сведений*, орган, ведущий производство по делу, вправе гарантировать свободное передвижение; последнее может быть связано условиями. Таким образом, в данном кодексе предусмотрен более широкий круг лиц, к которым применяется этот институт. Свободное передвижение отменяется, если обвиняемый или находящийся в отсутствии осужденный приговариваются к реальному лишению свободы или если установленные условия не выполняются. На данное правовое последствие обращается внимание обвиняемого или осужденного лица при предписании свободного передвижения.

4. Основания заключения под стражу. В Ааргау, согласно § 67 УПК, в отношении обвиняемого приказ о заключении под стражу может быть издан, только если он действительно подозревается в деянии, за соверше-

ние которого предусмотрено лишение свободы, и кроме того, имеются следующие предпосылки: побег или подозрение в побеге; признаки, которые обосновывают подозрение, что обвиняемый уничтожит следы деяния, будет склонять свидетелей или сообвиняемых к даче ложных показаний или иным образом угрожать цели следствия. На основании полицейских мер безопасности возможно издание приказа о заключении под стражу, если нахождение обвиняемого на свободе связано с другими опасностями, в частности, если есть основания опасаться продолжения уголовно наказуемого деяния, а также в целях обеспечения исполнения наказания после осуждения.

УПК Берна предусматривает сходные основания заключения под стражу. При этом оба кодекса закрепляют, что *обвиняемый, по общему правилу, остается на свободе*. Данная норма – призыв законодателя, обращенный к правоприменителю, сократить применение наиболее строгой меры принуждения.

5. Отбытие наказания до вступления в силу приговора. С точки зрения российской процессуальной логики это что-то *немыслимое*. Вместе с тем, согласно § 75 УПК Ааргау, с согласия заключенного, а в случае, когда этого требует общественная безопасность, и *без его согласия* председатель обвинительной палаты кантонального суда Верховного суда, а после предъявления обвинения – председатель суда, в производстве которого находится дело, уполномочены предписать исполнение заключения под стражу в тюрьме. В данном случае лицо подчиняется режиму тюрьмы, поскольку это совместимо с целями досудебного заключения под стражу.

УПК Берна также допускает досрочное начало исполнения наказания. Согласно ст. 197, если это позволяет положение дела, орган, ведущий производство по делу, *по ходатайству обвиняемого* предписывает досрочное начало исполнения наказания в виде лишения свободы. В отличие от кантона Ааргау, в Берне это возможно только по ходатайству обвиняемого.

Такой подход противоречит презумпции невиновности и другим фундаментальным началам уголовного процесса. Вместе с тем он не является новеллой данных кодексов.

Так, еще Екатерина II в «Наказе...» рассматривает заключение под стражу в уголовно-правовой, а не в уголовно-процессуальной плоскости: «Взятие под стражу есть наказание (в немецком тексте – *eine Strafe*), которое от всех других наказаний разнится тем, что оно по необходимости предшествует судебному объявлению преступления»; правда далее императрица противоречит сама себе: «Быть под стражею *не должно признавать за наказание* (в немецком тексте – *nicht für eine Strafe*), но за средство хранить особу обвиняемого» [7. С. 296].

Таким образом, эволюция мер принуждения при переходе от инквизиционного уголовного процесса к смешанному в основном была связана с расширением права лица на защиту при избрании меры принуждения, а также с закреплением различных альтернатив заключению под стражу, ибо по своей природе любая мера принуждения мягче, чем эта.

* В уголовном процессе Франции данного участника называют ассистируемым свидетелем.

Законодатель в целях гуманизации уголовно-процессуального законодательства стремится к ограничению применения заключения под стражу; по всей видимости, поиски альтернатив продолжатся и в обозримом будущем.

Неуклонно возрастает роль суда при применении наиболее строгих мер принуждения; судебный контроль за законностью ограничения прав и свобод участников судопроизводства, прежде всего, обвиняемого становится более полным.

Список источников

1. *Дигесты Юстиниана*. Т. I / под ред. Л.Л. Кофанова. М., 2002. С. 199–201.
2. *Саксонское зеркало*. Памятник, комментарии, исследования / под ред. В.М. Корецкого. М., 1985. 272 с.
3. Bechtel A. Die Constitutio Criminalis Carolina von 1532 – Wegbereiter einer eigenständigen deutschen Strafrechtsdogmatik. Tübingen. Teil 1 // ZJS. 2017. № 6. S. 641–648.
4. Bechtel A. Die Constitutio Criminalis Carolina von 1532 – Wegbereiter einer eigenständigen deutschen Strafrechtsdogmatik. Tübingen. Teil 2 // ZJS. 2018. № 1. S. 20–28.
5. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. М.: Зерцало, 2001. 560 с.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Информ, 2004. 184 с.
7. Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 532 с.
8. Письма с горы // Жан-Жак Руссо. Трактаты. М.: Канон-Пресс, 1969. 416 с.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н.А. Крашенинниковой. М.: Норма, 2005. 465 с.
10. Исповедь // Собрание сочинений Жан-Жака Руссо. Т. 3. М., 2018. 372 с.
11. Tschaikner M. Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit, in: Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. Ausgabe 125, Januar 1998, 30. Jahrgang. S. 371.
12. Резон А. фон. Из Швейцарии // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 6. 201 с.
13. Устав уголовного судопроизводства Германской империи / пер. И. Соболева. СПб., 1878. 509 с.

References

1. Kofanov, L.L. (ed.) (2002) *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Translated from Latin. Vol. 1. Moscow: Statut. pp. 199–201.
2. Koretskii, V.M. (1985) *Saksonskoe zertsalo. Pamyatnik, kommentarii, issledovaniya* [The Saxon Mirror. Monument, comments, research]. Moscow: Nauka.
3. Bechtel, A. (2017) Die Constitutio Criminalis Carolina von 1532 – Wegbereiter einer eigenständigen deutschen Strafrechtsdogmatik. Tübingen. Teil 1. *Zeitschrift für das Juristische Studium*. 6. pp. 641–648.
4. Bechtel, A. (2018) Die Constitutio Criminalis Carolina von 1532 – Wegbereiter einer eigenständigen deutschen Strafrechtsdogmatik. Tübingen. Teil 2 *Zeitschrift für das Juristische Studium*. 1. pp. 20–28.
5. Marchenko, M.N. (2001) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Jurisprudence]. Moscow: Zertsalo.
6. Bekkaria, Ch. (2004) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [About Crimes and Punishments]. Moscow: Inform.
7. Tomsinov, V.A. (ed.) (2008) *Ekaterina Vtoraya. Nakaz, dannyy Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya* [Catherine the Second. The order given to the Committee on the composition of the draft of the new Code]. Moscow: Zertsalo.
8. Rousseau, J.-J. (1969) *Pis'ma s gory. Traktaty* [Letters from the Mountain]. Translated from French. Moscow: Kanon-press.
9. Krashennikova, N.A. (2005) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Anthology on the History of State and Law of Foreign Countries]. Moscow: Norma.
10. Rousseau, J.-J. (2018) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
11. Tschaikner, M. (1998) Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit. In: *Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde*. 125 (30). Januar. P. 371.
12. fon Rezon, A. (1887) Iz Shveysarii [From Switzerland]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. 6.
13. Sobolev, I. (1878) *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva Germanskoy Imperii* [The Statute of Criminal Proceedings of the German Empire]. Translated from German. Saint Petersburg: [s.n.].

Информация об авторе:

Трефилов А.А. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Trefilov, Cand. Sci. (Law), senior researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/19/22

РЕЦЕНЗИЯ на монографию доцента, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета Воронина Олега Викторовича «Пенитенциарный надзор» (М.: Юрлитинформ, 2022. 200 с.)

Владимир Александрович Уткин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Для цитирования: Уткин В.А. Рецензия на монографию доцента, кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности О.В. Воронина «Пенитенциарный надзор» // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 126–127. doi: 10.17223/23088451/19/22

Review

doi: 10.17223/23088451/19/22

BOOK REVIEW: VORONIN, O.V. (2022) *PENITENTSIARNYY NADZOR* [PENITENTIARY SUPERVISION]. MOSCOW: YURLITINFORM

Vladimir A. Utkin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

For citation: Utkin, V.A. (2022) Book review: Voronin, O.V. (2022) *Penitentsiarnyy nadzor* [Penitentiary supervision]. Moscow: Yurlitinform. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 19. pp. 126–127. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/19/22

Реформирование современной уголовно-исполнительной системы, ее постепенное приближение к международным стандартам побуждают искать оптимальные формы публичного наблюдения за уголовно-исполнительной деятельностью. В современной юридической науке все чаще звучат призывы шире внедрять зарубежный опыт функционирования пенитенциарного надзора, при этом не всегда во внимание принимается отечественный опыт в данной области. Между тем он по-своему достаточно уникальный: в разное время в России при сохранении определяющей роли прокурорского надзора функционировали практически все известные формы пенитенциарного контроля – надзор тюремной инспектуры, судебный и общественный контроль. При этом ведущая координационная и надзорная роль прокуратуры позволяла довольно плодотворно сочетать данные виды контроля, избегая возможных противоречий и «конфликта интересов».

О.В. Воронину удалось достичь заявленной в монографии цели – выявить оптимальные формы контроля пенитенциарной сферы в конкретных историко-правовых условиях, обозначить основные принципы взаимодействия различных видов публичного наблюдения за местами изоляции от общества с учетом важнейшей роли прокуратуры в осуществлении отечественного пенитенциарного надзора.

Монография О.В. Воронина представляет собой глубокое исследование института прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества, предпринятое в условиях изменившегося уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Заслуживают поддержку выводы автора, что пенитенциарный надзор прокуратуры на сегодняшний день остается самым эффективным средством обеспечения законности в местах лишения свободы. Интересен предлагаемый подход к определению пенитенциарного надзора прокурора как отдельного вида прокурорской деятельности, протекающего в рамках традиционных отраслей прокурорского надзора и прочих направлений работы прокуратуры. Следует согласиться и с предлагаемым уточнением предмета и пределов пенитенциарного надзора прокуратуры, с предложением автора о включении в предмет пенитенциарного надзора прокурора и юридически значимой деятельности всех субъектов в местах принудительной изоляции от общества независимо от специфики их правового статуса.

Особенности дислокации и структуры исправительных учреждений, условия изоляции, ограничение свободного доступа посторонних лиц в места лишения свободы, режимные требования, зависимое от соответствующих администраций положение осуж-

денных обуславливают исключительную роль прокурора в качестве гаранта соблюдения правового положения заключенных. В этой связи обосновано выделение автором в качестве неотъемлемой, но в то же время самостоятельной части пенитенциарного надзора прокуратуры правозащитного направления, выражающегося, по мнению О.В. Воронина, в охране и защите прав изолированных лиц средствами прокурорского надзора.

Привлекая большое число источников, автор весьма уважительно относится к предшественникам, используя их работы для тактичного обоснования собственных научных выводов.

Значимость монографии О.В. Воронина «Пенитенциарный надзор» выражается в том, что на основе вы-

водов, сформулированных в представленной работе, автор обосновывает предложения и рекомендации, которые могут быть использованы при совершенствовании законодательства, регулирующего прокурорский надзор за законностью принудительной изоляции в местах лишения свободы. Практическая реализация предложений автора может способствовать активизации прокурорского надзора за исполнением законов в местах лишения свободы, содействовать повышению эффективности прокурорской правозащитной деятельности.

Конечно, не все положения работы О.В. Воронина в равной степени убедительны и обоснованы, о каких-то можно и нужно дискутировать. Впрочем, это не умаляет ее научной значимости.

Информация об авторе:

Уткин В.А. – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Utkin, Dr. Sci. (Law), professor, head of the Department of Penal Law and Criminology, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 13.05.2022.*